

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина

Вестник

Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина

Научный журнал

№ 2(13)

серия филология

Санкт-Петербург

2008

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина

Научный журнал

№ 2 (13)
Основан в 2006 году
серия филология

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов (главный редактор),
Е. С. Нарышкина (зам. главного редактора),
Н.В. Поздеева (отв. секретарь),
Л. Л. Букин, Т. В. Мальцева, Г. П. Чепуренко

Редакционный совет:

Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Е. И. Колесникова, кандидат филологических наук, доцент;
С. А. Семячко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник;
А. В. Скворцова, кандидат филологических наук;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент (отв. за выпуск)
Л. И. Харченкова, доктор педагогических наук, профессор;
С. С. Шимберг, кандидат филологических наук, доцент;
В. А. Ямшанова, доктор филологических наук, профессор

Отв. редактор А. А. Беляева

Редактор Е. В. Дворецкая

Технический редактор Н. В. Чернышева

**ЖУРНАЛ ВХОДИТ В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ
ЖУРНАЛОВ И ИЗДАНИЙ, РЕКОМЕНДОВАННЫХ ВАК РФ ДЛЯ
ПУБЛИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДОКТОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-23714**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,

Петербургское шоссе, д.10

тел./факс: (812) 476-90-34

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А.С. Пушкина, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАГМАТИКА И ДИСКУРС

А.В. Голоднов

Риторический метадискурс: к определению понятия 7

Н.А. Трофимова

Интенциональный смысл высказывания и его операторы 19

В.Д. Шевченко

Некоторые аспекты процессов интерференции
дискурсов в американской публицистике 36

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

И.М. Михайлова

О переводах Иосифа Бродского с нидерландского
языка (опыт лингвистического анализа) 45

Л.П. Тарнаева

Концепция языковой личности в контексте проблем
переводоведения 55

ГРАММАТИКА

А.М. Аमतов

К вопросу машинного перевода: энтропия языковой
системы и способы ее преодоления 71

Е.В. Дворецкая

Семантика компонентов бипропозициональной структуры
предложения с абсолютной конструкцией 91

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ю.А. Комарова

Моделирование процесса формирования иноязычной
научно-исследовательской компетентности
специалистов в условиях последипломного образования .. 103

И.Б. Смирнов

Учет особенностей фонетических систем немецкого и
русского при формировании фонетических навыков на
начальном этапе обучения 128

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

В.А. Андреева

Особенности художественного хронотопа в современном литературном нарративе..... 144

А.Л. Вольский

К соотношению исторического и аллегорического толкования при герменевтической интерпретации поэтического текста..... 157

CONTENTS

PRAGMATICS AND DISCOURSE

A.V. Golodnov

Rhetorical discourse: to the definition of the notion..... 7

N.A. Trofimova

Intentional sense of an utterance and its operators 19

V.D. Shevchenko

Some aspects of interference of discourses process in the
American media 36

THEORY OF TRANSLATION

I.M. Mikhailova

Joseph Brodsky's translations of Dutch Poetry
(a linguistic analysis) 45

L.P. Tarnaeva

Conceptions of Linguistic Personality and the
Translation Theory..... 55

GRAMMAR

A.M. Amatov

On the Issue of Machine Translation: Entropy
of a Language and ways to Bypass It..... 71

E.V. Dvoretzkaya

Semantics of the components of the bisentential structure
in the sentence complicated by the absolute participial
construction..... 91

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

J.A. Komarova

Modelling of formation process of foreign language scientific
research competence of specialists in conditions of post
graduate education..... 103

I.B. Smirnov

Taking into account typological features of the phonetic systems
of German and Russian in forming phonetic skills at the initial
stage of training..... 128

TEXT LIGUISTICS

V.A. Andreeva

Peculiarities of literary chronotope in modern literary narrative..... 144

A.L. Volsky

About the correlation of the history and the allegory interpretation method in the tradition of hermeneutics 157

ПРАГМАТИКА И ДИСКУРС

УДК 808.5

А.В. Голоднов*

РИТОРИЧЕСКИЙ МЕТАДИСКУРС: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Ключевые слова: метадискурс, персуазивность, прагматический метадискурс, риторический метадискурс, социо-функциональный дискурс

В статье вводится и определяется понятие риторического метадискурса. Риторический метадискурс рассматривается как совокупность текстов различных типов, относящихся к различным коммуникативным сферам (социо-функциональным дискурсам – политическому, рекламному, религиозному) и объединяемых персуазивной интенцией адресанта. В статье описываются основные параметры риторического метадискурса и намечаются пути его функционально-прагматического анализа.

The article deals with the rhetorical discourse as a complex of different types of texts, which belong to different spheres of communication (social discourses such as political, advertising or religious discourse) and are united by the persuasive intention of a message-source. The article describes relevant characteristics of rhetorical discourse and maps out some methods of its pragmatic analysis.

Современное состояние лингвистики характеризуется окончательным утверждением в ней коммуникативно-функциональной и развитием когнитивной парадигмы, в рамках которых традиционная лингвистическая проблематика выводится на новый уровень рассмотрения. В центр исследовательского интереса выдвигается взаимодействие языка с различными мыслительными структурами и процессами и отражение этого взаимодействия в прагматическом контексте – ситуации речевого общения. При этом речевое общение интерпретируется как особый вид деятельности, направленный на

* **Голоднов Антон Владимирович**, кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

осуществление человеком определенных целей в сфере познания окружающего мира и его описания, на формирование мнений и убеждений, на регулирование социального и индивидуального поведения людей. Таким образом, современная лингвистика отчетливо демонстрирует тенденцию к расширению объекта своих исследований, развиваясь в науку о говорящем человеке, о его речемыслительной деятельности, объективирующейся в форме текста.

В этой связи, на первый план в лингвистике текста выдвигаются проблемы изучения текста как результата ментально-речевого взаимодействия индивидов. Текст рассматривается как объект, в котором через специфическую упорядоченность тематических и языковых компонентов кодируется содержание коммуникативного события, и отражаются различные элементы коммуникативного процесса. Конкретное коммуникативное событие, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве и фиксируемое в форме текста, в ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов трактуется как дискурс (см. об этом подробнее [1: 11-22]). Подобное понимание дискурса находит отражение в базовом определении данной категории, приведенное в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [2: 136-137].

В немецкоязычной лингвистической традиции, как отмечает В.Е. Чернявская, термин «дискурс» имеет и другое содержание: Дискурс «представляет собой комплексную взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной

сферы» [1: 16-17]. При этом исторически сложившиеся в общественной практике определенные коммуникативные сферы рассматриваются как особые типы дискурса, которые мы называем социо-функциональными. Примерами социо-функциональных дискурсов являются политический, юридический, экономический и т. п.

Следует, однако, отметить, что типология дискурсов, как любая классификация, может строиться на различных основаниях (критериях). Принимая во внимание телеологичность (целенаправленность) дискурса любого типа, мы классифицируем дискурсы по целеустановке их адресанта, т.е. выделяем прагматические типы дискурса.

Онтологически прагматический дискурс может рассматриваться как метадискурс. Под метадискурсом в данной работе понимается гетерогенный дискурс, включающий в себя тексты (типы текстов), относящиеся к различным социо-функциональным дискурсам, но имеющие определенные общие коммуникативно-прагматические признаки. Прагматический метадискурс мы рассматриваем в трех аспектах:

1) как совокупность дискурсивных параметров, которые являются общими (инвариантными) для некоторых типов текста, функционирующих в различных коммуникативных сферах, но объединенных общей целеустановкой. В этом аспекте можно говорить о дискурсе-прототипе, когнитивном сценарии и т.п.;

2) как ментально-коммуникативный процесс развертывания любой связной последовательности высказываний в соответствии с этим когнитивным сценарием;

3) как совокупность текстов (типов текстов), объединенных общей целеустановкой и отвечающих заданным дискурсивным параметрам.

Между прагматическим метадискурсом и социо-функциональными дискурсами могут существовать отношения как полной, так и частичной

инклюзивности, что объясняется возможностью «сосуществования» в одной коммуникативной сфере типов текста с разными прагматическими целеустановками (например, речь адвоката и приговор в юридическом дискурсе).

Предмет данной статьи – риторический дискурс – определяется нами как прагматический метадискурс, включающий типы текста ряда социо-функциональных дискурсов (политического, научного, юридического, рекламного, публицистического, религиозного), объединенные установкой на воздействие с целью добиться от реципиента принятия самостоятельного решения о необходимости, желательности либо возможности совершения / отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта.

Понятие риторического дискурса восходит, во-первых, к античной риторике, которая возникла как теория публичной речи, изучающая разнообразные формы преимущественно языкового воздействия на слушателя (аудиторию), или, по Аристотелю, пытающаяся «найти возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [3: 8]. Риторика систематизировала рекомендации, касающиеся композиции речей, способов аргументации, убеждения и эмоционального воздействия на слушателя, средств оживления и украшения стиля (риторических фигур). Одним из важных положений античной риторики было положение о свободе принятия решений в отношении предмета убеждения.

Во-вторых, использование термина «риторический дискурс» обусловлено обращением к современным риторическим концепциям, разрабатываемым с 40-50 гг. 20 столетия. В этот период демократические изменения во многих европейских государствах делают актуальным поиск способов воздействия на аудиторию, приемлемых в новых общественно-политических условиях, когда

свобода принятия решений реципиентом является одним из основных параметров ситуации воздействия. Среди современных риторических концепций выделяется неориторика Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Тытека [4]. Х. Перельман называл неориторику теорией аргументации, однако оперировал не истинностными, а ценностными суждениями, которые являются неформальными, правдоподобными, вероятностными и выступают в качестве аргументов. Главная цель аргументации по Х. Перельману и Л. Ольбрехтс-Тытека – присоединение (adhesion) аудитории к положениям оратора, которое представляет собой добровольный акт и предполагает выбор, основой которого является согласие (accord).

В-третьих, термин «риторический дискурс» коррелирует с термином «риторическая коммуникация», который вводит в научный обиход Б. Франц-Берингер в одноименной работе [5], заложив один из краеугольных камней в развитие лингвистической теории риторического воздействия.

Обращение лингвистики к риторическому воздействию было обусловлено «прагматическим поворотом», переходом от изучения «языка в себе и для себя» к антропоцентричности, социальности и «индивидуальности» языка, к изучению языка в говорящей общности. Особенностью схемы риторической коммуникации по Б. Франц-Берингер является отнесение изменений внешнего мира к компонентам речевой ситуации наряду с адресантом (отправителем) и реципиентом (получателем) и закодированной знаками естественного языка информацией, заложенной в тексте. Под непосредственной реализацией цели понимаются самостоятельные действия адресанта. При косвенной реализации эти действия совершает за него другой (т.е. реципиент) вследствие оказываемого на последнего риторического воздействия. Цель риторической коммуникации не исчерпывается

передачей информации, но и включает изменение мнения реципиента по какому-либо вопросу, а также его действий, что, в конечном счете, должно привести к изменениям во внешнем мире.

Как уже было отмечено выше, риторический дискурс рассматривается как интегративная единица, включающая определенные виды текстов, обладающие универсальными «риторическими» параметрами на разных уровнях ментально-коммуникативной организации (когнитивном, функционально-коммуникативном, прагматическом, языковом). Анализируя существующие работы, посвященные риторическому воздействию ([6: 116-133], [5], [7], [4] и др.), можно определить некоторые риторические параметры, инвариантные для текстов, образующих риторический дискурс:

- целью общения в рамках риторического дискурса является регулирование посткоммуникативного поведения реципиента (побуждение его к действию в интересах адресанта) через изменение убеждений, мнений, оценок реципиента;
- адресант риторического дискурса принимает коммуникативную роль источника побуждения, а реципиент – роль исполнителя каузируемого адресантом действия;
- коммуникативная роль источника побуждения может реализовываться вариативно в зависимости от меняющихся условий общения (от рационального аргументатора до манипулятора);
- для риторического дискурса характерна дихотомия рационального убеждения и эмоционально-манипулятивного «обольщения» реципиента;
- адресант и реципиент находятся в отношениях реального либо симулируемого (прежде всего адресантом) равноправия.

Более того, поддержание отношений равноправия выгодно адресанту для достижения его цели;

– реципиент принимает самостоятельное решение о необходимости / желательности / возможности совершить определенное действие в интересах адресанта в ситуации свободного выбора.

Разумеется, данный список является неполным. Максимально полное выявление совокупности риторических параметров является одной из задач исследования риторического дискурса, но уже сейчас можно утверждать, что главной универсальной характеристикой риторического дискурса, объединяющей приведенные выше параметры, является персуазивность. В самом общем виде персуазивность можно определить как стратегию воздействия, имеющую цель побудить реципиента к совершению / отказу от совершения посткоммуникативного действия.

Термин «персуазивность» (нем. Persuasion, англ. persuasion ← лат. persuasio “убеждение”, “уговаривание”) является достаточно новым для отечественной лингвистики, несмотря на то, что явления языка и речи, которые описываются с помощью данного термина, изучаются в рамках отечественной стилистики, лингвистики текста, психолингвистики и теории речевого воздействия ([6], [8: 120-130], [9], [10] и др.).

В зарубежной лингвистике ([11], [12], etc.), а также в работах отечественных лингвистов ([8], [13] и др.), этот термин используется широко, но неоднозначно, что объясняется применением этого термина

- 1) для явлений хотя и онтологически сходных, но не одинаковых;
- 2) для характеристики явлений разного уровня абстракции.

В первом случае обращают на себя внимание попытки соотнести понятия персуазивности и аргументирования. Можно выделить как минимум три варианта такого соотношения:

1. Персуазивность, понимаемая как манипулятивное «обольщение», ориентированное на эмоциональную сферу реципиента, противопоставляется аргументированию как процессу рационального убеждения [14].

2. Персуазивность рассматривается как совокупность приемов, направленных на усиление аргументов. «Персуазивность необходима аргументации «как соль для супа» (das Salz in der Suppe) [15].

3. Персуазивность понимается как «стилистический вариант» реализации аргументирования, как «практическое аргументирование» в реальных коммуникативных ситуациях [16].

Отсутствие единства в определении понятия персуазивности дополняется широким использованием этого термина для характеристики явлений разного уровня абстракции. В работах отечественных и зарубежных исследователей встречаются термины персуазивное воздействие (persuasive Beeinflussung), персуазивная коммуникация (persuasive Kommunikation), персуазивный речевой акт (persuasive Sprachhandlung), персуазивный текст (persuasiver Text), персуазивная ситуация (persuasive Situation), персуазивная стратегия (persuasive Strategie), персуазивное (риторико-персуазивное) средство (rhetorisch-persuasives Mittel).

Остается не до конца решенным также вопрос о разграничении понятий «персуазивность» и «директивность», «персуазивность» и «суггестивность». Можно высказать предположение о возможном взаимодействии (либо о вариативном использовании) данных стратегий воздействия в определенных коммуникативных ситуациях с изменением в то же время речевых тактик при переходе от одной

стратегии к другой (например, в бытовом диалоге убеждения). Это объясняется, на наш взгляд, спецификой риторического воздействия: инициируемое адресантом изменение посткоммуникативного поведения может выражаться в последовательности действий разной природы:

- ментальных при условии, что адресант стремится побудить реципиента к со-мышлению (Mit-Denken), т.е. к принятию его точки зрения;
- эмоционально-чувственных при условии, что адресант имеет целью вызвать изменения в эмоциональном состоянии реципиента, побудить его к со-чувствию (Mit-Fuehlen);
- конкретно-практических, когда адресант побуждает реципиента к со-действию (Mit-Machen), т.е. к совершению конкретного действия, выгодного адресанту.

Важно, что побуждение к конкретно-практическому действию зачастую осуществляется через со-мышление и / или со-чувствие, что предопределяет возможность использования для достижения цели адресанта самых разнообразных речевых тактик воздействия и разноуровневых языковых средств.

Являясь универсальной функционально-прагматической характеристикой текстов риторического дискурса, персуазивность определяет специфику языкового оформления подобных текстов. Не вызывает сомнения возможность выявления универсальных приемов языковой реализации персуазивности в риторических текстах. Следует, однако, учитывать, что риторический дискурс включает тексты различных типов, объединяемые ведущей ролью стратегии персуазивности в их построении. Поэтому наряду с выявлением универсального на разных уровнях текстовой организации, необходимо установить, как универсальное реализуется в конкретных

коммуникативных ситуациях, а также выделить специфические особенности различных типов риторического текста. Рассматривая универсальные характеристики типов текста, относящихся к риторическому дискурсу, в сочетании с их специфическими особенностями, представляется возможным осуществить полное типологическое описание риторического дискурса с одной стороны, и конституирующих его типов текста с другой.

К основным риторическим типам текста мы относим:

- публичное выступление (в политике, научной дискуссии, торжественных социальных актах);
- речь адвоката перед судом (защитительная речь);
- речь прокурора перед судом (обвинительная речь);
- проповедь;
- тексты рекламно-апеллятивного характера (рекламное объявление, лозунг, листовка, граффити и т. п.);
- публицистические тексты прессы.

Названные виды текстов в наибольшей степени обладают, на наш взгляд, дискурсивными риторическими характеристиками и представляют основные социо-функциональные дискурсы, формирующие риторический метадискурс (политический, научный, юридический, религиозный, рекламный дискурсы).

Риторические тексты естественной коммуникации в определенной степени моделируемы, т.к. строятся по правилам, формирующимся в коллективной практике, и отражают становление и развитие определенных сфер общественной жизни какого-л. народа (народов). Риторический дискурс, несомненно, представляет собой одну из констант европейского социокультурного контекста.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что риторический дискурс является типологической единицей, интегрирующей тексты различных

типов, которые относятся к различным коммуникативным сферам, но объединяются общей прагматической целеустановкой адресанта на персуазивное воздействие – побуждение реципиента к совершению определенного коммуникативного действия в ситуации свободного выбора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001.

2. Арутюнова Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. – с. 136-137.

3. Аристотель. Риторика / Аристотель. – М.: Лабиринт, 2000.

4. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. A New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. – Notre Dame (Ind.): Univ. of Notre Dame Press, 2000.

5. Franz-Boeringer, B. Rhetorische Kommunikation. – Quickborn b. Hamburg: Schnelle, 1963.

6. Безменова Н.А. Речевое воздействие как риторическая проблема / Н.А. Безменова // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 116-133.

7. Ивин А.А. Риторика: искусство убеждать / А.А.Ивин. – М.: Гранд: Фаир-пресс, 2002.

8. Гончарова Е.А. Персуазивность и способы ее языковой реализации в дискурсе рекламы / Е.А. Гончарова // Studia Linguistica – 10. Проблемы теории европейских языков: сб. науч. тр. – СПб.: Тригон, 2001.

9. Лившиц Т.Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте / Т.Н. Лившиц. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ун-та, 1999.

10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. – Волгоград: Перемена, 2000.

11. Hoffmann, M. Gestaltungsstrategien und strategisches Gestalten. Zur Persuasivitaet von Thematisierungsstilen im politischen Diskurs. In: Beitrage zur Persuasionsforschung: unter besonderer Beruecksichtigung textlinguistischer und stilistischer Aspekte. – Frankfurt am M.: Peter Lang, 1998. – SS. 57-93.

12. Mann E. Persuasive Sprechhandlungen in Alltagsdialogen des Russischen, unter besonderer Beruecksichtigung ihrer Handlungsbedingungen. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. – Potsdam, 1999.

13. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1999.

14. Herbig A.F. „Sie argumentieren doch scheinlich!“ Sprach-und sprechwissenschaftliche Aspekte einer Stilistik des Argumentierens. – Frankfurt am M.: Peter Lang, 1992.

15. Holly W., Kuehn P., Pueschel U. Politische Fernsehdiskussionen: Zur medienspezifischen Inszenierung von Propaganda als Diskussion. – Tuebingen: Niemeyer, 1986.

16. Gruenewald, H. Argumentation und Manipulation in Spiegel-Gespraechen. – Frankfurt am M., Bern, New York: Peter Lang, 1985.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЕГО ОПЕРАТОРЫ

Ключевые слова: интенция, конституирование смысла, модальные глаголы, модальные слова, модальные частицы, перформативные глаголы, смысловой слой, смыслопорождающие операторы

В статье рассматривается многомерный феномен смысла и его наиболее существенный элемент – интенция. Автор показывает действие лексических операторов порождения интенционального смысла: перформативных глаголов, модальных глаголов, слов и частиц.

In the article sense is treated as a multidimensional phenomenon and intention as its most essential element. The author shows the role of lexical operators (performatives, modal verbs, words and particles) at intentional sense generation.

Смысл относится к категориям «общего места», которые постоянно фигурируют как в научном, так и обыденном общении. Общепризнанной является и идея о представлении смысла высказывания как о некой многомерной сущности. Классической работой в этом отношении является монография А.В. Бондарко [1], где автор, характеризуя смысл высказывания, формирующегося в речевой коммуникации, определяет его как феномен, результирующий из взаимодействия и взаимосвязи нескольких видов информации. Различные виды смысла в разном терминологическом обозначении противопоставляются и в исследованиях других именитых и молодых ученых (В.Г. Адмони, И.П. Сусов, В.Н. Телия и др)

* Трофимова Нэлла Аркадьевна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Автор настоящей статьи разделяет мнение о немонолитности, смысла и утверждает, что смысл высказывания не статичен, он конституируется из отдельных компонентов в каждом конкретном случае употребления высказывания и детерминируется актуальным языковым и внеязыковым контекстом. При этом как отдельные элементы, так и весь смысл в целом способны к непрерывному изменению и развертыванию. В ходе этого процесса каждый элемент обнаруживает в себе новые перспективы и смысловые слои, возникающие лишь в условиях соположения и сплавления с другими элементами. В результате создается некий универсум смыслов, многомерное пространство, где каждый возможный единичный смысл – это одно измерение этого универсума.

Попытка приложения идеи о многомерной сущности смысла к конкретным высказываниям приводит нас к выявлению упорядоченного некоторым образом набора специфически структурированных компонентов, простая последовательность которых выглядит следующим образом:

- пропозиция – элементарный смысл высказывания, его своеобразный фундамент; она формулирует определенное положение дел в возможном мире;
- интенция, вернее, сложный интенциональный комплекс, – каждый речевой акт, произносимый говорящим с определенным намерением воздействовать на слушателя в желательном направлении;
- эмотивный смысл, выступающий в виде «надстройки» на единство пропозиции и интенции. Этот компонент, в свою очередь, имеет сложносоставный характер и делится на оценочную, эмоциональную и реляционную составляющие.

– оценка – частная или общая – присутствует как компонент смысла высказывания всегда, но имеет особенности выражения в разных типах речевых актов;

– эмоции как имманентная сущность человека, имеющего волю, желание всегда сопровождают выражение оценки, особенно индивидуальной. Отправители и получатели высказываний, «персонажи иллокутивной игры» (О. Дюкро), оказываются носителями эмоций, возникающих, если оценка касается их интересов. Чем сильнее затронуты эти интересы, тем более действенна оценка и тем больше влияние речевого акта на эмоциональное состояние адресата.

– реляционный (субъективный) смысл, эмотивное (не-нейтральное) отношение говорящего к адресату представляет собой неявное, неманифестируемое в смысле, о котором адресат высказывания может делать лишь некоторые предположения, исходя из стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определенных обстоятельствах;

– оказиональные смыслы, обусловленные специфической ситуацией общения во взаимодействии с отдельными элементами высказывания.

Таков состав основных компонентов смысла высказывания в схематическом его отображении. Их положение в смысловом целом динамично, каждый играет свою специфическую роль, они имеют разный удельный вес при актуализации высказывания, поэтому многомерная модель смысла необходимо трансформируется в зависимости от условий прагматической ситуации, выводя на передний план одни элементы и пряча, имплицитно другие.

Предметом более подробного рассмотрения в настоящей статье является один из названных элементов модели смысла – наиболее существенный, определяющий тип речевого акта, отличающий один речевой акт от другого – интенциональный смысл. Он представляет

собой более или менее сложный комплекс, включающий в себя информацию обо всех интенциональных состояниях сознания говорящего, прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодированных в языковой структуре.

Интенция (иллокуция) – одно из основополагающих понятий теории речевых актов, она доминирует в речевом акте, функционально подчиняя себе его другие составляющие (локуцию, пропозицию и перлокуцию). Мы определяем интенцию как коммуникативное намерение говорящего, которое он выражает, имея для этого определенный повод и используя характерным образом единицы и правила известной обоим партнерам языковой системы.

В реальной коммуникации высказывание реализует (более или менее сознательно) не одно коммуникативное намерение, а несколько – факт, подтвержденный многими исследователями. Поэтому следует, вероятно, отказаться от моно-интенциональной интерпретации речевого акта и говорить о первичной (доминирующей) и вторичных интенциях или основном и дополнительных коммуникативных намерениях. В. Зекеланд говорит в этой связи об «иллокутивном потенциале» высказывания [2: 28].

Границы потенциальной иллокутивной многозначности очень широки, поэтому главным средством ее нейтрализации при желании говорящего выразить в конкретной ситуации не все возможные в рамках данного высказывания коммуникативные намерения, а только одно из них (или несколько, но не все), является учет контекста. К. Бюлер сравнивал инференциальную деятельность слушающего с работой детектива, подобно которому он из контекста или обстоятельств общения выясняет, что предполагал или имел в виду говорящий [3: 63]. Например, побудительное высказывание *Mach schneller!* в зависимости от контекста может быть приказом (в военном

институциональном контексте), распоряжением (в педагогическом контексте) или просьбой (при общении друзей). Высказывание *Das hast du gut gemacht!*, произнесенное учителем, интерпретируется как похвала, если оно адресовано ученику, решившему трудную задачу, и как ироничное порицание, если адресат-ученик, вертясь и безобразничая на уроке, упал со стула.

Полиинтенциональность высказывания имеет разную природу. С одной стороны, речевое действие может касаться как уже произошедших событий, так и предстоящих, реализовать ретроспективные и проспективные интенции. Например, похвала, положительно оценивая совершенное адресатом действие (ретроспективная интенция), одновременно ободряет его, побуждает к достижению дальнейших успехов (проспективные интенции). С другой стороны, интенции говорящего могут реализовывать коммуникативное намерение, имеющее значение в момент речи, «здесь и сейчас», или нацеленное на шаг или несколько шагов вперед, касающееся коммуникативной стратегии в целом. Такая особенность позволяет нам говорить об интенциях речевого акта и об интенциях речевой стратегии. Очевидным образцом реализации таких интенций «разной протяженности» является речевой акт комплимента, посредством которого говорящий оценивает актуальное в момент речи качество слушающего и одновременно реализует намерение «впрок» установить желательную атмосферу коммуникации, указать на свое положительное отношение к адресату с тем, чтобы иметь при необходимости возможность обратиться к нему, например, с просьбой.

Иногда случается так, что при участии в разговоре более двух участников один речевой акт направлен одновременно к нескольким из них и реализует разные интенции. Примером может служить следующее диалогическое единство [4: 51]:

Schüler 1: Wir sollen doch alle Fragen beantworten, Frau X, oder?

Schüler 2: Nein, wir sollen doch nur die ersten drei Fragen beantworten!

Lehrer: Ihr sollt alle Fragen beantworten.

Реплика учителя имеет двух адресатов и является одновременно положительным ответом на предшествующий вопрос первого и отрицательным ответом на вопрос второго, то есть реализует биинтенциональный речевой акт.

Д. Вундерлих иллюстрирует явление полиинтенциональности примером ссоры двух мальчиков, в которую вмешивается третий со словами *Ich werde dich gegen Peter beschuetzen* [5: 37]. Автор считает, что в этом случае одновременно реализуются одновременно две интенции – угроза или предупреждение, адресованное одному из участников ссоры, и обещание, направленное второму.

Учитывая сказанное, мы можем утверждать, что подобное функционирование речевых актов демонстрирует комплекс интенций, представляющих систему взаимосвязанных компонентов, где на ведущую (первичную) интенцию накладываются прочие, служащие для наиболее полного представления ситуации, придания высказыванию оригинальности и искренности и оказания соответствующего воздействия на слушающего. Одни из интенций случайны, единичны, неуловимы для непосвященных, а другие наиболее частотны, характерны, программируемы и востребованы в практике общения. Таким образом, мы имеем «сплав», пересечение интенций при выделении интенциональной доминанты [6: 45].

Нельзя забывать и о категории косвенных высказываний, в которых основная интенция говорящего выводится путем некоторых умозаключений, она накладывается на другую, буквально выраженную. Значит, в косвенных высказываниях интенциональная иерархия

усложняется: буквальный смысл переплетается с подразумеваемым, включаются во взаимодействие нюансы скрытого смысла.

Важным вопросом – среди принципиальных – является вопрос об операторах, маркерах интенционального смысла – определенных вербальных и невербальных «ключях», конвенциональных языковых формах, на основе которых коммуниканты распознают интенции друг друга. К ним в первую очередь относятся перформативные глаголы (*danken, loben, wuenschen, gratulieren* и др.) – глаголы-матрицы, индицирующие тип речевого акта при одной и той же пропозиции: *Ich fordere dich auf / bitte dich/ flehe dich an/empfehle/wuensche dir ..., dass du dich ordentlich benimmst.*

При всей очевидности и «удобности» эксплицирования интенции посредством перформативного глагола, он (перформативный глагол) не может быть назван среди «лидеров» частотности употребления, поскольку обладает признаками официальности, социостилистической маркированности. В неинституализированных дискурсах значительно обычнее *Hallo! Guten Tag* вместо *Ich gruesse dich, Benimm dich* вместо *Ich bitte dich, dich ordentlich zu benehmen*. Такие высказывания являются синонимами «чистых» перформативов, их большая употребительность дает исследователям повод утверждать, что «перформативный глагол-предикат покидает глагольную парадигму и вступает в новые парадигматические системные отношения с группой синонимичных, эквивалентных высказываний» [7: 177], как, например: *Ich danke; Danke; Ich moechte danken* и др. Мнение о существовании перформативной парадигмы устоялось в современной лингвистике и представлено во многих работах в рамках теории речевых актов. Применительно к немецкому языку перформативную парадигму можно представить следующими членами:

а) номинализации как *Danke, Entschuldigung, Glückwunsch*. В них нет грамматического 1 лица настоящего времени (обязательный признак перформативного глагола), в них присутствует семантический подлежащий, семантический момент речи, поэтому их можно назвать семантическими перформативами.

б) сочетание перформативного глагола с модальным элементом, в первую очередь с модальным глаголом: *Ich moechte danken, ich muss mich entschuldigen, ich moechte wuenschen / gratulieren* и т.п. Такой тип перформативной формулы вслед за Б. Фрейзером называют «скрытыми» перформативами [8], он употребляется в так называемых «ритуалах избегания» (И. Верлен), так как формулирует модальность долга, возможности, необходимости, разрешения – виды модальности, касающиеся человеческих потребностей сохранения «лица». Г.Н. Лич объясняет действие скрытых перформативов как переход при их произнесении на метаязыковой уровень, где говорящий, символически испрашивая разрешения на совершение речевого акта, тем самым совершает его [9: 140]. Запрос разрешения на совершение речевого акта связан, по мнению автора, с тем обстоятельством, что партнеры не всегда автоматически могут претендовать на приоритетное право инициировать разговор и использовать его в собственных целях.

Следует отметить, что в высказываниях такой конструкции соответствующий речевой акт, несмотря на «скрытость» перформатива, совершенно реален, поскольку фокус внимания в нем сосредоточен не на субъективной модальности желания, долженствования, возможности и др., а на интенциональном значении перформативного инфинитива, и, значит, такие высказывания эквивалентны собственно перформативам: *ich moechte danken = ich danke, ich moechte gratulieren = ich gratuliere, ich muss mich entschuldigen = ich entschuldige mich*.

Модальный элемент, «скрывающий» перформатив, оказывает порой сильное модифицирующее действие на реализацию интенции. Особенно это касается модального глагола *muessen*, реализующего модальность вынужденности и превращающего действие в «квазиинтенциональное»: поскольку высказывания с модальностью вынужденности характеризуются подчеркнутым нежеланием совершения действия, то объект действия не может считаться полноправным объектом интенции. При произнесении высказывания *Ich muss mich wohl entschuldigen* говорящий совершает речевое действие извинения под влиянием обстоятельств, с трудом преодолевая неприязнь к адресату и нежелание извиняться. Известный исследователь модальных смыслов С.Н. Туровская говорит даже о «минус-интенциональности» таких высказываний, «настолько ярко подчеркивается вынужденная природа совершенных или совершаемых, или планируемых действий или поступков» [10: 38]. Интересно, что безальтернативность необходимости всегда содержит в себе компонент отрицательной оценки декларируемого действия, поэтому мы утверждаем факт двунаправленного влияния модального элемента скрытого перформатива: модификация интенции, с одной стороны, и имплицитное выражение некоторой оценки, с другой.

в) сочетание стертого императива *Gestatten Sie* с перформативным инфинитивом: *Gestatten Sie mir, Ihnen zu danken*, оно также эквивалентно прямому перформативу (*ich danke Ihnen*), но обладает социостилистическим оттенком официальности.

г) глаголы *ausdrücken*, *aussprechen* в сочетании с номинацией интенции, они употребляются, как правило, с модальным элементом, увеличивающим официальность, тождественность, значимость речевого акта: *Ich moechte Ihnen meinen Dank aussprechen*.

д) своеобразное переведение пропозициональной части в интенциональную с помощью элиминации ясного из ситуации перформативного предиката: *Frohe Weihnachten (Ich wünsche euch frohe Weihnachten!)*. Такой конструкции в лингвистике было дано название имплицитно-перформативной: собственно перформативная часть отсутствует, но актуализацией пропозиции все-таки совершается соответствующее речевое действие: при произнесении *Gut gemacht* совершается речевое действие похвалы, эксплицируемое как *Ich lobe dich, indem ich sage, dass du es gut gemacht hast*; актанты, соответствующие говорящему и адресату, опускаются ввиду их очевидности в ситуативном контексте. Поскольку ситуативных пропозициональных обстоятельств может оказаться немало, такая конструкция становится модельной, образуя множество реальных конвенциональных и узуальных перформативных высказываний, например, пожелания: *Viel Glueck! Viel Erfolg! Viel Freude! Gute Besserung! Ein glueckliches neues Jahr!*

Н.И. Формановская, анализируя особенности русских перформативных высказываний, вводит понятие коммуникативно-семантической группы – синонимически (или тематически) связанные группы перформативных высказываний, объединенных одним интенциональным значением [11]. Речь идет о типизированных способах выражения интенции, поэтому при этом возможен учет не только прямых, но конвенциональных косвенных речевых актов, которые в силу типичности в типичных ситуациях стали стереотипными и закрепились в языковом сознании говорящих и в их коммуникативной и прагматической компетенции.

Как видим, понятие коммуникативно-семантической группы синонимично перформативной парадигме. Системная организация высказываний в них проходит также на уровне интенционального

смысла, категориального речеактового устройства и прагматических функций. Так, интенциональное значение и иллокутивная функция *Dank* находит выражение в соответствующей коммуникативно-семантической группе: *Ich danke dir (euch/Ihnen)* (с интенсификатором *herzlich, verbindlichst*), *Dank (vielen, herzlich)*; *Ich bin Ihnen (so) dankbar. Ich moechte Ihnen danken (herzlich)*; *Gestatten Sie mir, Ihnen zu danken; Gestatten Sie mir, Ihnen meinen Dank auszusprechen* и т.д. Каждое из высказываний коммуникативно-семантической группы имеет свои социостилистические характеристики, поэтому говорящий в конкретной ситуации общения ориентируется на статусно-ролевые признаки адресата и на степень важности его речевого действия. Так, за пустячную услугу не принято благодарить с использованием формул как *Gestatten Sie mir, Ihnen meinen Dank auszusprechen*.

Перформативные парадигмы (коммуникативно-семантические группы) включают стереотипные способы выражения перформативности, свойственные данному интенциональному значению. Перечень таких способов далеко не безграничен. Он не может включать категорию косвенных высказываний в связи с многообразием их возможных форм. Поэтому при интерпретации интенции говорящего, реализованной в косвенном речевом акте, адресат опирается на элементы коммуникативной ситуации и свою коммуникативную компетенцию, а также на определенные маркеры, являющиеся частью поверхностной структуры высказывания. Важнейшими элементами, модифицирующими смысл высказывания, являются модальные глаголы, модальные слова и частицы.

Модальные глаголы превращаются в косвенных высказываниях в фактор ослабления или полной нейтрализации основной интенции высказывания – они реализуют дополнительные прагматические значения, окказиональные смыслы. Это касается, например, глаголов с

модальным значением долженствования, имеющим непосредственное отношение к понятию нормы – строгим правилам, запретам, принятым в некоторой социальной совокупности. Нормы, как известно, императивны, безразличны к склонностям и желаниям индивида (его интенциям и интенциональным состояниям). Нарушение нормы влечет за собой порицание: *Sie sollen rechtzeitig kommen* – косвенное порицание за опоздание. Модальность долженствования характеризуется отсутствием альтернатив (ввиду императивности для определенного класса) и содержит в себе всегда оценку «хорошо» для вменяемого в обязанность поведения и оценку «плохо» для несоблюдения правил (*Es ist gut, rechtzeitig zu kommen, es ist schlecht, sich zu verspaeten*). Наличие таких векторных характеристик («необходимо следовать норме» – вектор направлен на модификацию интенции, «не следовать норме – плохо» – вектор направлен на выражение оценки) «мультиплицирует» модальность интенционального смысла при одной и той же форме выражения.

Сильная модификация интенционального смысла осуществляется модальным глаголом *dürfen* [12: 43]. Высказывание *Darf ich Sie ebenso hoeflich wie dringend darauf aufmerksam machen, dass Sie hier befinden, um Briefe postfertig zu machen, nicht zu Lektuere (Fallada)* выражает формальный запрос разрешения напомнить слушающему о необходимости выполнения должностных обязанностей. Однако статусная маркированность ситуации – реплика исходит от вышестоящего собеседника и направлена нижестоящему – «разворачивает» интенцию от несмелого напоминания (такое значение это высказывание могло бы иметь при изолированном употреблении) в сторону холодного саркастического порицания за недопустимое развлечение в рабочее время, жесткое (*dringend*) требование прекратить его и заняться предписанной положением деятельностью.

Модальные слова и частицы являются многофункциональными смыслопорождающими операторами, модализируя и оценивая описываемое в предложении содержание. Их назначение заключается также в том, что они связывают высказывание с коммуникативным контекстом, модифицируют речевой акт с точки зрения говорящего, способствуют процессу восприятия высказывания адресатом, регулируют интеракцию.

Высокой частотностью употребления обладают модальные частицы в высказываниях той или иной формы, выполняющих регулятивную функцию, то есть реализующих побуждение к совершению/прекращению какого-либо действия – в порицаниях, похвале – речевых актах, указывающих на статусный и волевой приоритет говорящего в ситуации (он находится в позиции Взрослого, Учителя, Начальника). Такое регулятивное побуждение всегда субъективно, поэтому вполне закономерно появление в нем модальных частиц, выражающих определенное субъективно-модальное отношение говорящего к самому побуждению и к собеседнику [13: 27]. О реализации высказыванием побудительной интенции сигнализируют частицы *mal*, *doch*, *bloss*, вносящие каждый раз новые, тонкие оттенки в единый смысл. Например, частица *mal*, употребленная в порицании-упреке, придает ему оттенок смятченности, некатегоричности, фамильярности, например: *Kannst du mir mal verraten, was dieser Laerm soll? Musst du das ganze Viertel wecken? (Rome)*. В приведенном высказывании именно частица свидетельствует об изменении интенции, поскольку она (*mal*) не употребляется в собственно вопросах, ее наличие в высказываниях с вопросительной формой указывает на их особую прагматическую направленность: говорящий выражает в форме вопроса недовольство в связи с поведением адресата, строгое порицание его и просьбу вести себя сообразно обстоятельствам.

Совершенно очевидно, что высказывание не содержит запроса о расположении / возможности собеседника ответить на вопрос.

Частица *doch* при ее употреблении в порицаниях модифицирует интенциональный смысл высказывания в направлении увеличения убедительности порицания и настоятельности выражаемого требования, например: *Um aller Heiligen, schrei doch nicht so, Mann! Man hoert`s ja bis hinueber zum Schneiderbanger (Steingruber)*. С другой стороны, частица *doch* в приведенном примере во взаимодействии с каузацией требования прекратить кричать (*Man hoert`s ja bis hinueber zum Schneiderbanger*) снимает жесткость, безапелляционность императивной формы, превращая побуждение из категоричного приказа в дружеское одергивание. При порицаниях в ассертивной форме частица *doch* указывает на очевидность порицаемого положения вещей, является своего рода «напоминанием» адресату о неблагоприятном характере его действий или поступков: *Und du? Was hast du getan? Du hast ihn doch auch verstossen, weil er dir laestig war (Uhl)*.

В косвенных высказываниях в форме вопроса встречаются самые разные частицы (самые частотные из них - *denn* и *schon*, нередко также *doch*, *wohl*, *auch*, *etwa*), при этом частица *schon* является самодостаточным дифференциальным признаком отрицательной ассерции. Вопросы, содержащие *schon*, задаются говорящим исключительно с целью убедить собеседника в том, что ответ на них может быть только отрицательным, например: *Was ist solchen Menschen schon heilig, alles muessen sie mit ihren schmutzigen Fingern beflecken (Kellermann)* – говорящий с возмущением дает отрицательную оценку происходящим событиям и людям, принимающим в них участие. И если без частицы *schon* это высказывание могло бы восприниматься как собственно вопрос (*Was ist solchen Menschen heilig?*) с возможным

оппонентом (*Ihnen ist das und das heilig*), то в данном случае весь состав сложного высказывания (слово *was*, утрачивающее свою знаменательность и приближающееся по функции к субъектно-модальным частицам в том числе, и последующая предикативная единица как минимальный контекст, содержащая аргумент в доказательство мнения говорящего) однозначно указывает на наличие эмоционально-отрицательного значения. Слово *schon* ставит при этом последнюю, основную точку.

Функция модальных слов (*vielleicht, moeglicherweise, vermutlich, wirklich, wahrscheinlich, sicherlich, zweifellos, angeblich, bekanntlich, offenbar*) в высказывании состоит в модализации пропозиции, причем эта модализация модифицирует и интенцию высказывания, интенсифицирует его иллокутивную силу: слово *sicherlich* указывает на более высокую степень уверенности говорящего в содержании высказывания, чем слова *wahrscheinlich* или *moeglicherweise*, ср.: *Monika geht sicherlich / moeglicherwiese / vielleicht / wahrscheinlich ins Kino*. Значит, основная задача модальных слов состоит в градации иллокутивной силы, посредством этого и происходит однозначное определение интенции. Например, в высказывании порицания *Sie sind wirklich auffallend froehlich! (Hauptmann)* слово *wirklich* индицирует высокую степень уверенности в действительности пропозиции. Модализация такого рода имеет смысл только для асертивных высказываний, так что использование *wirklich* в директивном или квеситивном акте исключается. Следовательно, высказывание говорящего может иметь только асертивную иллокутивную цель. Рассуждая далее, замечаем, что утверждение очевидного обоим собеседникам факта (*Sie sind auffalend froehlich*) является нерациональным и не соответствует конвенциям речевого общения. Напрашивается логический вывод о реализации высказыванием еще

одной интенции – интенции порицания собеседника, упрека в легкомыслии и несерьезном отношении к обстоятельствам. Более того, эта интенция является, по-видимому, основной в ситуации обсуждения результатов детективного расследования, детали которого несколько забавляют адресата высказывания.

Модифицируя интенцию, модальные слова одновременно передают различные оттенки эмоционального настроения говорящего, еще более нюансируя общий смысл высказывания. Например, в высказываниях эмоционального воздействия часто встречается слово *endlich*, функционирующее в качестве модального, передающее эмоциональный оттенок недовольства, раздражения, вызванного поведением адресата, например: *Du spichst in Raetseln, Betty. Willst du mir endlich sagen, was nun wirklich los ist? (Tyran)*. При элиминации *endlich* высказывание теряет настойчивость, эмоционально-побудительный характер и превращается в простой запрос информации о намерениях адресата или (при хорошем воображении интерпретатора и соответствующей прагматической ситуации) в некатегоричную просьбу.

Таким образом, модальные глаголы, частицы и слова являются своеобразными смыслопорождающими операторами, индикаторами особого типа. Они регулируют выражение различных субъективно-модальных оттенков и позволяют выразить нюансы в реализации иллокутивной силы.

Спектр операторов, рождающих пласт интенционального смысла, значительно шире и разнообразнее приведенного перечня и включает языковые средства всех уровней – от просодического (сложный акцентно-интонационный рисунок) до синтаксического (синтаксические типы предложений, специфический порядок слов, особенности актуального членения). Каждое из них вряд ли в состоянии

самостоятельно определять интенцию, средства смысловой организации высказывания накладываются и взаимодействуют в процессе его порождения. Их актуализацией говорящий акцентирует внимание адресата на том или ином смысловом аспекте, распределяет интенции по степени их важности в данном акте речевого общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978.
2. Soekeland W. Indirektheit von Sprechhandlungen. – Tuebingen, 1980.
3. Buehler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. – Stuttgart, 1965.
4. Diegrietz Th., Fuerst C. Empirische Sprechhandlungsforschung. Ansaetze zur Analyse und Typisierung authentischer Aeusserungen. – Erlangen, 1999.
5. Wunderlich D. Zur Konventialität von Sprechhandlungen // Wunderlich D. (Hg.): Linguistische Pragmatik. – F.a.M., 1972.
6. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск, 1999.
7. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические единицы единиц общения. – М., 1998.
8. Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics. – Vol.3: Speech Acts. – 1975.
9. Leech G. Principles of Pragmatics. – London, 1983.
10. Туровская С.Н. Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект. – ДД филос. по русс. яз. – Тарту, 1997.
11. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях // Русский язык за рубежом. – 1986. – №3.

12. Трофимова Н.А. Модальные глаголы как иллокутивные индикаторы // Язык, литература, культура: диалог поколений: Мат. междун. науч. конф. – Москва – Чебоксары, 2004.

13. Трофимова Н.А. Модальные слова и частицы как иллокутивные индикаторы // Linguarum terra: Сб. науч. трудов. – Чебоксары, 2006.

УДК 821.111(73)-3

В.Д. Шевченко*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ДИСКУРСОВ В АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Ключевые слова: интерференция дискурсов, кинодискурс, публицистика, развернутая метафора

Статья посвящена проблеме взаимоотношений между различными типами дискурса. Автор делает попытку проанализировать функцию фрагмента кинодискурса в составе публицистического.

The article is devoted to the problem of interrelationships between various discourses. The author tries to analyze the function of a fragment from the cinema discourse within a framework of the media one.

Жанровое многообразие включений в современном публицистическом дискурсе приводит к тому, что в его состав могут входить включения из непечатных источников, например, фильмов и телепрограмм. В подобных случаях мы сталкиваемся с включением сообщения, которое в рамках дискурса-донора передается в иной форме, а также в совокупности с другими знаками.

* **Шевченко Вячеслав Дмитриевич**, кандидат филологических наук, Самарский государственный университет.

Для того чтобы детально рассмотреть специфику взаимоотношений между данными типами дискурса, обратимся к взглядам известных исследователей на такую форму массовой коммуникации, как кино. Так, У. Эко считает кино «сложным коммуникативным явлением сочетания словесных, звуковых и иконических сообщений» [1: 204]. Ю.М. Лотман отмечает, что современный фильм, помимо «движущихся картин», «включает словесные сообщения, музыкальные сообщения, активизацию внетекстовых связей, которые подключают к фильму многообразные структуры смыслов. Все эти семиотические пласты сложно монтируются между собой, и отношение их также создает смысловые эффекты. Эту способность кино «втягивать» в себя самые разнообразные типы семиозиса и организовывать их в единую систему имеют в виду, когда говорят о синтетическом или полифоническом характере кино» [2: 362-363]. Следовательно, взаимодействующие дискурсы отличаются не только по содержательным, но также и по существенным формальным параметрам, главный из которых связан с использованием определенного арсенала знаков.

В данной статье будет рассмотрено включение словесного сообщения из фильма, актуализирующего модель определенной изображенной в фильме ситуации, в состав публицистической статьи, написанной в жанре эссе, отличительными особенностями которого является небольшой объем и свободная композиция, а также выражение индивидуальных впечатлений и соображений по конкретному поводу или вопросу, заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета [3: 1246-1247]. В этом случае в процессе интерференции интерпретация передаваемых посредством текста статьи предметно-референтных ситуаций происходит через призму ситуации, относящейся к фильму, и

наоборот, т.е. ситуации накладываются друг на друга благодаря наличию в них общих элементов. Обратимся к примеру: *"I do not know the way," Frodo Baggins, the unlikely hero of The Lord of the Rings, declares of his mission to destroy the fateful ring of J.R.R. Tolkien's imagination. In the cinematic epic that gave us the artistic exclamation point to 2003, Frodo spoke for many. This was surely the year in which we ambled hopefully, foolishly, gamely into the dark. Some would like to ascribe the many human failings of the year to willful deception. Bush lied! But cover-ups are not as common in human history as screw-ups. This was, rather, a year in which we all got it wrong. It was the year of living erroneously* (Time, December 29, 2003-January 5, 2004, p. 168). В данном примере использования словесного сообщения из фильма в рамках публицистического эссе мы сталкиваемся с выходом языкового знака из совокупности знаков (включающей также визуальные и звуковые), используемых для передачи определенного содержания в рамках фильма, и переводом его из звуковой в графическую форму. На наш взгляд, при переходе в новый дискурс и адаптации к нему (переводе в графическую форму) знак сохраняет связи с другими знаками (визуальными и звуковыми), в сочетании с которыми он был использован в фильме. Будучи включенным в новый для себя дискурс, знак начинает по-новому передавать смысл, однако упоминание о дискурсе-источнике (*in the cinematic epic*) заставляет реципиента вспомнить об ином способе, посредством которого происходила передача смысла в рамках кинодискурса. Этот способ, как уже отмечалось, связан с взаимодействием с другими знаками.

Языковой знак, перешедший из кинодискурса в публицистический, становится частью метафоры, используемой в качестве одного из средств воздействия на сознание читателя: *"This was surely the year in which we ambled hopefully, foolishly, gamely into the dark"*. Метафора в

данном случае является развернутой, т.е. «состоит из нескольких метафорически употребленных слов, создающих единый образ» [4: 124]. В рамках этой метафоры незнание, приводящее к совершению ошибок, отождествляется с движением в темноте. Развернутую метафору, использованную автором, по аналогии с концептуальными метафорами [5] можно представить как двухкомпонентную логико-семантическую структуру, устанавливающую связь между двумя понятийными областями: IGNORANCE IS MOVING IN THE DARK. Лексические единицы, входящие в состав развернутой метафоры, называют особенности действия, выбранного в качестве образа, передавая определенные характеристики субъектов обозначаемых ошибочных действий.

Как отмечает Л.С. Белоус, развернутая метафора может быть выражена эксплицитно, когда вербализуются оба ее компонента: обозначаемое и обозначающее [6: 112]. В тексте анализируемого публицистического эссе обозначаемое выводится в результате интерпретации высказывания одного из главных персонажей фильма, цитируемого в самом начале статьи: *"I do not know the way"*. Обознающее следует после высказывания *"Frodo spoke for many"*, связывающего ситуацию из фильма с фактами, описываемыми в тексте эссе (см. пример выше). В последующем тексте повторно вербализуется и подвергается конкретизации такой компонент метафоры, как обозначаемое: автор приводит доказательства того, к чему могут привести заблуждения, обусловленные недостатком знаний или опыта в определенной сфере: *"We still don't know a lot. We screw up. We fail even as we succeed. We do not know everything. As Defense Secretary Donald Rumsfeld pronounced, there are "known unknowns," and then there are "unknown unknowns." Some things are actually quite hard to fix because the systems behind them are intricate, complicated and created*

by humans. New Yorkers and the inhabitants of a whole swath of North America spent a delirious, humid night in the complete dark in August, and for hours no one had a clue why the power grid had crashed or how on earth to fix it" (Time 2003-2004, 168). В этом отрывке элементами, эксплицирующими обозначаемое, являются следующие: "We still don't know a lot", "We screw up", "We do not know everything", "no one had a clue". Дальнейшие высказывания конкретизируют обозначаемое.

Можно сделать вывод, что высказывание, взятое из кинодискурса, актуализирует знания об определенной ситуации, в рамках которой на первый план выдвигается состояние субъекта действия. В тексте эссе похожая ситуация представляется метафорически с последующей экспликацией и конкретизацией обозначаемого. В этой связи рассмотрим важный вопрос о предметно-референтных ситуациях, диалогические отношения между которыми устанавливаются благодаря взаимодействующим в процессе интерференции текстам.

Как пишет французский философ Ж. Делёз, «кино в аспекте психомеханики или как духовный автомат отражается в собственном содержании, в своих темах, ситуациях и персонажах. <...> Существует нечто присущее лишь кинематографу ...» [7: 594]. На наш взгляд, это связано с природой кино как вида искусства, обладающего особым способом передачи содержания и оказывающего специфическое воздействие на зрителя. Благодаря этим особенностям реконструировать ситуацию, передаваемую сообщением, относящимся к кинодискурсу, значительно легче, т.к. в нем определенная ситуация передается, как уже отмечалось, посредством совокупности знаков, частью которой является словесное сообщение.

Когнитивная модель ситуации, относящейся к фильму, актуализируется в сознании реципиента при помощи лексической единицы *mission*. Предполагается, что данная модель (сценарий)

включает в себя такие составляющие, как участники (один человек или группа людей), их характеристики, последовательность его / их действий (выполнение ряда заданий), цель и задачи, место (перемена места с целью выполнения заданий), время (как правило, ограниченный период времени) и т.п. В тексте статьи реализуются такие составляющие модели ситуации, как участник (называется посредством антропонима *Frodo Baggins*) и цель (*to destroy the fateful ring*). Таким образом, текст статьи наполняет данные составляющие сценария конкретной информацией. Автор статьи также выражает свое отношение к персонажу посредством прилагательного *unlikely*, т.е. наделяет его определенной характеристикой. В тексте также дано указание на такую характеристику участника, как состояние, вызванное отсутствием опыта или необходимых знаний. Читатель получает эту информацию на основе высказывания персонажа, которое было произнесено вначале, еще до выполнения действий, предусмотренных моделью ситуации. Данное высказывание персонажа представляет собой определенную реакцию на существующее положение вещей (например, наличие препятствий, которые персонаж, как ему кажется, не способен преодолеть), следовательно, его интерпретация также помогает реконструировать конкретную ситуацию. Остальные составляющие частной модели (сценария предметно-референтной ситуации) читатель реконструирует, исходя из имеющихся у него знаний о данном эпизоде фильма или соответствующем фрагменте произведения; в этом случае происходит восстановление связей цитаты с текстом-источником.

В процессе знакомства с текстом эссе в сознании читателя также актуализируются когнитивные модели описываемых в нем ситуаций, кроме этого, он соотносит полученную информацию со своим опытом и структурами знаний, имеющими отношение к передаваемым текстом

эссе предметно-референтным ситуациям. Благодаря информации, получаемой посредством взаимодействующих текстов, происходит также обновление (подтверждение, уточнение, изменение и т.п.) когнитивных моделей различных ситуаций, хранящихся в его памяти, а также усвоение моделей новых ситуаций, с которыми читатель раньше, возможно, не был знаком.

В процессе интерференции дискурсов читатель дополняет свое видение какого-либо события информацией, полученной из текста; соединение имеющихся у читателя знаний о каком-либо событии с текстовой информацией о нем приводит к тому, что читатель (стимулируемый текстом) обращается к самому событию в целом, а не только к какому-либо его аспекту, затронутому в статье, т.е. он рассматривает определенный фрагмент действительности, социокультурного контекста, исходя из имеющихся общих знаний о нем. Так происходит создание дискурса. К примеру, информацию о причинах гибели солдат читатель соотносит с той обширной информацией о войне в Ираке, которая хранится в его памяти; новая информация занимает определенную ячейку в структуре знаний читателя, определенный слот фрейма заполняется, таким образом, конкретным содержанием. Переход от текста к структурам знаний, к которым он «апеллирует», перенос информации из текста в определенную ячейку данной структуры относится, на наш взгляд, к дискурсивной деятельности. В случае, когда благодаря взаимодействию текстов соотносятся две и более совершенно разные ситуации и, соответственно, совершенно разные структуры знаний, связанные с ними, происходит процесс интерференции дискурсов.

Цитата и принимающий текст актуализируют в сознании реципиента модели различных ситуаций (*mission, blackout, war, shuttle crash*). Таким образом, в социокультурных контекстах

взаимодействующих текстов на первый план выходят ситуационные, а также социально-психологические внетекстовые структуры, поскольку особое внимание в текстах уделяется состоянию субъектов действий, выступающих в качестве участников ситуаций, вызванному отсутствием необходимых знаний или опыта и приводящему к совершению трагических ошибок. Интенция автора заключается в том, чтобы привлечь внимание читателя к данному аспекту окружающей действительности, поэтому им была выбрана цитата, связанная с такой же внетекстовой структурой, однако существующей лишь в возможном мире. О значимости социально-психологических внетекстовых структур свидетельствует их отражение в развернутой метафоре, оказывающей особое воздействие на читателя и влияющей на интерпретацию последующего текста. На особое состояние субъектов действий указывают такие элементы двоякого толкования, как *hopefully*, *foolishly*, *gamely*. Следует отметить, что именно состояние участников описываемых ситуаций, в число которых входят и рядовые члены общества, имеет особое значение для автора статьи, поэтому он старается привлечь к данной внетекстовой структуре внимание читателей, передавая ее в заключительной части эссе посредством метафорического сравнения, реализуемого при помощи высказывания в сослагательном наклонении: *“It felt at times as if we were all on a massive reality show like Joe Millionaire in which a critical fact, like Joe’s enormous fortune, was subsequently revealed as phony. Except we all are the producers and viewers of this particular reality. And like watching reality shows, we have adjusted our vision to the new twists and turns of fact and fiction”* (Ibid.).

Анализ ситуаций, передаваемых текстом эссе, происходит через призму ситуации, относящейся к фильму (например, участники данных ситуаций могут ассоциироваться с главным персонажем фильма), при

этом столкновение ирреальности ситуации из фильма и реальности ситуаций из текста статьи, т.е. возможного и реального миров оказывает особое воздействие на читателя, влияя на процесс убеждения его в авторской точке зрения. Включая в текст эссе цитату из фильма, автор, на наш взгляд, пытается повлиять на читателя, в какой-то степени используя особый способ воздействия, присущий кинематографу, знания о котором актуализируются в сознании читателя благодаря маркерам в тексте эссе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / перев. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб.: «Симпозиум», 2004.
2. Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2005.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2003.
4. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago; London, 1980.
6. Белоус Л.С. Развернутая метафора // Метафоры языка и метафоры в языке / А.И. Варшавская, А.А. Масленникова, Е.С. Петрова и др.; под ред. А.В. Зеленщикова, А.А. Масленниковой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – С. 110-131.
7. Делёз Ж. Кино. – М.: «Ад Маргинем», 2004.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'255.2

И.М. Михайлова*

О ПЕРЕВОДАХ ИОСИФА БРОДСКОГО

С НИЛДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

(опыт лингвистического анализа)

Ключевые слова: Бродский И.А., голландская поэзия, нидерландская поэзия, переводоведение, поэтический перевод, стихотворный перевод, теория перевода

Статья содержит лингвистический анализ русского перевода нидерландского антифашистского стихотворения «Песня восемнадцати казненных» (Ян Камперт 1941). И. Бродский создал блистательное стихотворение, виртуозное по рифмам и ритму, которое идеально вписалось в русскую традицию свободолюбивой поэзии. Однако ряд лирических мотивов стихотворения Я. Камперта, не характерных для русских стихов о Великой Отечественной, при переводе на русский исчезли.

The article contains a linguistic analysis of J. Brodsky's Russian translation the famous Dutch anti-fascist poem "Het lied der achttien doden" (Jan Campert 1941). J. Brodsky's translation is a brilliant poem, with masterly found rhymes, rhythm, that perfectly suites the Russian tradition of freedom-loving poetry. But some lyrical motifs of Campert's poem which are less typical for Russian poems about World War II, got lost by translation.

Анализ поэтического перевода представляет собой интереснейшую область переводоведения, привлекающую внимание множества исследователей [1]. Один из самых ранних образцов лингвистического подхода к переводному тексту содержится в статье Л.В. Щербы «"Сосна" Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом» (1926) [2]. В наше время интенсивные поиски четких методов изучения переводов привели к формированию

* Михайлова Ирина Михайловна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

самостоятельной отрасли переводоведения – «научной критике перевода» [3]. Основой «научной критики перевода» служит объективный лингвистический анализ переводного текста, подразумевающий его детальное сопоставление с оригиналом по всем уровням языковой структуры (от фонетического до синтаксического), определяющим художественный эффект стихотворного текста, с учетом внетекстовой информации, литературоведческого и культурологического аспекта. Кроме того, «научная критика перевода» придает большое значение контексту принимающей культуры, в которой оказывается переводной текст. Переводоведы расходятся в вопросе о том, следует ли производить поэлементное сопоставление двух текстов друг с другом непосредственно или через некий *tertium comparationis* [4]. Поскольку в настоящей статье речь идет о переводе с нидерландского языка, мало известного в России, представляется естественным использовать такой *tertium comparationis* в виде максимально точного перевода оригинального стихотворения.

Как показали последние исследования, нидерландская поэзия переводится на русский язык на протяжении уже более трех веков [5]. Из десятков переводчиков, переводивших нидерландскую поэзию как прямо с нидерландского, так и через подстрочники [6], самой яркой творческой личностью и единственным нобелевским лауреатом является Иосиф Бродский. Изучая историю знакомства русских читателей с нидерландской поэзией, нельзя не остановиться подробно на его вкладе.

Как известно, в 1960-х – самом начале 70-х годов Иосиф Бродский переводил стихи, по его выражению, «со всех существующих и несуществующих языков» [7]. Сам поэт знал только английский и русский, прочие переводы делались с подстрочника, но, как утверждает Е.В. Витковский в своем очерке о переводах И. Бродского, «никак не

стали от этого хуже» [8]. С нидерландского языка он переводил Яна Камперта (1902-1943), Виктора ван Фрисланда (1892-1974) и анонимных поэтов Сопrotивления [9]. Из переведенных И. Бродским стихов в Нидерландах особенно знаменито стихотворение Яна Камперта «Песня восемнадцати казненных». Экземпляр перевода И. Бродского «Песни восемнадцати казненных» с его дарственной надписью голландскому другу К. Верхейлу хранится в Нидерландах, в Гаагском Литературном музее [10]. На основе лингвистического анализа этого перевода в данной статье будет сделана попытка выявить переводческие принципы И. Бродского и ответить на вопрос, которым заканчивается очерк Е. Витковского: «Мастером поэтического перевода Бродский, безусловно, был. Был ли виртуозом – пусть размышляет читатель» [11].

«Песня восемнадцати казненных» была издана в подпольной типографии в 1941 г. во время оккупации Нидерландов фашистской Германией. Ян Камперт написал ее под впечатлением от казни оккупантами восемнадцати заложников после «Февральской стачки», ставшей выражением протеста нидерландского народа против депортации евреев. «Песня» написана в форме предсмертных размышлений одного из заложников накануне расстрела. Автор «Песни» поэт Ян Камперт через два года после ее написания сам погиб в концлагере. Его стихотворение было во время войны чем-то вроде гимна Движения Сопrotивления в Нидерландах. После войны оно вошло в сборник поэзии антифашистского сопrotивления «Песни Гёзов 1940-1945» («Geuzenliedboek 1940-1945» (1945)), уже своим названием отсылающий к песням гёзов XVI века, поднимавших боевой дух голландцев в борьбе против испанского владычества.

«Песни восемнадцати казненных» состоит из четырнадцати четверостиший (всего 56 строк). Для анализа были выбраны две

строфы из начала, две из середины и две последние строфы стихотворения. Здесь и далее слева приводится оригинал, справа (курсивом) – дословный перевод:

Een cel is maar twee meter lang
en nauw twee meter breed,
veel kleiner nog is het stuk grond

dat ik nu nog niet weet,
maar waar ik naamloos rusten zal,

mijn makkers bovendien,
wij waren achttien in getal,
geen zal den avond zien.

*Камера всего два метра длиной
и едва ли два метра шириной,
намного меньше участок
земли,*

*которого я еще не знаю,
но где я безымянный буду
покоиться,*

*вместе с моими товарищами,
нас было восемнадцать,
никто не увидит вечера.*

«Песня» написана строгим ямбом, нечетные строки содержат по четыре стопы, четные по три. Рифмы только мужские, рифмовка перекрестная. Такая форма была характерна для песен гэзов XVI века, ср. в русском переводе М. Яснова:

Испанец! Как ты смел поднять
На господу копье?
Тебе ль, ничтожный, уповать
На воинство твое? [12]

Кроме того, по форме, по тональности и по ряду мотивов стихотворение Яна Камперта сродни «Шильонскому узнику» Байрона: классическому тексту, проникнутому идеей борьбы за свободу:

I was the eldest of the three,
And to uphold and cheer the rest
I ought to do - and did my best -

And each did well in his degree.

(Byron 1816)

«Шильонский узник» в переводе Жуковского, сохранившего размер оригинала, хорошо известен в России, так что тональность героической и романтической борьбы за свободу отечества ценой собственной жизни и в русском восприятии ассоциируется с четырехстопным ямбом с одними только мужскими рифмами:

Из нас троих я старший был;
Я жребий собственный забыл,
Дыша заботою одной,
Чтоб им не дать упасть душой.

(пер. В.А. Жуковского, 1822)

Эту же стихотворную форму имеет и еще одна знаменитая русская поэма о свободолюбивом герое: «Мцыри» Лермонтова (1839):

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...

(М.Ю.Лермонтов 1839)

Такие героико-романтические ассоциации для русского поэтического слуха использованной Яном Кампертом формы, несомненно, упростили задачу И. Бродского. Virtuозность его русского перевода даже выше, чем нидерландского оригинала, т.к. И. Бродский пишет всю первую строфу на сквозную рифму, что еще более усиливает художественный эффект. К тому же, как в этой строфе, так и

в последующих рифмы найдены исключительно высококачественные: переводчик не использует ни одной глагольной и ни одной приблизительной рифмы, что для переводной поэзии уникально:

Два метра камера длиной,
два метра шириной.
Но это больше земляной
постели, где со мной
еще семнадцать человек,
молчание храня,
сегодня обретут ночлег
при ярком свете дня.

В своем переводе И. Бродский мастерски играет со звуковой стороной стиха, в частности, в следующих строках, где он передает аллитерацию на “l” в нидерландском инструментомкой на «в» и на «о» в русском:

О lieflijkheid van licht en land,	<i>о очарованье света и земли,</i>
van Holland's vrije kust...	<i>свободного побережья</i>
	<i>Голландии...</i>

О воздух вольных берегов
Голландии родной!

Общеизвестные, «запатентованные» мотивы любви к отечеству и к свободе, ненависти к захватчику и готовности к борьбе перевод И. Бродского передает во всей полноте, однако более индивидуальные, лирические темы стихотворения Яна Камперта, такие, как мысли о невозможности возврата к мирной жизни, атрибутами которой являются

хлеб насущный и близость с возлюбленной, при переложении на русский язык бесследно потерялись:

De Rattenvanger van Berlijn
pijpt nu zijn melodie,

zoo waar als ik straks dood zal zijn

de liefste niet meer zie
en niet meer breken zal het brood
en slapen zal met haar –
verwerp al wat hij biedt of bood

die sluwe vogelaar.

*Крысолов из Берлина
играет на дудочке свою
мелодию,

столь же истинно, как то, что
я скоро умру,

свою милую больше не увижу
и не преломлю хлеб,
и не буду спать с ней, –
отриньте все, что он
предлагает и предлагал,
этот хитрый птицелов.*

Теперь берлинский крысолов
дудит в свою дуду.
К его мелодии без слов
свои слова найду:
как мы в тот час, когда рассвет
забрезжит, канем в тьму,
так вы ступайте – не вослед! –
наперекор ему.

В самых последних строфах нидерландского стихотворения героика переплетается с другим лирическим мотивом – а именно, с сомнениями героя накануне расстрела в правильности выбранного им пути. И этот лирический мотив в русском переводе также теряется:

Ik zie, hoe 't eerste morgenlicht

Door 't hoge venster draalt –

Mijn God, maak mij het sterven licht,

En zo ik heb gefaald,

Gelijk een elk wel falen kan,

Schenk mij dan uw gena,

Opdat ik heenga als een man

Als 'k voor de lopen sta.

*Я вижу, как первый утренний
свет*

мешкает в высоком окне,

Боже, облегчи мне смерть,

и если я ошибся,

как может ошибиться любой,

то даруй мне свою милость,

чтобы я погиб как мужчина,

когда встану перед дулами.

Я вижу: первые лучи

коснулись потолка.

Господь, страданья облегчи,

Да будет смерть легка.

Ошибок давних и тоски

Сейчас – не обессудь.

Я умираю по-мужски,

Благослови мой путь.

В тексте оригинала мотив сомнения появляется на *лексическом уровне* в том, что автор ставит в сильную позицию (на конце строк) рифмующиеся между собой слова *draelen* «колебаться» и *falen* «ошибиться, избрать неверную стезю», причем второе из них повторяется дважды. На *морфологическом уровне* эта же тема обнаруживается в постановке глагола *falen* в перфект (“zo ik heb gefaald”). По правилам нидерландской грамматики употребление глагола в перфекте подразумевает причинно-следственную связь называемого им действия с настоящим временем. Однако в переводе добавлено прилагательное «давний», подчеркивающее разрыв между

прошлой и нынешней ситуациями как по времени, так и в плане логических связей. И, наконец, необходимо обратить внимание на одну существенную *синтаксическую деталь* оригинала. Мысль о мужестве героя перед смертью высказана в придаточном цели (в русском переводе это передается сослагательным наклонением): герой только лишь молит Бога о том, чтобы тот даровал ему смелость. В переводе же «я» уверенно констатирует в самостоятельном предложении (в изъявительном наклонении), что умирает «по-мужски».

Таким образом, И.А. Бродский создал блистательное стихотворение, виртуозное по ритму, рифмам и по языку, которое идеально вписалось в русскую традицию свободолюбивой поэзии. Некоторые строфы переданы с удивительной полнотой, практически без потерь в содержании, со степенью точности, редко встречающейся в поэтическом переводе. Однако нестандартные и не вполне обычные для русских стихов об Отечественной войне лирические мотивы и мотив сомнения в правильности избранного пути, играющие важную роль в нидерландском стихотворении, при переводе на русский исчезли. Впрочем, вероятнее всего в смысловом обеднении нидерландской «Песни» виноваты были анонимное перо, писавшее для Бродского подстрочник, и / или карандаш редактора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назовем работы в данной области двух наикрупнейших специалистов: Гаспаров М.Л. Подстрочник и мера точности // М.Л. Гаспаров. О русской поэзии. – СПб: Азбука, 2001. – С. 372-390. Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation. – Oxford: Oxford University Press, 1998.

2. Щерба Л.В. Попыты лингвистического толкования стихотворений II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом //

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 97-109.

3. См., например: Тюленев С.В. Теория перевода. – М.: Гардарики, 2004. – С. 296-301.

4. Преимущества использования *tertium comparationis* обсуждают, например, Т. Лангерак и Г. Тури: Langerak Th. Annenski volgens Wilfred Smit // *De taal van Peter de Grote*. – Leuven: ACCO, 2006. – P. 145–157; Toury G. In search of a theory of Translation. – Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics. 1980. – P. 112 e.v. За прямое сравнение двух текстов путем сопоставления «трансем» ратует К. ван Лёвен-Зварт: Leuven-Zwart K. M. van. *Vertaalwetenschap: ontwikkelingen en perspectieven*. – Muidenberg: Coutinho, 1992. – P. 78-82.

5. О первом русском переводе стихов Й. ван ден Вондела в 1674 г. см. в кн.: Михайлова И.М. Язык нидерландской поэзии и проблемы поэтического перевода. – СПб: Изд-во филолог. ф-та СПбГУ, 2007. – С. 49-58.

6. См. Схелтъенс В. Библиография нидерландской литературы на русском языке. – СПб: Алетейа, 2003.

7. Цит. по: Гордин Я.А. «Наше дело – почти антропологическое» // В ожидании варваров. Мировая поэзия в переводах Иосифа Бродского. – СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2001. – С. 5-8.

8. Витковский Е.В. Иосиф Бродский // Строфы века-2. Антология мировой поэзии в русских переводах XX века. – М.: Полифакт, 1998. – С. 885.

9. Первая книжная публикация трех переводов в сб.: Ярость благородная. Антифашистская поэзия Европы. – М.: Художественная литература, 1970. – С. 297-299, 302-305, 307-308.

10. В Гаагском музее хранится страница, видимо, из журнала «Костер», с неполным текстом перевода (без последних двух строк) и

цветной иллюстрацией. Дарственная надпись Кейсу Верхейлу сделана красной шариковой ручкой, по-английски, с ошибками. Данная публикация не учтена в библиографиях изданий И. Бродского.

11. Витковский Е.В. Указ. соч. – С. 885.

12. Валерий А. «Испанец! Как ты смел поднять...» // Из поэзии Нидерландов XVII века. – Л.: Художественная литература, 1983. – С. 30.

УДК 81.25

Л.П. Тарнаева*

КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: гармоничный поликультурный механизм, дискурс, идиолект, интерпретационная концепция, коммуникативная деятельность, коммуникативная личность, межкультурная коммуникация, межкультурная языковая личность, менталитет, многоаспектный объект, национальная личность, национально-культурная идентичность, национальные культуры, национальный характер, перевод, поликультурность, речевая личность, социальная роль, социальный заказ, социокультурные ценности, социоцентричность, средство общения, теория культуры речи, трансформированная идентичность, функционально-стилевые разновидности литературного языка, элитарный тип речевой культуры, языковая личность, языковое сознание

В статье рассматриваются современные концепции языковой личности в преломлении к проблематике перевода. Главная мысль статьи заключается в том, что языковая личность переводчика формируется как результат выполнения социальной функции транслятора информации в общении людей, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам. Характерной особенностью языковой личности переводчика является своеобразие ее культурной идентичности, которое проявляется в гармоничной поликультурности языкового сознания. В значительной степени характеристики языковой личности переводчика обусловлены

* **Тарнаева Лариса Петровна**, кандидат педагогических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

спецификой дискурса, востребованного в заданной ситуации перевода. Важной чертой языковой личности переводчика является способность создания текста любой композиционной формы и любого функционального

The article focuses on the characteristics of a translator as the mediator of information in cross-cultural communication. The author advocates the idea that the translator's linguistic personality is formed as the result of socially-oriented cross-cultural activities that add specific features to the translator's cultural identity which reveals itself in harmonic multiculturalism. The intrinsic features of the translator in a definite situation of cross-cultural communication are to a great extent predetermined by the type of a discourse functioning in the translation process. The ability to produce a text of any form and style is one of the most significant characteristics of the translator's linguistic personality.

Антропоцентрическая парадигма в области гуманитарных наук вызвала смещение акцентов в подходах к пониманию природы межъязыкового взаимодействия при переводе. В рамках лингвистических теорий перевода, сыгравших решающую роль в становлении переводоведения как научной дисциплины, основным объектом внимания исследователей были способы передачи информации исходного текста средствами другого языка. Перевод в самом общем виде определялся как «замена текстового материала на одном языке (ИЯ) эквивалентным текстовым материалом на другом языке (ПЯ)» [1: 91]. Соответственно, личности переводчика во всем ее многообразии взаимодействия с текстами, функционирующими в переводческом процессе, отводилась второстепенная роль. Однако в последние десятилетия фокус внимания исследователей начинает смещаться в сторону изучения личности переводчика, пересматривается его роль в процессе коммуникации. Создатели коммуникативной теории перевода впервые акцентировали тот факт, что переводчик «неизбежно становится участником двуязычной коммуникации, и на него, как и на других участников коммуникации, оказывают воздействие факторы, обычно имеющие место при

коммуникации» [2: 73]. В категориальный аппарат переводоведения вводится понятие переводческого пространства, которое определяется не только как система взаимодействия языков и культур, но и как проявление переводческого видения мира, своего рода культурно-обусловленная переводческая картина мира [3: 17-18]. В последние годы появился ряд работ, в которых в той или иной мере уделяется внимание личности переводчика (Н.Н. Гавриленко 2006; В.В. Алимов 2004; Т.Г. Пшенкина 2005; О.Г. Оберемко 2003 и др.). Однако, несмотря на то, что различные аспекты профессиональной деятельности переводчика находят сегодня широкое освещение в исследовательской литературе, специфика языковой личности переводчика еще остается малоизученной проблемой.

Подходы к изучению языковой личности вариативны – акценты расставляются в зависимости от целей исследования. Как отмечает С.Г. Воркачев, в понятии «языковая личность» «преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность» [4: 64]. Для теории и практики перевода наибольший интерес представляет разработка проблемы языковой личности в терминах теории коммуникации, где языковая личность рассматривается с точки зрения выполнения той или иной функции в процессе общения. Акцентируя коммуникативный статус языковой личности, В.В. Красных предлагает трехкомпонентную модель языковой личности, выделяя собственно языковую личность, речевую личность и личность коммуникативную [5: 51]. В.И. Карасик рассматривает языковую личность как систему языковой организации человека, выделяя в ее структуре следующие компоненты: а) языковую способность; б) коммуникативную потребность; в) коммуникативную компетенцию; г) языковое сознание; д)

речевое поведение [6: 8]. В условиях общения, полагает В.И. Карасик, языковая личность может рассматриваться как коммуникативная личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [7: 53]. Существует точка зрения, согласно которой языковая личность представляет собой четырехкомпонентную структуру, в которой выделяется «личность мыслительная, языковая, речевая, коммуникативная» [8: 42].

Специфичность языковой личности переводчика обусловлена особенностями межкультурной коммуникации, опосредованной переводом, поэтому рассматривать ее следует в корреляции с анализом профессиональной деятельности. В связи с этим встает вопрос о специфике социокультурной роли переводчика.

В переводоведении существует точка зрения о том, что «перевод призван обеспечить такую опосредованную двуязычную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближалась бы к обычной, одноязычной коммуникации» [9: 15], т.е. своим общественным предназначением перевод ориентирован на обычную одноязычную коммуникацию [9: 20]. Однако такая трактовка не учитывает одно из важных положений теории коммуникации, сводящейся к тому, что любая информация, проходя через индивидуальное сознание человека, несет на себе своеобразный «отпечаток» его индивидуальности. Иными словами, информация, имеющая место на «входе» в коммуникационную систему, не равна информации, получаемой на «выходе». Это характерно не только для межкультурной коммуникации, но и для ситуации, когда коммуниканты принадлежат к одной лингвокультуре, поскольку, как отмечал Ю.М. Лотман, «в нормальном человеческом общении <...> заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего» [10: 15]. В ситуации перевода данная

«асимметрия» еще более усиливается. Как участник специфического, в значительной степени опосредованного общения переводчик в своей коммуникативной деятельности должен постоянно балансировать «между сохранением своих и принятием чужих смыслов» [7: 59], что в значительной степени определяет характеристики его языковой личности. Понимание того, что текст как объективированное знание не существует бессубъектно, его нельзя транспонировать в другую знаковую систему в чистом виде, «безличностно» и «безадресно» [11: 28-29], послужило основанием для выдвижения интерпретационной концепции перевода (Крюков 1987, 1988, 1989), согласно которой процесс восприятия и порождения текста перевода в значительной степени опосредован характеристиками языкового сознания переводчика. Однако и интерпретационная концепция не обладает всеобъемлющей объяснительной силой в понимании языковой личности переводчика. Как отметил Е.Д. Хирш, интерпретация переводчиком содержания текста ограничена требованием валидности перевода, что предусматривает соответствие интерпретации смыслу исходного текста [12: 10].

В плане соотношения между «своими и чужими смыслами» в переводческом процессе значительный интерес представляет собой концепция Н.С. Трубецкого о «частночеловеческой» и «многочеловеческой» личности [13]. «Многочеловеческая» (коллективная) личность включает в себе, по мнению О.А. Леонтович, две группы признаков: универсальные черты, присущие любому человеку, владеющему языком как средством коммуникации, что обуславливает единство человечества, и принадлежность к определенному языковому сообществу [14: 104-105]. «Частночеловеческая» (индивидуальная) языковая личность реализуется на уровне идиолекта, который представляет собой

персональную лингвистическую систему конкретного коммуниканта. Каждый идиолект неповторим, на его характер влияет множество факторов: пол, возраст, социальное положение, место жительства, психотип и т.п., т.е. все то, что образует индивидуальность [14: 108]. Вместе с тем нельзя не признать, что каждая языковая личность формируется на основе присвоения отдельным индивидом языкового богатства, созданного его предшественниками. Н.С. Трубецкой писал по этому поводу: «Душевная жизнь каждого человека заключает в себе всегда известные элементы национальной психики, и духовный облик каждого отдельного представителя данного народа непременно имеет в себе черты национального характера» [13: 118]. Поэтому формирование языковой личности, полагает В.Д. Лютикова, осуществляется в двух планах: «закономерно» и «индивидуально». Закономерное – это то исходное, на чем основывается языковая личность [15: 21]. С другой стороны, несомненно и то, что самосознание индивидуальной говорящей личности отражается в народном (коллективном) языковом сознании [15: 11]. Как отмечает О.А. Леонтович, типизация происходит на основе индивидуальных черт конкретных носителей языка, и индивидуальные личности, в свою очередь, усваивают типические черты своей культуры как обобщенного явления [14: 104]. Учет данного фактора дал основание О.Н. Шевченко выделить три типа языковой личности переводчика (ЯЛП – аббревиатура О.Н. Шевченко): а) типовую ЯЛП; б) ЯЛП в данное время и в данном месте; в) индивидуальную ЯЛП. В каждом конкретном акте перевода, считает О.Н. Шевченко, типовая языковая личность переводчика реализуется в виде реальной индивидуальной языковой личности переводчика, которая в своих базовых, фундаментальных чертах совпадает с типовой и в то же время имеет свои особенности, обусловленные конкретными условиями создания данного перевода и индивидуальностью личности,

выступившей в роли переводчика. Таким образом, индивидуальная ЯПЛ состоит из основы, общей для типической ЯЛП, и индивидуальных элементов, которые составляют уникальный переводческий стиль конкретного переводчика [16: 22-23]. Признавая правомерность рассмотрения языковой личности переводчика как определенной комбинации коллективной (типовой), ситуативно-обусловленной и индивидуальной (идиолектной) языковой личности, тем не менее, нельзя не признать, что и такая трактовка требует дальнейшей детализации ввиду сложности коммуникативной деятельности переводчика. Полагаю, что целесообразным будет рассмотрение языковой личности переводчика как многоаспектного феномена, ставя во главу угла как характеристики сферы межкультурного общения, опосредованного переводом, так и личностные факторы, влияющие на коммуникативную деятельность переводчика.

Прежде всего, следует учесть фактор национально-культурной обусловленности коммуникативных характеристик сторон, участвующих в переводческом процессе. В связи с этим встает вопрос о национально-культурной идентичности переводчика. В этом плане целесообразно принять во внимание трактовку языковой личности в соответствии с критерием принадлежности к тому или иному лингвокультурному сообществу. Исследователи ведут речь об особом типе языковой личности, в определении которого при наличии некоторых вариаций подчеркивается национально-этнический фактор. Это языковая личность, выступающая как национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка [17: 39]; национальная личность, представляющая собой реализацию сверхличных ценностей национальной культуры [18: 36-43]; носитель специфичного этнокультурного языкового сознания [19; 20]; языковая личность «медиатора» культур, способного «выйти за пределы

собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности» [21: 7]; межкультурная языковая личность [14; 22 и др.].

О.А. Леонтович отмечает, что, участвуя в межкультурной коммуникации, личность приносит с собой багаж своего менталитета; строит свою коммуникативную деятельность в соответствии с типичными национально-культурными чертами; воспринимает окружающий мир через призму своей картины мира; проецирует на контекст общения свой фрейм, в соответствии с которым «дорисовывает» в своем сознании портрет партнера по общению. Все это может стать причиной возникновения диссонанса в межкультурном общении, но если участники коммуникации движутся навстречу друг другу, то в результате рождается межкультурная языковая личность [14: 101-102].

По мнению Л.П. Халяпиной, межкультурная языковая личность представляет собой трансформированную идентичность [22: 167]. Подобной позиции придерживается О.А. Бурукина, которая считает, что «перевод с языка на язык <...> представляет собой ни что иное, как трансформацию менталитета» [23: 8-9]. Однако тезис о трансформированной идентичности языковой личности представляется, по меньшей мере, спорным. В данном вопросе согласимся с Ю.Н. Карауловым, в частности, с его мыслью о том, что между языковой личностью и национальным характером существует глубинная аналогия – «носителем национального начала и в том и в другом случае выступает относительно устойчивая во времени, т.е. инвариантная в масштабе самой личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [17: 42]. Вслед за Ю.Н. Карауловым признаем, что национальное определяет «все уровни организации

языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения» [там же].

Языковая личность переводчика не составляет исключения в плане национально-культурной опосредованности базовых характеристик личности. Справедливой представляется мысль О.Н. Шевченко о том, что, поскольку языковая личность переводчика формируется как результат выполнения индивидом определенной социальной роли, то ей свойственна направленность на национальную языковую личность носителей переводящего языка [16: 33]. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что на передний план в характеристике языковой личности переводчика выступает своеобразие ее национально-культурной идентичности. Специфичность языковой личности переводчика состоит в том, что это личность, обладающая способностью адекватного соотнесения лингвокультурных явлений, эксплицирующих наиболее значимые для межкультурного взаимодействия этносоциокультурные характеристики менталитетов, контактирующих в переводческом процессе лингвокультур.

Особую значимость имеет такая характеристика языковой личности переводчика как поликультурность, проявляющаяся в способности выступать «медиатором» культур в таких ситуациях межкультурного общения, когда стороны переводческого процесса представляют национальные культуры, для которых язык, выступающий в данной ситуации перевода в качестве средства общения, не является родным, и которые могут быть весьма далеки от культурных традиций носителей языка межкультурного общения. Чаще всего межкультурная коммуникация, включая как письменную, так и устную форму, идет на английском языке, поскольку в настоящее время он приобрел статус «универсального языка» и часто выступает исключительно как средство общения, «а не источник идентичности или общности» [24: 83]. В связи с

этим представляется целесообразным говорить о необходимости создания гармоничного поликультурного механизма в языковом сознании переводчика [25: 460]. Существование такой «гармонии» и определяет специфичность культурной идентичности языковой личности переводчика.

Важным фактором, который необходимо учесть, определяя характеристики языковой личности переводчика, является тип дискурса, функционирующий в той или иной сфере межкультурной коммуникации, опосредованной переводом. Как справедливо отмечает К.Ф. Седов, дискурс является главным средством самовыражения языковой личности [26: 3]. Учитывая, что в каждой сфере общения дискурс имеет свои специфические особенности (экономический, художественный, публицистический и т.п. дискурс), можно выделить характеристики языковой личности переводчика с ориентацией на типы дискурса. В таком ракурсе на передний план выходит фактор профессиональной обусловленности языковой личности переводчика – ее индивидуальность уступает место профессиональной необходимости. Поэтому, говоря о языковой личности переводчика, необходимо подчеркнуть, что ее характеристики профессионально обусловлены. Такой взгляд на данную проблему находит подтверждение в практике перевода: не случайно чаще всего переводчики специализируются в какой-либо одной профессиональной сфере или же в смежных областях. Вряд ли каждый из практикующих переводчиков возьмет на себя ответственность переводить художественное произведение, и не каждый переводчик, специализирующийся на переводе художественной литературы, стремится работать с техническими текстами. Таким образом, в соответствии с типом дискурса, востребованного в той или иной ситуации перевода, можно говорить о преобладающем проявлении

либо креативно-образного, либо логико-понятийного аспекта языковой личности переводчика.

При рассмотрении языковой личности важное значение имеет ее характеристика с позиций теории культуры речи, поскольку «языковая личность, взятая в каждом отдельном случае, зависит не только от меры собственного развития, но и от используемого языка, и от множества типов речевых поступков и типов текстов (речевых произведений), которыми оперирует индивид» [27: 11]. Рассматривая идиолектную языковую личность, В.П. Нерознак выделяет два ее типа: стандартную (отражает усредненную литературную норму языка) и нестандартную (отклоняется от установленных языковых образцов, тем самым объединяя в себе противоположные – верхний и нижний – этажи речевой культуры) [28: 114]. Характеризуя языковую личность переводчика по критерию культуры речи, целесообразно учесть также концепцию О.Б. Сиротининой о языковой личности как носителя элитарного, среднелитературного, литературно-разговорного, фамильярно-разговорного, жаргонизирующего, народно-речевого типов языка [29]. Полагаю, что в идеале языковая личность переводчика должна представлять собой элитарный тип речевой культуры, (е «верхний этаж», по терминологии В.П. Нерознака). Т.В. Кочеткова в качестве основных качеств носителя элитарной речевой культуры выделяет следующие: свобода в текстопорождении любой тематической и жанрово-стилистической формы; высокая продуктивность переработки всех услышанных и прочитанных текстов; большой объем активного словаря; владение всеми функционально-стилевыми разновидностями литературного языка; умение сочетать разностилевые элементы речи адекватно целям и задачам общения; свободное владение как устной, так и письменной формой речи; безошибочный выбор формы речи в зависимости от коммуникативных

целей; соблюдение существующих этических норм, уважение к адресату [30: 22]. В идеале все вышеперечисленные качества должны быть присущи языковой личности квалифицированного переводчика.

В качестве одной из важных характеристик языковой личности переводчика следует отметить ее социоцентричность. Роль переводчика в межкультурной коммуникации определена «социальным заказом» – в силу своей национально-культурной идентичности он ориентируется на социокультурные ценности сообщества, к которому принадлежит. Вместе с тем языковая личность переводчика должна обладать широким спектром социальных ролей, поскольку является носителем элитарной речевой культуры, которому, как отмечает Т.В. Кочеткова, присуща «многорольность» и умение в любой коммуникативной ситуации демонстрировать «искусство пользования языком, все богатство его возможностей при строгой уместности этого пользования» [30: 22].

Подводя итоги рассмотрению концепций языковой личности в преломлении к проблематике переводоведения, выделим следующие моменты:

1) специфичность языковой личности переводчика обусловлена особенностями коммуникации людей, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам;

2) языковая личность переводчика формируется как результат комбинации черт коллективной (типовой) и индивидуальной (идиолектной) языковой личности;

3) характерной особенностью языковой личности переводчика является своеобразие её культурной идентичности, которое проявляется в гармоничной поликультурности языкового сознания переводчика;

4) специфика дискурса, востребованного в той или иной ситуации перевода, в значительной степени обуславливает характеристики языковой личности переводчика: в соответствии с типом дискурса активизируются либо креативные, либо логико-понятийные ресурсы языкового сознания;

5) языковая личность переводчика является носителем элитарной речевой культуры, что предусматривает обладание способностью создания устного или письменного текста любого функционального стиля;

6) языковой личности переводчика присуща «многорольность», проявляющаяся в способности выступать носителем разных «этажей» речевой культуры адекватно целям и задачам заданной ситуации перевода;

7) языковая личность переводчика социоцентрична, поскольку формируется как результат выполнения социальной функции транслятора информации в межкультурном общении.

Вместе с тем отметим, что феномен языковой личности переводчика является многогранным, многоаспектным объектом исследования, рассматривать который следует с учетом многих факторов, обуславливающих переводческий процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кэтфорд Д. К. Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 91-114.

2. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 69-90.

3. Кушнина Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: дис. ... д-ра. филол. наук. – Пермь, 2006.

4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – М., 2001. – С. 64-72.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
7. Карасик В.И. Языковая личность переводчика и типы перевода // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. – Н.-Новгород, 2003. – С. 51-61.
8. Буянова Л.Ю., Рыбникова В.А. Языковая личность как текст: проблема образов сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование. – М. 2000. – С.42-43.
9. Латышев Л.К. Технология перевода. – М., 2001.
10. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Семиотика. – СПб., 2001. – С. 12-148.
11. Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной теории перевода: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 1989.
12. Hirsch E.D. Validity in interpretation. – New Haven, London, 1978.
13. Трубецкой Н.С. История. Культура. Народ. – М., 1995.
14. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005.
15. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. – Тюмень, 1999.
16. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.
17. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
18. Воробьев В.В. Национальная личность в парадигмах языка и культуры // Язык и культура. – Т.1. – Киев, 1997. – С. 36-43.

19. Залевская А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихолингвистика. – М., 1988. – С. 34-48.
20. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 139-162.
21. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: Союз, 2001.
22. Халяпина Л.П. Формирование вторичной (межкультурной) языковой личности в условиях университетского образования // Актуальные вопросы современного университетского образования. – СПб., 2004. – С. 166-168.
23. Бурукина О.А. Перевод в контексте современной когнитивной парадигмы // Вестник МГЛУ. Перевод как когнитивная деятельность. – М. 2003. – С. 5-21.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
25. Тарнаева Л.П. Основные тенденции в изучении феномена языковой личности: лингводидактический аспект проблемы // Актуальные вопросы современного университетского образования. – СПб., 2006. – С. 458-460.
26. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистический аспекты. – Саратов, 1999.
27. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Л., 1984.
28. Нерознак В.П. Лингвистическая персоналия: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. труд. – Вып. 426. – М., 1996. – С. 112–116.
29. Сиротинина О.Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград, Саратов, 1998. – С. 3-9.

30. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры // Язык и человек: Вопросы стилистики. Вып. 26. – Саратов, 1996. – С.14-24.

ГРАММАТИКА

УДК 81'322.4

А.М. Аматов*

К ВОПРОСУ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: ЭНТРОПИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ключевые слова: выражение, грамматика, информационная энтропия, лексика, машинный перевод, содержание, уровневая структура языка; *content, expression, grammar, information entropy, lexicon, machine translation, strata of the language*

В данной статье рассматривается понятие и формальное определение информационной энтропии системы (энтропия Шеннона) в приложении к лексике и грамматике естественного языка. Проанализированы подходы к понятию энтропии языка, разработанные в трудах А.Н. Колмогорова и его последователей. Предлагаемый альтернативный метод расчета энтропии естественного языка подразумевает выявление количественного соотношения между суммами планов выражения и планов содержания. В статье также обосновываются предпосылки для разработки алгоритма порождения и интерпретации высказывания, основанного на формализации грамматики естественного языка через выявление набора дискретных грамматических категорий, присущих каждому элементу лексикона. Разработка подобного алгоритма может быть полезной при создании систем машинного перевода.

The paper deals with Shannon's formal definition of information entropy and its application to natural language. Approach to the entropy of a language developed by A. Kolmogorov et al. is considered and an alternative method of calculating the entropy of a natural language is proposed, which is applicable to the elaboration of a generative/interpretative grammatical algorithm. The latter can be of use in developing certain issues of machine translation systems and artificial intelligence.

* **Аматов Александр Михайлович**, доктор филологических наук, Белгородский государственный университет.

Проблемами машинного перевода лингвисты и техники стали вплотную заниматься, по сути дела, с тех самых пор, когда появились первые компьютеры. Однако, несмотря на все усилия в этом направлении, следует признать, что вплоть до сегодняшнего дня в распоряжении пользователей нет компьютерных программ, которые, получив на входе связный текст (даже небольшой длины) на одном языке, могли бы давать на выходе также связный текст на другом языке.

Чтобы убедиться в этом, достаточно провести простой эксперимент: введем в программу-переводчик (самую современную, со всеми доступными обновлениями) небольшой текст на русском языке (назовем его Р-1), переведем его с помощью программы на английский, а затем результат (Е-1) при помощи той же программы переведем обратно на русский (получится Р-2). В качестве иллюстрации приведем следующий пример: случайным образом выберем текст научно-технической специфики, без сложных художественных оборотов и применим к нему вышеописанную процедуру (использовалась программа-переводчик с обновлениями от 06.2007 г.). В результате имеем:

(Р-1) История машинного перевода насчитывает немногим более 50 лет. За это время сменилось несколько поколений систем машинного перевода – от первых программ, использовавших ограниченные ресурсы универсальных компьютеров первого поколения до современных коммерческих продуктов, использующих мощные ресурсы серверов и персональных компьютеров, включая ПК, в которых можно размещать карманные словари, а также компьютерные сети.

(Е-1) The history of machine translation totals the little more than 50 years. For this time some generations of machine translation systems – from

the first programs used limited resources of universal computers of the first generation up to modern commercial products, servers using powerful resources and personal computers, including the personal computer in which it is possible to place pocket dictionaries, and also computer networks were replaced.

(P-2) История общих количеств машинного перевода эти немного больше чем 50 лет. В течение этого времени некоторые поколения систем машинного перевода – из первых программ использовали ограниченные ресурсы универсальных компьютеров первого поколения до современных коммерческих продуктов, серверы, используя мощные ресурсы и персональные компьютеры, включая персональный компьютер, в который возможно поместить карманные словари, и также компьютерные сети были заменены.

Образец (P-2), как видим, едва ли попадает под определение текста как такового, и дело даже не столько в громоздкости синтаксических конструкций и грамматических ошибках, сколько в том, что смысл этого произведения вообще невозможно понять. Если слова по отдельности переведены в основном правильно (об исключениях чуть ниже), то связь их между собой практически отсутствует – во всяком случае, такая связь, которая допускается правилами синтаксиса русского языка.

Приблизительно то же самое можно сказать и про образец (E-1), который также трудно назвать англоязычным текстом по той же самой причине. Оставим в стороне такие «мелочи», как употребление артиклей и перевод предлогов и союзов, и обратим внимание на более серьезные отклонения от нормы. Во-первых, ряд слов переведен хотя и близко, но не точно. Так, русское *сменилось* переведено как *were replaced* (вместо *were supplanted* или *succeeded*), что, в свою очередь, превратилось в *были заменены*. Во втором случае, надо признать, перевод вполне адекватен, но согласимся, слова *сменились* и *были*

заменены часто означают совсем разные вещи – как и в этой ситуации. Но гораздо хуже, чем с переводом лексики, дело обстоит с построением синтаксических конструкций. Фактически, фразы и предложения на языке перевода, даже если они и правильны, часто просто не соответствуют по своему смыслу построениям в языке оригинала.

Обидно и то, что такая безрадостная ситуация с машинным переводом складывается на фоне стремительного развития электронно-вычислительной техники. Работы отечественных ученых в этой области нисколько не уступали западным достижениям, а порой и превосходили их. Так, в январе 1954 г. состоялась первая публичная демонстрация машинного перевода с русского языка на английский, осуществленного на машине IBM («Джорджтаунский эксперимент»). Сообщение об этом событии было опубликовано в журнале *Computers and Automation*, 1954, № 2. Однако уже осенью того же года в СССР появляется реферат этого сообщения, сделанный Д.Ю. Пановым (РЖ ВИНТИ «Математика» 1954, № 10, «Перевод с одного языка на другой при помощи машины: отчет о первом успешном испытании»). Сам Д.Ю. Панов возглавил работы по машинному переводу, и первый опыт перевода с английского языка на русский с помощью машины БЭСМ был получен уже к концу 1955 г. Параллельно в Отделении прикладной математики Математического института АН СССР (ныне ИПМ им. М.В. Келдыша РАН) по инициативе выдающегося советского математика А.А. Ляпунова велись работы по машинному переводу математических текстов. Первые программы машинного перевода, разработанные этим коллективом, были реализованы на машине "Стрела" [1; 2; 3].

С тех пор произошла немыслимая эволюция компьютерной техники и информационных технологий. Сейчас в домах и на рабочих столах у многих стоят компьютеры, превосходящие по быстродействию

и объемам ОЗУ и ПЗУ совокупную мощность всех ЭВМ какого-нибудь крупного исследовательского института 60-х годов, не говоря уже о мультимедийных свойствах, которые в то время не рождались даже в воображении самых смелых писателей-фантастов (достаточно почитать описание компьютеров у признанного мастера жанра А. Азимова). Однако ничего похожего на стремительное развитие не наблюдается в сфере машинного перевода: у электронных переводчиков год от года улучшаются интерфейсы, пополняются словари, появляются дополнительные функции, но вот с основной своей функцией – переводом текста – они по-прежнему не справляются.

В этой связи есть основания утверждать (не предполагать, а именно утверждать), что столь скромные успехи в разработке программного обеспечения для перевода текстов не связаны с плохой работой программистов или компьютерных техников, а являются результатом плохой проработки этой проблемы с *лингвистической* стороны. Ведь программисты наверняка смогли бы написать хорошую программу для перевода (они же пишут хорошие программы для решения самых разных научных и практических задач), если бы они четко знали, *на что именно* нужно запрограммировать компьютер. Но для этого надо, чтобы система языка (точнее, как минимум двух языков) была формализована настолько, чтобы ее можно было представить в виде последовательности команд, которые необходимо выполнить для получения лексически и грамматически верного высказывания, чтобы эти высказывания можно было связать в цельный текст.

Надо сказать, что и за рубежом ситуация с разработкой формализованных моделей языка едва ли намного лучше, чем в России. Да, во многих западных университетах преподают компьютерную лингвистику, но сводят ее почему-то к лингвистическим

базам данных, то есть, по сути, к электронным словарям и орфографическим справочникам.

Как бы то ни было, но на данный момент с большой долей определенности можно сказать одно: корень подавляющего большинства проблем машинного перевода лежит в несоответствии систем языков. Причем это несоответствие (как и сами языковые системы) проявляется на разных уровнях. И прежде чем перейти к проблеме несоответствия языковых систем, нелишним будет рассмотреть в общих чертах систему языка в принципе. Это нужно для того, чтобы понять, с чем собственно приходится иметь дело нам, когда мы порождаем собственную речь и интерпретируем речь других, и с чем придется иметь дело электронному переводчику, если мы хотим, чтобы он хотя бы не очень сильно уступал переводчику-человеку.

Нередко приходится слышать мнение о том, что язык подобен живому, постоянно меняющемуся организму. В этом взгляде, надо признать, лирики больше, чем здравого смысла, а сама идея, судя по всему, берет свое начало у А. Шлейхера, вдохновленного успехами быстро развивающейся биологической науки и появлением теории эволюции Ч. Дарвина. Конечно, если очень постараться, можно отыскать какие-то сходства между языком и организмом – и тот, и другой при жизни претерпевают изменения, оба существуют в определенной среде (экологической или социальной). Однако есть и существенные различия: организмы рождаются не от среды обитания, а от себе подобных организмов, тогда как языки своим рождением и существованием обязаны исключительно среде, т.е. человеческому обществу. Более того, организмы приспособляются к среде обитания, а языкам сферу своего употребления выбирать не приходится – скорее уж их выбирают.

Итак, в языке выделяют три крупных взаимодействующих

подсистемы – фонетическую, лексическую и грамматическую. Первая касается звукового строя (взаимодействие и функционирование фонем, артикуляция и восприятие звуков речи и т.д.), и мы не будем освещать этот вопрос, поскольку в интересующем нас случае достаточно обойтись (хотя бы на первых порах) письменным текстом, тем более что орфографию современные компьютеры «знают» неплохо.

Лексическая система представляет собой набор средств номинации (называния), принятых в том или ином языке. В сущности, номинативность (способность называть предметы, признаки, действия и т.п.) и является основной функцией слова, однако с древнейших времен лексическим единицам (словам) придают чрезмерно большое значение, приписывая им функцию выражения мысли. Достаточно вспомнить то множество распространенных и не очень распространенных высказываний, где фигурирует «слово»: «слово не воробей», «вели слово молвить», «судить не по словам, а по делам» и т.п. Можно также вспомнить известное изречение из Библии (первую фразу в Евангелии от Иоанна): «В начале было Слово...». Здесь точный перевод затрудняется тем, что в греческом подлиннике этого Евангелия стоит слово «логос», которое, помимо слова, означает также мысль, знание, учение (вспомним названия многих наук, заканчивающихся на «-логия»). И это в очередной раз свидетельствует о том, что для греков «слово» и «мысль» были и остаются очень близкими понятиями, раз уж для их выражения они пользуются одним и тем же знаком. Между тем, мысль выражается вовсе не словом, о чем мы скажем немного ниже. Соответственно, к словарю необходимо подходить так, как он того заслуживает, а именно – как к совокупности единиц, обладающих номинативным (назывным) значением. И в этом отношении электронным переводчикам нужно отдать должное – с функциями словаря они справляются очень хорошо.

Тем не менее, одного знания слов для выражения мысли явно недостаточно, ведь любое высказывание представляет собой упорядоченную структуру, и значение высказывания не сводится к семантике входящих в него слов. Когда это стало окончательно ясно, от лексического метода преподавания языков быстро отказались. После этого некоторое время наблюдался перекоп в сторону грамматики. Мы не будем здесь вдаваться в вопросы истории преподавания языков, но о грамматике как таковой следует сказать особо, поскольку мимо этого вопроса у нас пройти не получится.

Грамматика как дисциплина изучает строение языка как системы, в ее «юрисдикции» находятся, в сущности, все отношения и связи, которыми эта система характеризуется. Соответственно, сами эти связи и отношения часто называют грамматикой того или иного языка. Другими словами, помимо звукового строя (фонетика) и значения корней знаменательных слов (лексика) все остальное в языке – грамматика. Даже такие аспекты, как просодика (интонация, ударения, паузы) и значения некорневых элементов слова лежат в сфере интересов грамматики.

Для языкознания, примерно с середины XX века, характерно представление языка как системы, обладающей уровневой структурой. Системность подразумевает не простое нагромождение (в виде некоего «слоеного пирога») отдельных уровней друг на друга, а их строгую и прозрачную иерархическую организацию, соподчиненность при выполнении общей для всей языковой системы функции построения речи. В рамках парадигматического синтаксиса (М.Я. Блох) разработана модель языковой структуры из шести сегментных уровней: фонем, частей слова (морфем), слов (лексем), членов предложения (денотем), предложений (пропозем) и элементарных единиц текста (диктем) [4: 58-59].

Важнейшим свойством любой системы является взаимодействие между единицами ее уровней. Для языковой системы такое взаимодействие характерно в виде структурно-функционального возрастания единиц от уровня к уровню. При порождении любого высказывания мы задействуем все уровни языковой системы, и все эти уровни без исключения взаимодействуют в процессе речеобразования, находясь при этом в строгом иерархическом соподчинении, так что ни один уровень языковой структуры не может быть исключен из процесса. Другими словами, в системе языка действует своего рода «принцип единоначалия»: любой сегмент структуры напрямую входит только в сегмент непосредственно вышележащего уровня, именно в нем реализует свою уровнеобразующую функцию и подчиняется непосредственно ему.

В качестве возражения можно привести тот факт, что иногда сегменты срединных (слово, член предложения) или даже верхних (предложение, диктема) уровней состоят из низших единиц, которые как бы «перескакивают» через уровень или два. Например, в английском языке существуют слова (и не только служебные), состоящие всего из одной фонемы. Так, слова *awe*, *ore*, *oar*, *or* включают всего одну фонему – долгий гласный [o:] (в последних трех, правда, в ряде диалектов к ней добавляется еще и согласный [r]). Однако, как нетрудно заметить, все приведенные здесь лексемы обладают разным морфологическим составом и строем (скажем, допустима словоформа *oars* при недопустимости *ors*) и, более того, при функционировании указанных слов в составе фраз и предложений они будут играть различные роли, не сводимые ни к морфемам, ни тем более к фонемам. Известно также указанное А.А. Реформатским совпадение в латинском *I* (*иди, поезжай*) предложения, члена предложения, слова, морфемы и фонемы. Более того, данная единица

в определенном контексте может стать и диктемой. В истории сохранился анекдотичный случай, когда двое римлян поспорили, кто произнесет самую короткую фразу, обладающую в то же время вполне конкретным смыслом. Первый сказал: «Ео гус» («(Я) еду в деревню»). Второй не растерялся и тут же ответил ему: «!!» («Поезжай!»). Эта реплика, как и предыдущая, является диктемой (тематической единицей текста) по определению, но при этом состоит всего из одной фонемы. Для описания подобных случаев совпадения разноуровневых единиц в рамках одной и той же формы в парадигматическом синтаксисе применяется правило реверсивности. Суть этого правила такова: единица одного уровня строится из одной или более единиц непосредственно нижележащего уровня [4: 58]. В целом, эти два принципа (функциональное нарастание и реверсивность) лежат в основе всей многоуровневой организации языка.

Теперь вернемся к вопросу о выражении мысли средствами языка – при переводе именно это имеет первостепенное значение. При взгляде на уровни языковой структуры становится понятно, что законченная мысль может выражаться единицами не ниже предложения. Основная функциональная особенность предложения по сравнению с нижележащими единицами языка – предикативность, т.е. его способность соотносить свое содержание с действительностью, а без этого мысль выразить невозможно. Соответственно, вопросом особой важности при переводе высказывания с одного языка на другой становится установление предикативной связи в предложении-оригинале и нахождение ее соответствия в языке перевода. Если это сделать удастся, то перевод в общих чертах можно считать состоявшимся.

В настоящее время исследования семантики (как лексической, так и синтаксической) дополняются большим объемом работ в сфере

трансформационных грамматик (от генеративной грамматики Н. Хомского до более новых категориальных направлений GPSG и HPSG). В этих грамматиках в первую очередь учитываются не явные или скрытые лексические значения слов и их комбинаций, а возможности преобразования синтаксических конструкций (трансформационный потенциал). Другими словами, работа в этом направлении ведется большая и это не может не внушать определенный оптимизм. Однако даже если нам и удастся реализовать все, описанное выше (т.е. установить предикативные связи в языке оригинала и найти соответствия им в языке перевода), мы все же будем довольно далеки от создания удачного переводчика. Причина этого лежит в явлении под названием «энтропия», которой обладает всякий язык как система.

Энтропия (от греч. «переход, преобразование») – одно из ключевых понятий термодинамики, статистической механики и теории информации, описывающее состояние той или иной системы. Однако в интересующем нас аспекте мы будем рассматривать информационную энтропию.

Вообще-то понятия информации и энтропии тесно и органично связаны друг с другом, однако представления об информационной энтропии появились лишь тогда, когда развитие термодинамики и статистической механики сделали эту связь очевидной. У истоков этого понятия стоит логик и математик К. Шеннон, в честь которого информационную энтропию часто называют «энтропией Шеннона». И прежде чем перейти к понятию «энтропия языка», попробуем разобраться в том, что представляет собою информационная энтропия.

Пользуясь интуитивно понятными выражениями, можно сказать, что информационная энтропия – это степень неопределенности сигнала или, применительно к речи, высказывания (англ. *uncertainty* – термин К. Шеннона). В качестве примера возьмем ящик с одинаковыми

по размеру и массе шариками, на которых проставлены разные номера. Аналогичный (и довольно расхожий) пример с шариками разного цвета при ближайшем рассмотрении выглядит не совсем удачным, т.к. при достаточно большом их количестве непросто бывает это образно себе представить – в самом деле, вряд ли кто-то может вообразить себе 1000 разных цветов и оттенков. Итак, будем считать, что в ящике лежат 1000 шариков с номерами от 1 до 1000, а некто случайным образом извлекает их из ящика один за другим. При первой попытке неопределенность номера извлеченного шарика максимальна, т.е. вероятность извлечения любого из шариков одинакова и равна $1/1000$. Допустим, при первой попытке был вынут шарик под номером 345. Это значит, что он выпал из системы, и в следующей попытке участвовать не будет. Соответственно, при втором извлечении вероятность случайного выбора любого другого шарика несколько возрастет, составив $1/999$, и будет увеличиваться при последующих попытках: $1/998$, $1/997$ и т.д., а энтропия системы будет снижаться, пока не останется последний шарик (скажем, с номером 102) и вероятность его извлечения будет равна 1.

Основные характеристики информационной энтропии системы:

- Если все возможные результаты в заданной системе имеют одинаковую вероятность (как извлечение шариков с номерами 1 – 1000 из описанного выше примера), то энтропия системы максимальна.
- Если вероятность какого-либо результата равна 1 (результат точно определен), то энтропия системы равна 0.
- Изменение вероятности события на определенную величину изменяет количество энтропии также на определенную величину.

К. Шеннон [5] формализовал эти положения и выразил

информационную энтропию системы через дискретную переменную X , у которой возможен ряд состояний $x_1 \dots x_n$ в следующей математической формуле:

$$(1) H(X) = \sum_{i=1}^n p(x_i) \log_2 \left(\frac{1}{p(x_i)} \right) = - \sum_{i=1}^n p(x_i) \log_2 p(x_i),$$

где $p(x_i)$ – вероятность i -того события в системе X .

Согласно приведенной формуле, можно сказать, что энтропия в системе X – эта сумма произведений вероятностей всех результатов i , умноженных на двоичный логарифм (т.е. логарифм по основанию 2) обратной вероятности события i .

Позднее К. Шеннон пытался применить понятие энтропии и к естественному (английскому) языку [6], однако дальше него пошел советский математик А.Н. Колмогоров, применивший понятие энтропии Шеннона (вместе с соответствующей формулой ее расчета) к значительному количеству художественных текстов [7]. Работу в этом направлении продолжил В.А. Успенский [8]. Именно А.Н. Колмогоров ввел в обиход термин «энтропия языка» и даже рассчитал ее. Однако здесь существует проблема: то, что рассчитывал А.Н. Колмогоров с учениками ни в коем случае не является энтропией языка! Прежде всего, в работах и А.Н. Колмогорова, и В.А. Успенского смущает неточность некоторых формулировок, вплоть до некорректного смешения языка, речи и орфографии. Так, последователи А.Н. Колмогорова в своих расчетах обычно исходят из печатных текстов заданной длины (т.е. из определенного количества печатных знаков). Сам собою возникает интересный вопрос: а если какой-либо народ не имеет письменности, то какие он может создавать тексты «длины n , выраженной в «числе знаков» (включая «пробелы»)» [7: 4]? Язык у такого народа есть, но нет письменности. Как же мы будем считать энтропию такого бесписьменного языка? По А.Н. Колмогорову – никак.

Также и у В.А. Успенского [8: 163] читаем: *Пусть энтропия языка равна H . Тогда существует примерно $2Hk$ текстов длины k , принадлежащих данному языку. Отсюда следует, что чем более узкий корпус текстов мы соотносим с представлением о языке, тем меньше будет энтропия языка; так, если взять энтропию языка русской художественной литературы или энтропию языка русского ямба, то каждая из них будет меньше энтропии русского языка в целом.* Но простите, что значит «*тексты, принадлежащие данному языку*»? Текст – это речевое произведение, которое строится в соответствии с правилами языка, но не «*принадлежит ему*». Непонятно также, почему энтропия языка зависит от того, какой «*корпус текстов*» мы с этим языком соотносим. Если один человек «соотнесет с русским языком» один коротенький рассказик, а другой – полное собрание сочинений всех русских классиков, то результаты, согласно В.А. Успенскому, должны получиться разными: у первого значение энтропии русского языка будет меньше, чем у второго. Но ведь это они тексты рассматривали разные, а язык как система – один. Более того, в абсолютном значении получается, что энтропия языка тем выше, чем больше на нем написано текстов – весьма спорный вывод. Непонятно также что такое «*язык русского ямба*»?

Так о какой же энтропии идет речь в работах А.Н. Колмогорова, В.А. Успенского и других исследователей, применяющих формулу Шеннона к печатным текстам, состоящим из n символов? Разумеется, не об энтропии языка, а об энтропии текста, построенного в соответствии с заданными правилами орфографии (которые, строго говоря, непосредственно к языку не относятся). Статистический анализ числа N таких текстов может дать представление об энтропии орфографической системы – и все. К энтропии же языка как *знаковой* системы такой анализ не приближает нас ни на шаг.

Что же следует учитывать при расчете энтропии языка? Разумеется, языковой, а не печатный знак. Во-первых, как уже говорилось выше, язык вполне может существовать и без письменности (когда-то все языки обходились без нее), не переставая при этом быть системой со своим уровнем энтропии. Во-вторых, буквы вторичны даже не по отношению к собственно языковым знакам, а к дознаковым единицам языка – фонемам. Соответственно, в восприятии и распознавании речи основная нагрузка ложится на те единицы, которые манифестируют именно языковые знаки: морфемы, слова, фразы предложения.

Второй вопрос – зачем вообще выяснять энтропию языка, как это в принципе может помочь решить проблему машинного перевода? Этот момент требует хотя бы краткого пояснения. Начнем с интеллекта, т.е. человеческого ума как такового. Чем сознание человека отличается от сознания животных? Способностью к творчеству, т.е. способностью анализировать эмпирически полученные данные и на основе этого анализа принимать качественно новые решения (добавим – при этом полезные обществу). Соответственно, отличие естественного человеческого языка от прочих знаковых систем (например, языков животных) заключается даже не в том, что при помощи первого можно выразить более сложную мысль, но, прежде всего, в том, что посредством человеческого языка мы можем выразить *качественно новую мысль*. Собственно, язык и является орудием мысли, и связь одного и другого непосредственна. А поскольку энтропия языка – это уровень беспорядка в его системе, вопрос об энтропии нельзя обойти стороной при разработке алгоритмов порождения / распознавания речи. После этих пояснений перейдем к языку с его уровнем энтропии.

Вообще, говоря о языке, следует постоянно помнить о том, что это незамкнутая система. Можно сказать, что язык получает «подпитку»

энергией извне, поскольку взаимодействует с другими системами (языками, обществом) и здесь вопрос уже выходит за рамки языкознания. Нам в этой связи стоит отметить, что энтропия в системе языка вовсе не обязательно должна нарастать, как это бывает, например, в замкнутых термодинамических системах. Соответственно, энтропия применительно к языку показывает уровень беспорядка при порождении и / или интерпретации высказывания с учетом фонетики, словаря и грамматических правил.

Далее, в вопросе об энтропии в языковой системе возникает необходимость определения понятий порядка и беспорядка. Безусловно, беспорядок не следует понимать в повседневном смысле слова. В повседневности этот термин имеет весьма размытое значение, поскольку нет и четкого определения того, что такое порядок. Ну а без четкого определения порядка невозможно определить и беспорядок. Эту проблему в принципе можно решить, если учесть, что беспорядок возрастает с уменьшением вероятности конкретного события. Таким образом, в уравнении (1) необходимо, прежде всего, определить значение термина x_i .

По сути, это должен быть показатель уровня неопределенности языкового знака. Применительно к живому языку мы можем выразить этот показатель через отношение суммы планов содержания к сумме планов выражения, зафиксированных в языке на тот или иной момент времени, или

$$U = \frac{\sum C}{\sum F}.$$

Для какой-либо подсистемы языка, состоящей из n элементов, имеющих m значений,

$$U = \frac{\sum_{i=1}^m C_i}{\sum_{j=1}^n F_j},$$

где U – показатель неопределенности языкового знака (от *uncertainty*), C – план содержания (от *content*), а F – план выражения (от *form*).

Теперь, если подставить U в формулу (1), мы увидим, что при $U > 1$ энтропия языка будет больше 0 ($H(L) > 0$), при $U = 1$ энтропия будет нулевой ($H(L) = 0$), а при $U < 1$ энтропия будет отрицательной ($H(L) < 0$).

Язык, в котором одному плану содержания соответствует один и только один план выражения (энтропия равна 0), следует считать идеально упорядоченным языком. Если отвлечься от естественного языка, то можно заметить, что в искусственных знаковых системах энтропию часто стремятся свести к нулю. Скажем, система дорожных знаков – это тоже своеобразный язык, в котором каждому знаку соответствует строго одно чтение. Язык же, в котором одному плану содержания соответствует более одного плана выражения (энтропия отрицательна) будем считать избыточно упорядоченным. Здесь с примерами несколько труднее, но можно вспомнить денежную систему, в которой (обычно так бывает ограниченное время) имеют хождение разные денежные знаки с одним и тем же номиналом: скажем, старые и новые стодолларовые купюры, обычные и «юбилейные» монеты и т.п. Тут как раз и получается, что двум (а возможно и более) планам выражения (вид монет или купюр) соответствует один план содержания (количество товаров и услуг, которые можно на эту купюру приобрести).

Разумеется, для конкретного естественного языка сложно вычислить точный показатель энтропии, но, во-первых, такой расчет, по крайней мере, возможен в принципе, а во-вторых, это имеет скорее общетеоретическое, нежели прикладное значение. При создании

систем машинного перевода вполне можно обойтись вычислением частных значений для наиболее «проблемных» подсистем.

Показатель энтропии любого естественного языка выше 1, и чтобы это понять, достаточно открыть обычный словарь. В идеально упорядоченном языке одному слову соответствует строго одно лексическое значение, но в реальности полисемия распространена повсеместно, а отношение количества слов к количеству выражаемых ими значений – один из аспектов общей энтропии языка. Действительно, энтропия всей системы не может снижаться, если растет энтропия ее подсистем.

С грамматикой все обстоит несколько сложнее, поскольку здесь есть определенные трудности с установлением количества планов содержания. Однако и здесь нередки случаи морфологического и синтаксического гомоморфизма, который в чем-то сродни лексической омонимии. В целом же можно сказать, что чем выше энтропия в системе языка, тем выше степень беспорядка в речи (тексте), построенной в соответствии с правилами этого языка.

Безусловно, уровень энтропии различается по языкам. В частности, для современного английского языка этот показатель должен быть несколько выше, чем для русского, и, соответственно, для английского языка алгоритмы порождения высказывания должны быть проще, а алгоритмы интерпретации высказывания – сложнее.

Представляется возможным один способ преодоления влияния энтропии языка на алгоритмы порождения и интерпретации речи. Суть его заключается в следующем: формализация лексикона путем задания каждому его элементу (т.е. лексеме) определенного набора грамматических категорий. Таким образом, создается что-то вроде словаря, в котором вместо лексико-семантических вариантов того или иного слова представлена номенклатура его синтаксических категорий.

Наибольшую сложность и важность представляет собой синтаксическая категоризация глаголов, поскольку именно глагол выполняет основную синтаксическую функцию, входя в ядро предиката. Для глаголов такие количественные категории определяют количество и состав актантов, взаимодействуя с которыми он образует синтаксические структуры. При присвоении глаголу той или иной синтаксической категории учитываются трансформационные возможности предиката, но не его внутренняя семантика. При таком подходе получается, что один и тот же глагол обладает некоторым набором синтаксических категорий, образующих парадигму и реализуемых в конкретном типе синтаксической конструкции. Лабильность же с точки зрения трансформационного потенциала следует рассматривать как способность глагола вступать в синтаксические связи, как допускающие пассивизацию, так и не допускающие ее. Наконец, наличие у одного глагола ряда количественных категорий не может представлять собой проблемы (например, стоит ли рассматривать эти единицы как один глагол или как разные). Ведь, в конце концов, наличие у одной и той же единицы ряда лексико-семантических вариантов ни у кого нареканий не вызывает.

Подводя итог, следует отметить, что проблемы создания программ-переводчиков отнюдь не исчерпываются одной лишь энтропией языка, да и вообще в этой отрасли есть целый ряд вопросов, не связанных напрямую с лингвистикой. Однако определение уровня энтропии естественного языка наряду с разработкой алгоритма порождения и интерпретации высказывания, позволяющего преодолеть ее негативные последствия, представляются важным шагом на пути создания «умной машины». Началом же разработки такого алгоритма вполне может стать формализация естественного языка через

выявление набора дискретных грамматических категорий, присущих каждому элементу лексикона того или иного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов П.С., Ляпунов А.А., Реформатский А.А. Основные проблемы машинного перевода // Вопросы языкознания. – № 5 – 1956.

2. Ляпунов А.А., Кулагина О.С. Использование вычислительных машин для перевода с одного языка на другой // Природа. – № 8 – 1955.

3. Панов Д.Ю., Ляпунов А.А., Мухин И.С. Автоматизация перевода с одного языка на другой // Сессия по научным проблемам автоматизации производства. – М.: Изд. АН СССР, 1956.

4. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – № 4 – 2000.

5. Shannon, C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. – Vol. 27, July and October, 1948.

6. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / пер. с англ. Предисл. А.Н. Колмогорова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.

7. Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов. – М.: Наука, 1987.

8. Успенский В.А. Предварение для читателей «Нового литературного обозрения» к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова // Новое литературное обозрение. – № 24 – 1997.

УДК 81'37

СЕМАНТИКА КОМПОНЕНТОВ БИПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С АБСОЛЮТНОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ

Ключевые слова: абсолютная конструкция, классификация предикатов, коррелят, осложненное предложение, предикат, пропозиция

В настоящей статье рассматривается семантика компонентов пропозиций, представленных в поверхностной структуре осложненного предложения основным составом (ОСП) и абсолютной конструкцией (АК), в их взаимодействии.

This article deals with semantics of the components of the bisentential structures represented in the syntactic structure of the sentence complicated by the absolute participial construction in their interaction.

С древнейших времен люди представляли мир как некое вместилище для относительно слабо связанных между собой вещей, обладающих определенными свойствами. Определенная картина мира не учитывала реально протекающие динамические процессы. В XX веке стала очевидной неправомерность статичной интерпретации мира. Согласно новому взгляду на объективную реальность, покой относителен, движение абсолютно, и элементом первичной онтологии стала не вещь, рассматриваемая сама по себе, а некое событие, или ситуация, где вещи-участники этой ситуации находятся в определенных взаимозависимых отношениях.

В теории Б. Рассела [1] синонимом события является факт, и в его представлении мир состоит не из вещей, а из фактов, неких реальных сущностей материального мира, входящих в его онтологию. Такой же точки зрения придерживались, например, Г. Райхенбах, Л. Витгенштейн, З. Вендлер, Дж. Остин и др. Б. Рассел приходит к выводу,

* **Дворецкая Елена Владимировна**, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

что факт есть то, что выражает пропозиция. Согласно З. Вендлеру [2], факты, причины и следствия, существуют не в физическом, а в логическом пространстве.

Пропозиция является ментальным коррелятом онтологической ситуации. Огромное множество самых разнообразных ситуаций, в конечном итоге, можно объединить на основе доминирующего признака в некоторое количество групп, представляя предложения в виде структурных схем. Структура предложения – это та область, где находят свое отражение различные мыслительные и познавательные процессы человека, а также прагматические факторы (например, цели и задачи, преследуемые коммуникантами в ходе речевого взаимодействия, коммуникативный эффект и др.), влияющие на конструирование значения. По мнению Ч. Филлмора, «совсем не обязательно считать, будто все, что входит в наше понимание предложения, непременно включается в глубинную (*underlying*) грамматическую структуру этого предложения; более предпочтительным представляется говорить, что слово <...> активизирует <определенную – *Е.Д.*> сцену; что каждый, кто понимает данное слово, знает, каковы различные компоненты и аспекты такого события...» [3: 519-520].

Отметим также, что элементарная ситуация либо существует, либо нет; объективно она не может проявляться в большей или меньшей степени. Поэтому, рассматривая пропозиции ОСП и АК в их взаимосвязи, следует помнить, что, во-первых, таким образом проявляется авторское видение более крупного фрагмента действительности, в который ситуации $S_{осп}$ и $S_{ак}$ входят составляющими; во-вторых, $S_{осп}$ и $S_{ак}$ информационно не равнозначны, с точки зрения автора высказывания, но тем не менее обе значимы для него по сравнению с некими ситуациями S_x , S_y и т.п., которые – при другой пресуппозиции – также могли бы детализировать

этот фрагмент действительности; в-третьих, таким образом задается определенная фокусировка сообщения: как известно актанты в составе пропозиции семантически гетерогенны, но синтаксически равноправны, и их синтаксическое неравноправие наступает только при преобразовании пропозиции в предложение, когда один из актантов, по замыслу автора высказывания, противопоставляется остальным, что находит свое отражение в его выдвигании в позицию подлежащего первично-предикативной конструкции или левого компонента вторично-предикативной конструкции поверхностной структуры.

Ведущую роль в пропозиции играет предикат – «мыслимое содержимое, являющееся основой соотнесения высказываемого с действительностью» [4: 345]. Предикаты – это та часть лексики, которая используется для обозначения отношений между объектами внеязыковой действительности. Основными предикаторами – «конкретно-языковыми формами предикатов» [5: 354] – являются глаголы, предикативы, выражения кванторов, выражения отрицания, союзы, предлоги. «Любой конкретный глагол или другое слово предикативного типа задает при каждом его употреблении определенную перспективу» [3: 520.]. Сущности, включенные в перспективу, т.е. «выступающие в виде субъектов и прямых объектов» [3: 522], называются *ядерными элементами* (термин Ч. Филлмора) предложения.

В качестве наиболее известных классификаций предикатов можно назвать классификации Дж. Лайонза [6], У. Чейфа [7], О.Н. Селиверстовой [8].

Принимая во внимание контраст, существующий между статичными и динамичными ситуациями, Дж. Лайонз противопоставляет состояние событиям, процессам, деятельности и акту. Состояние описывается через понятие статичной ситуации, которая существует, продолжается, но не изменяется в течение

определенного промежутка времени. В то же время процессы, события, деятельность и акты описываются через понятие динамичной ситуации, которая случается, происходит, имеет место. На основе таких пар признаков ситуации, как статичность / динамичность, длительность / мгновенность, контролируемость / неконтролируемость, Дж. Лайонз выделяет следующие типы предикатов: 1. activity (*деятельность*) – длящаяся динамичная ситуация, управляемая агенсом; 2. process (*процесс*) – длящаяся динамичная ситуация, не управляемая агенсом; 3. state (*состояние*) – статичная ситуация, не управляемая агенсом; 4. action (*акт*) – мгновенная динамичная ситуация, управляемая агенсом; 5. event (*событие*) – мгновенная динамичная ситуация, неуправляемая агенсом.

Типология У. Чейфа включает три основных типа предикатов – *состояние*, *процесс* и *действие* и два промежуточных – *действие-процесс* и *действие-состояние*.

В классификации О.Н. Селиверстовой семь групп предикатов: 1. действие; 2. процесс; 3. состояние; 4. со значением качества; 5. со значением класса и связи; 6. со значением нахождения в пространстве; 7. со значением потенциальности.

Каждый из этих предикатов может характеризоваться предельностью / неопредельностью, мгновенностью / продолжительностью. Предикаты со значением действия делятся на два подвида: 1. предикаты, которые могут обозначать отдельные действия, и 2. предикаты, которые могут обозначать только классы действий (обобщение гетерогенных действий), например, to rule (вообще).

Нетрудно заметить, что во всех трех классификациях выделены предикаты *состояние*, *процесс*, *действие* (*деятельность* – у Дж. Лайонза). При этом классификация О.Н. Селиверстовой является

наиболее разработанной по сравнению с двумя другими, ее мы и принимаем за основу для анализа исследуемого нами синтаксического явления.

Итак, функционирование предикатов – это многомерное пространство, в котором семантические роли представляют собой некое единство лексики и синтаксиса. Согласно предикатно-аргументной модели, в пропозиции предикату отводится доминирующая семантическая и структурная роль, а актанты традиционно характеризуются по их роли относительно предиката.

Обратимся теперь к конкретному языковому материалу.

Вторично-предикативный комплекс, известный как АК, является частью полипропозиционального предложения, минимально – бипропозиционального, где одна пропозиция в поверхностной структуре формализуется ОСП, другая – АК. Причем $P_{осп}$ и $P_{ак}$ находятся в иерархических отношениях.

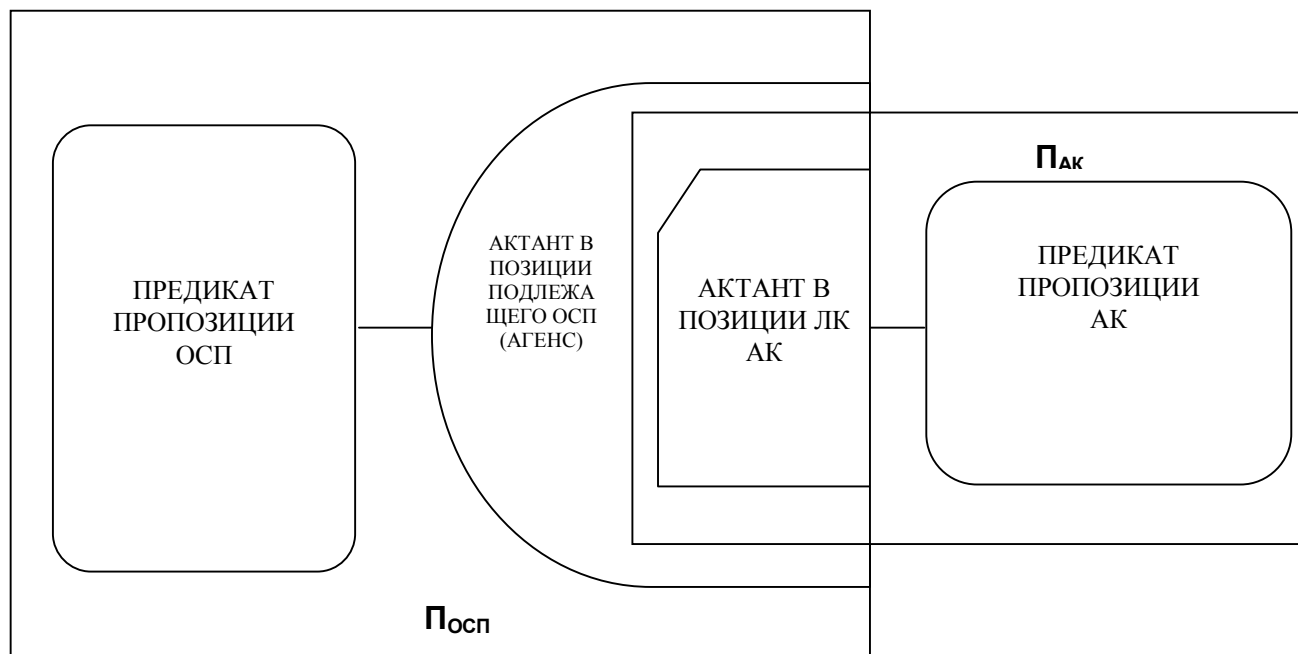
Самый типичный случай можно представить следующей схемой: актант, выдвигаемый в поверхностной синтаксической структуре предложения в позицию левого компонента АК (ЛК АК), является частью агенса пропозиции ОСП.

Структуры, подобные АК, З.Г. Бурдина относит к интегрированным синтаксическим структурам, определяя интеграцию как «взаимодействие между компонентами синтаксической структуры высказывания, приводящее к возникновению в этой структуре дополнительных семантико-синтаксических значений и отношений» [9: 5-6], и выделяет следующие критерии отграничения интегрированных синтаксических структур от других структур:

1. Информативная интегрированность (целостность) синтаксической структуры;

2. Особая синтаксическая организация, заключающаяся в фиксированном порядке и количестве компонентов структуры;

3. Наличие у структур скрытых грамматических значений и отношений [9: 30].

На наш взгляд, АК обладает всеми этими признаками. АК функционирует как один член предложения и в письменном тексте всегда обособляется запятыми, что также указывает на присущий ей целостный характер. Второй критерий тоже соблюдается: есть фиксированный порядок следования левого и правого компонентов, и количество компонентов структуры неизменно. Третий критерий проявляется, в частности, в том, что АК является языковым коррелятом некоей ситуации $S_{ак}$, выступающей в качестве уточнителя основной ситуации $S_{осп}$. Таким образом, получается, что и пропозиция $P_{ак}$ не является самостоятельной в той же мере, что и пропозиция $P_{осп}$, поскольку эти пропозиции являются ментальными коррелятами ситуаций $S_{ак}$ и $S_{осп}$, связанных иерархическими отношениями уточнения.

Проанализировав предложения, осложненные АК, мы получили следующие результаты. Предикат пропозиции $P_{осп}$ в большинстве случаев характеризуется как предикат-*действие*. В предложениях с АК, в основном, встречается подвид этого предиката, обозначающий отдельные действия. При этом

а) действие выполняется субъектом (человеком или животным) как дискретной, целостной, одушевленной единицей объективной реальности:

(1) Heart pounding, he cringed farther into the room [10: 82].

(2) The dog headed toward the sack again, nose leading [10: 105].

б) действие выполняется субъектом, но предикат обязательно открывает позицию партитива в пропозиции $P_{осп}$ – внешнего (пример 3 – his head) или инкорпорированного в глагольную лексему (пример 4 – действие глагола *gesture* производится, как правило, рукой):

(3) Sueldan shook his head, brown locks flying [10: 195].

(4) Eyes dodging his, she gestured a serving boy to her, an unfamiliar, strapping near-teen with a mop of blue-black hair [10: 56].

в) действие может быть представлено глаголами говорения. Сюда же относятся случаи внутренней речи (пример 7):

(5) “Illuminati”, he stammered, his heart pounding [11: 6].

(6) The reporter was still talking, her eyebrows furrowing with intensity [11: 320].

(7) *A hot vintage, my Lord, Flagg* thought, a grin dawning on his narrow face [12: 72].

Значительно реже встречаются предикаты-*состояния*, отражающие психологическое или эмоциональное состояние субъекта:

(8) Startled, Sueldan froze, thoughts scattering, heart pounding [12: 64].

(9) He sobbed, the wellspring of tears filling his eyes without warning [10: 168].

В отдельную группу следует выделить предикаты, представленные глаголами чувственного восприятия. Следует учитывать, что предикаты чувственного восприятия традиционно делят на два подтипа:

1. предикаты произвольного чувственного восприятия (hear, see, etc), характеризующиеся как предикат-*состояние* и обязательно сочетающиеся с перцептивом (субъектом чувственного восприятия), который является частным случаем экспериенцера:

(10) He heard the sound, his anxiety growing.

2. предикаты произвольного чувственного восприятия (listen, look, etc), характеризующиеся как предикат-*действие*, что следует из возможности постановки к предложению с таким предикатом вопроса What does he do? (He listens to the music.). Субъект такого действия представлен в пропозиции предложения не каноническим экспериенцером, но промежуточным типом между экспериенцером и агенсом.

(11) He gazed out at the piazza, his pulse climbing [11: 410].

Рассмотрим теперь пропозицию P_{AK} .

В позицию левого компонента АК выдвигается тот актанта пропозиции P_{AK} , который является, с точки зрения автора высказывания, наиболее подходящим для детализации ситуации $S_{осп}$. Причем сама эта детализация носит довольно специфический характер: детализируется не вся $S_{осп}$ как таковая, а ее совершенно определенный участник, выступающий в пропозиции $P_{осп}$ в качестве агенса / экспериенцера. Другое необходимое условие – коррелят этого актанта во внеязыковой действительности должен быть непосредственно связан с коррелятом агенса / экспериенцера в $P_{осп}$. Часть тела живого человека или животного естественным образом «связана» с телом как целостной, дискретной единицей реальности. Но

следует принять во внимание, что такая связь присутствует и в случае отчуждаемых объектов, небольшого размера относительно тела и так или иначе характеризующих этого человека или животное. К таким отчуждаемым объектам можно отнести, например, одежду или ее отдельные элементы, оружие, сумку, зонт, книгу и т.п. В первом случае актант, обозначающий часть тела человека или животного, можно классифицировать как партитив, во втором случае – небольшой относительно всего человека или животного объект, связанный с его частью (например, книга в руке), – как объектив с выраженной партитивной тенденцией.

Что касается предиката пропозиции P_{AK} , формализованного в АК причастием настоящего времени полнозначного глагола, то здесь чаще всего встречаются предикаты-состояния, реже – предикаты-процессы (пример 12), для которых несвойственна контролируемость «действия». Причем, этот процесс узко локализован в пространстве – «привязан» на ситуативном уровне к корреляту ЛК АК.

(12) Con swiveled his head to Suedan, his inky, tangled mane swaying with the movement [10: 165].

(13) Vittoria and Langdon followed in silence as Commander Olivetti led them down a long rococo corridor, the muscles in his neck pulsing with rage [11: 143].

На наш взгляд, преобладание в пропозиции P_{AK} предикатов «неактивной» направленности обусловлено тем, что P_{AK} , коррелятом которой на языковом уровне является абсолютная конструкция, всего лишь деталь, характеризующая соответствующий актант в P_{Osp} , но между ее базовыми компонентами существует предикативная связь. Таким образом, сущности, обозначенные на языковом уровне как левый и правый компоненты АК, следует рассматривать, соответственно, как предмет (в широком смысле слова) и приписываемый ему признак,

внутренне ему не присущий, такой, который носит временный и изменчивый характер.

Часто предикаты P_{AK} моно- и бивалентны. И только в редких случаях репрезентация предиката в поверхностной структуре есть более сложное синтаксическое образование, как, например, в следующем предложении:

(14) He crossed himself and looked again at the fax, his eyes seeming to pool with waves of abhorrence [11: 146].

Подобные случаи в рамках этой статьи не рассматриваются.

Итак, проанализировав ядерные элементы P_{Osp} и P_{AK} осложненного бипропозиционального предложения, мы пришли к следующим выводам:

1. Пропозиция, являясь ментальным коррелятом онтологической ситуации, отражает сложность и многоплановость этой ситуации, что, в свою очередь, находит отражение в поверхностной структуре предложения.

2. P_{Osp} и P_{AK} находятся в иерархических отношениях уточнения.

3. Детализация S_{Osp} носит специфический характер, проявляющийся в том, что детализируется совершенно определенный ее участок, коррелятом которого в P_{Osp} является агент / экспериенцер.

4. Предикат P_{Osp} классифицируется как *действие* или *состояние*.

5. Актант P_{Osp} , коррелят которого занимает в поверхностной структуре рассматриваемого типа предложения позицию подлежащего, классифицируется как агент, значительно реже – как экспериенер.

6. Предикат P_{AK} классифицируется как *состояние* или *процесс*.

7. Представленность предикатов «неактивной» направленности в рассматриваемом варианте АК обусловлена тем, что данный признак – временный и изменяемый – приписывается предмету, который не характеризуется агентивностью.

8. Актант, коррелят которого занимает в поверхностной структуре предложения позицию ЛК АК, классифицируется как партитив или объектив с выраженной партитивной тенденцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.

2. Vendler Z. Linguistics in philosophy. – Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1967.

3. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. Б.Ю. Городецкого. Сост., общ. ред и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 496-530.

4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

5. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / под ред. д-ра филол. наук Ю.Н. Караулова. Изд. 2-е стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

6. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978.

7. Чейф У.Л. Значение и структура языка / пер с англ. Г.С. Щура. Послесл. С.Д. Кацнельсона. – М.: Прогресс, 1975.

8. Селиверстова О.Н. Семантические типы предикатов / Т.В. Булыгина, О.Н. Селиверстова, Н.А. Ишевская и др.; Отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1982.

9. Бурдина З.Г. Неразложимые языковые структуры и речевая коммуникация. – М., 1987.

10. M. Z. Reichert. Flightless Falcon. – L., 2001.

11. Brown D. Angels and Demons. – N.Y., 2000.

12. King S. The Eyes of the Dragon. – L., 1988.

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

УДК 81.274:001.891.57:378.046.4

Ю.А. Комарова*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: закономерности формирования научно-исследовательской компетентности специалистов, источники и условия создания модели, методическое моделирование, методическая модель, отношения отражения, отношения корреляции, отношения координации, проектирование образовательной среды, системообразующие компоненты, соотносительный аспект модели, структурный аспект модели, функциональный аспект модели

Методическое моделирование нацелено на выявление внутренних факторов, условий, компонентов образовательного процесса, его закономерностей, логики организации и проведения обучающих процедур. Названная деятельность необходима, так как позволяет познать этот процесс, прогнозировать его развитие и управлять им в конкретных условиях образовательной системы. Учебная деятельность, нацеленная на формирование научно-исследовательской компетентности специалистов, обладает сложной структурно-содержательной композицией, что позволяет в рамках методической модели выделить три аспекта ее рассмотрения: 1) структурный, 2) соотносительный и 3) функциональный аспект.

Methodical modelling is aimed at revealing of internal factors, conditions, components of educational process, its laws and logics of

* Комарова Юлия Александровна, кандидат педагогических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

organization and realization of training procedures. The named activity is necessary as it allows to investigate this process, to predict its development and to operate it in concrete conditions of educational system. The educational activities aimed at formation of scientific and research competence of specialists has a complicated content -structural composition that allows to differentiate three aspects of its consideration within the framework of the methodical model: 1) structural; 2) correlative; and 3) functional aspect.

Известно, что в современной образовательной среде моделирование является эффективным методом познания и исследования объекта, а также оптимального конструирования названного объекта, так как благодаря действиям абстракции и идеализации отражает релевантные и сущностные свойства оригинала. Именно этот признак метода моделирования позволяет познать механизмы исследуемой системы и детальнее раскрыть сущность изучаемой системы.

Методическое моделирование в настоящее время используется для решения разнообразных задач, и в первую очередь – задач инновационных преобразований, для обеспечения которых недостаточно лишь опоры на положительный опыт в исследуемой сфере. Моделирование предполагает разрешение ряда исследовательских проблем, связанных с определением совокупности методических факторов и условий, которые способствуют построению оптимизированного процесса обучения [1: 10].

Методическое моделирование по своей сути является инструментом создания организованной образовательной структуры с определенным специфическим содержанием. Важным для нас является тот факт, что моделирование выстраивается как преемственная последовательность исследовательских процедур, которые включают в себя построение и изучение избранной системы

через отображение изучаемых объектов при помощи аналогов и заместителей, которые отражены в выстраиваемых моделях.

Известно, что продуктом процесса моделирования является модель, понимаемая как некая системная структура, и создаваемая исследователем в качестве функционального аналога оригинала; причем критерием адекватности модели служит эксперимент. Названный конструкт позволяет не только сжато, сокращенно описывать явления, но главным образом опосредованно изучать исследуемую динамическую систему «в целях нахождения наиболее оптимального способа управления ею, т.е. способа ее целенаправленного поведения» [2: 110].

Таким образом, в рамках психолого-педагогических исследований методическое моделирование можно охарактеризовать как мысленное имитирование реально существующей педагогической системы или системы только разрабатываемой путем создания специальных моделей, воспроизводящих принципы организации и функционирования искомой системы.

Очевидно, что никакая отдельно взятая модель, даже очень сложная, не может дать полное представление об изучаемом объекте. Следовательно, конкретная модель должна отражать структурно и содержательно наиболее существенные на данном этапе свойства и взаимосвязи элементов системы и процессов в ней протекающих. Эта идея представляется плодотворной для выстраивания перспективной модели искомой методической системы, которая должна быть чувствительна к смене научных и образовательных парадигм, и которая может быть охарактеризована совокупностью компонентов обучения в их взаимосвязях и целостности.

Следовательно, можно констатировать, что методическая модель может быть охарактеризована как сложная, целенаправленная,

динамическая система теоретико-методологических и методико-технологических знаний об учебном процессе, который нацелен на формирование научно-исследовательской компетентности. При этом *сложность* заявленной системы определяется: а) диалектическим синтезом ключевых положений, составляющих базисные позиции теории образовательной интеграции и дифференциации; б) многообразием подсистем содержания обучения, методов и приемов обучения, средств и источников обучения, а также связей между ними; в) иерархической структурой системы, определяющей логику развертывания процесса формирования научно-исследовательской компетентности. *Целенаправленность* означает определение, достижение и проверку поставленной цели, предполагающей формирование научно-исследовательских навыков, умений и способностей средствами иностранного языка, а *динамичность* предполагает регулярное наращивание результативности образовательного процесса и расширение его интенсифицирующего потенциала в целях эффективного формирования научно-исследовательской компетентности специалистов.

Важным для процесса моделирования является определение основных источников создания модели. В нашем случае таковыми источниками служат: а) социальный заказ на подготовку высококвалифицированных кадров в системе последипломного образования, реализованный в нормативно-правовых документах, нравственных нормах и традициях, а также объективных потребностях общества и отдельной личности; б) международный и отечественный педагогический опыт по организации последипломного образования, тенденции и инновации в его развитии, а также его традиции; в) социально-экономические изменения в профессиональном поле деятельности специалиста; г)

современное состояние методической науки в области преподавания иностранных языков; д) теоретические концепции, фиксирующие современный уровень развития моделирования; е) практический опыт осуществления моделирования. Очевидно, что все перечисленные источники в той или иной мере определяют как сам процесс моделирования, так и его продукт – образовательную модель деятельности по формированию научно-исследовательской компетентности специалистов.

В силу того факта, что обучение в условиях системы последиplomного образования может быть описано при помощи таких характеристик, как цикличность, преемственность, регулярность, профессиональная актуальность и т.д., то и создание образовательной модели формирования научно-исследовательской компетентности должно осуществляться при соблюдении ряда условий, учитывающих названную специфику. К их числу можно отнести следующие:

1. выбор объектов моделирования, которые должны носить универсальный характер для условий профессионально-ориентированного образования специалистов, то есть быть наиболее общими, во-первых, а во-вторых, быть достаточно легко воспроизводимыми в процессе краткосрочного обучения;
2. выделение циклических и регулярных составляющих образовательный процесс действий, которые характеризуются повторяемостью через определенный временной интервал, однако на более сложном уровне;
3. обеспечение доступности для наблюдения и при необходимости – коррекции а) со стороны администрации – в отношении временных и технических параметров; б) со стороны преподавателя – в отношении программных и методических компонентов и параметров; в) со стороны обучаемых – в

отношении тех содержательных элементов моделируемой деятельности, которые представляют собой профессиональные компоненты.

Здесь же заметим, что образовательная деятельность, нацеленная на формирование научно-исследовательской компетентности специалистов, представляет собой сложную по своей природе, гетерогенную структуру, что позволяет в рамках методической модели выделить три аспекта ее рассмотрения: 1) структурный; 2) соотносительный; и 3) функциональный аспект.

Структурный аспект предлагаемой нами модели состоит в осознании и описании значимых элементов системы. К таковым элементам отнесены следующие: преподаватель, слушатель, взаимодействие преподавателя и слушателя, содержание обучения, средства, источники обучения, а также методы обучения.

Соотносительный аспект формирования научно-исследовательской компетентности предполагает осознание и описание как внутрисистемных, так и внешнесистемных связей, типичных для методической образовательной модели.

Функциональный аспект формирования научно-исследовательской компетентности состоит в осознании и описании функциональной нагрузки системы вообще и системных компонентов, в частности, через выявление закономерностей образовательного процесса.

Помимо обозначенных аспектов дополнительно в качестве структурного блока искомой модели следует выделить образовательную среду, как особый пространственно-содержательный конструкт, в рамках которого существуют и функционируют рассматриваемые подсистемы, характеризующаясь определенным

взаимодействием с названной средой и являясь, по сути, ее структурным сегментом.

Образовательная среда учебного процесса, нацеленного на формирование научно-исследовательской компетентности специалистов, представляет собой единство исторически сложившихся внешних факторов развития общества, с одной стороны, и педагогических традиций и опыта определенного типа учебного учреждения последипломного образования, с другой стороны. Названные факторы в своей совокупности создают специальным образом организованные дидактико-методические условия с целью подготовки специалиста в сфере науки, способного вести профессиональную деятельность на иностранном языке.

Помимо прочего образовательная среда отражает взаимосвязь условий, обеспечивающих развитие образовательного процесса и предполагающих динамику данного процесса в названной среде. Образовательная среда по своей сути представляет собой особым образом организованную инфраструктуру, позволяющую осуществить эффективную учебную деятельность согласно поставленным задачам.

Образовательная среда учебного процесса, нацеленного на формирование научно-исследовательской компетентности в условиях последипломного образования, описывается определенной последовательностью компонентов, которые, в свою очередь, характеризуются определенными критериями эффективности. К названным компонентам можно отнести следующие:

- *ценностно-целевой компонент*, который включает в себя совокупность целей и ценностей образовательного процесса, являющихся значимыми для реализации задач учебной подготовки слушателей по программам дополнительного профессионального образования, целевой установкой которых

является формирование научно-исследовательской компетентности;

– *научно-исследовательский компонент*, предполагающий наличие связи образовательного процесса с ведением исследовательской деятельности всего учреждения и отдельных его кафедр; реализацию возможностей роста научной квалификации преподавателей; внедрение результатов научных исследований в учебный процесс и т.д.;

– *административный компонент*, представляющий собой систему административного управления учебным процессом и научно-исследовательской деятельностью. Названный компонент включает в себя прогнозирование развития учебного заведения последипломного образования с учетом факторов внешней среды (политических, экономических, социальных), а также прогрессивных отечественных и мировых тенденций развития системы непрерывного образования;

– *материально-технический компонент*, который представлен материально-технической оснащённостью учебного заведения, в частности: учебными площадями, лабораториями, техническими средствами обучения; необходимой социальной инфраструктурой;

– *нормативно-правовой компонент* является собой совокупность информационных ресурсов для принятия управленческих решений, учебной и научной деятельности и деловой коммуникации. Названный компонент предполагает наличие законодательной информации в сфере последипломного образования, нормативно-правовых актов различных уровней (от федерального до регионального), текущей учебной документации;

– *социальный компонент* находит выражение в развитии системы социальных отношений, типичных и естественных в условиях данной образовательной среды. По своей сути содержанием представленного компонента является взаимоотношения субъектов образовательной среды, распределение статусов и ролей.

Таким образом, образовательная среда является собой совокупность методических и психолого-педагогических факторов; технологических и пространственно-предметных факторов; социальных и нормативно-правовых компонентов, которые в своем системном единстве обеспечивают процессы преподавания и учения.

СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ модели определяет строение и качественное своеобразие системы, при этом моделирование позволяет рассматривать структурные единицы образовательной модели как самостоятельные и взаимосвязанные части системы, имеющие свое внутреннее строение и выступающие основой для разработки обучающих технологий, нацеленных на формирование научно-исследовательской компетентности слушателей ФПК.

Структурный аспект модели может быть охарактеризован следующими особенностями:

1. Целостностью, что предполагает интегративное единство компонентов, при котором свойства целого не сводятся к механической сумме свойств его элементов, но, вместе с тем, каждый элемент в системе имеет свое место и свои функции;
2. Структурностью, которая обеспечивается тем фактом, что функционирование системы обусловлено свойствами ее структуры, а не только особенностями отдельно взятых элементов;

3. Иерархичностью, согласно которой каждый элемент системы может быть рассмотрен как горизонтально или вертикально расположенная относительно самостоятельная подсистема.

Согласно названным особенностям в рамках моделирования процесса формирования научно-исследовательской компетентности в условиях системы последипломного образования была выявлена структурная организация модели, определяемая содержанием деятельности и морфологически представленная в следующих подструктурах: 1) преподаватель; 2) обучаемый; 3) взаимодействие преподавателя и обучаемого; 4) содержание обучения; 5) средства и источники обучения; 6) приемы и методы обучения.

Преподаватель являет собой активный компонент модели. Известно, что именно личность преподавателя представляет собой один из важных факторов, влияющих на эффективность образовательного процесса. Профессионализм современного преподавателя системы последипломного образования определяется его активным и творческим педагогическим поиском, внедрением в свою практику новых инновационных методов обучения, осуществлением целеполагания и целереализации на основе авторской модели обучения, регулярной дидактико-методической рефлексии своего профессионального развития и т.д.

Преподаватель эффективно выполняет свои функции в образовательной системе при условии, что он способен реализовать развивающий потенциал занятия, оригинально и интересно ставить учебные задачи, создавать условия активной творческой деятельности для слушателей ФПК, быстро ориентироваться в создающихся в ходе образовательного процесса проблемах, предвидеть последствия, адекватно управлять деятельностью обучаемых в образовательной

среде, не подавляя инициативу и стимулируя их творчество. Функции преподавателя, реализуемые в рамках образовательного процесса на ФПК, можно свести к следующим:

- эксперт в области методики преподавания иностранных языков;
- обучающий, то есть организатор совместной со слушателями образовательной деятельности;
- наставник, консультант, информант;
- соавтор дальнейшей программы самообразования [3: 102].

Выполняя перечисленные функции, преподаватель, в первую очередь, обучает слушателей, то есть организует целенаправленную системную преемственную учебную деятельность, нацеленную на наиболее эффективное и быстрое овладение отобранным содержанием обучения. Также в рамках перечисленного функционала преподаватель проводит консультирование, информирование и оказывает помощь в случаях затруднения при реализации образовательных задач.

Слушатель курсового обучения, организованного в целях формирования научно-исследовательской компетентности, также является активной подсистемой методической модели. Активность и рефлексивность процесса формирования научно-исследовательской компетентности для слушателя ФПК создает внешние инструментальные возможности его познания профессиональной действительности средствами иностранного языка, что образует интегрированные структуры знания, включающие декларативные и процедурные аспекты и расширяющие образовательные возможности учебных процедур.

Функции обучаемого, реализуемые в рамках образовательного процесса на ФПК, можно свести к следующим:

- учащийся, то есть участник индивидуально-групповой учебной деятельности;
- соавтор разрабатываемой программы обучения;
- разработчик и носитель индивидуальной стратегии дальнейшего самообучения.

Перечисленные функции позволяют заключить, что в качестве первоочередной задачи слушатель ФПК реализует образовательные программы действий, и в результате поэтапной последовательной системной деятельности овладевает индивидуальной стратегией учения. Именно названная индивидуальная стратегия способствует скорейшему и эффективному формированию научно-исследовательской компетентности специалиста.

Взаимодействие преподаватель-слушатель является основополагающим для любой образовательной модели. Так как в процессе обучения участвуют две стороны – преподаватель и слушатель ФПК, это позволило нам рассмотреть личностный компонент методической системы профессионально-ориентированного обучения с двух позиций.

Во-первых, настоящая методическая система предназначена для того, чтобы слушатель ФПК имел возможность наиболее эффективным образом овладеть иностранным языком как средством формирования научно-исследовательской компетентности. Система не только учитывает особенности развития личности специалиста, которые в условиях последипломного образования при переходе с одной ступени подготовки на другую проявляются в совершенствовании типологических свойств личности, приобретая новый образовательный опыт, но и способствует формированию индивидуального стиля деятельности, что в конечном итоге позволяет слушателю выстроить

индивидуальную образовательную траекторию в соответствии со своими возможностями, потребностями и способностями.

Во-вторых, такая педагогическая система создает условия преподавателю для своего дальнейшего развития и повышения своего профессионального мастерства. Достижение мастерства возможно при условии как интеграции дифференцированных знаний, так и дифференциации интегративных знаний в целях формирования системы методических знаний, навыков и умений, а также их актуализации и генерализации во внутренних субъективных способностях личности преподавателя.

Содержание обучения представляет собой важный компонент методической модели. Примечательно, что андрагогические условия обучения предусматривают возможность создания нестандартного, дифференцированного содержания обучения с учетом как условий обучения: краткосрочное, интенсивное, циклически организованное; так и специфики обучаемых: их жизненного опыта, уровня предшествующей подготовки, индивидуальных образовательных целей и задач и т.д.

Ориентация на такой сложный продукт искомой образовательной деятельности, как формирование научно-исследовательской компетентности специалистов средствами иностранного языка, диктует необходимость говорить о многокомпонентном содержании обучения. К таким компонентам можно отнести [4: 56]:

– лингвистический компонент, который включает в себя: сферы профессиональной коммуникативной деятельности, профессионально-ориентированный языковой и речевой материал, темы, ситуации и программы их развертывания, коммуникативные и социальные роли;

- психологический компонент, который определяется комплексом знаний, навыков, умений и способностей, которые предстоит сформировать у слушателей в курсе обучения на ФПК;
- методологический компонент, который описывается комплексом общеучебных и специальных учебных навыков и умений, обеспечивающих формирование индивидуальной стратегии учения.

Здесь же отметим, что содержание обучения структурируется также особым образом. Известно, что общепринятое распределение содержание обучения на отдельные, чаще всего мало связанные друг с другом дисциплины и их традиционная разбивка на темы в процессе обучения на курсах ФПК малоэффективна. Содержание обучения следует разделить на определённые, структурно и содержательно связанные с собой проблемные дисциплинарные блоки или модули [5: 45].

Освоение слушателями ФПК содержания каждого отдельного модуля позволяет достичь определенной задачи или задач обучения, совокупность которых результируется в сформированной научно-исследовательской компетентности специалистов.

Следующим важным компонентом описываемой системы являются *формы, методы и приемы обучения*, которые представляют собой целенаправленные систематизированные действия преподавателя и обучаемых в целях реализации поставленной учебной задачи, в результате чего достигается определенный уровень владения научно-исследовательской компетентностью. Формы, методы и приемы обучения должны быть адекватным образом отобраны и организованы в рамках определенного образовательного модуля.

Цели данного процесса, его содержание и система оценивания формируются в соответствии с избранной методологической концепцией, разворачиваемой в условиях определенной образовательной среды. В основе образовательной технологии лежит систематизированная последовательность учебных приемов.

Однако, исходя из того факта, что любое обучение является двусторонним образовательным процессом – преподавание и учение – необходимо выяснить соотнесенность приемов преподавания и приемов учения. Задача преподавания заключается в следующем: задать такое действие и так организовать его с учетом приема учения, чтобы оптимально достичь поставленной цели. Следует учесть, что при этом приемы преподавания выбираются преподавателем сознательно, согласно принципам обучения вообще и конкретным целям и задачам обучения, в частности; тогда как приемы учения подбираются слушателем курсового обучения на основе его опыта и уже сформированного индивидуального стиля деятельности. Таким образом, приемы преподавания выступают в определённой степени как средство управления приемами учения [6: 69].

Таким образом, формы, методы и приемы обучения и учения следует рассматривать как единицы учебного процесса, от верного отбора и организации которых напрямую зависит эффективность и продуктивность образовательного процесса, нацеленного на формирование научно-исследовательской компетентности специалистов.

Не менее важным компонентом для корректной организации обучающих действий являются *средства и источники обучения*. Средствами обучения являются комплексы учебных пособий и технических приспособлений, с помощью которых осуществляется управление деятельностью преподавателя по обучению языку и

деятельностью слушателей по овладению языком. Средства обучения образуют, как правило, типовой учебный комплекс, предназначенный для работы с конкретным контингентом слушателей, и рассчитанный на определённый профессиональный профиль [7: 295].

В условиях перехода к информационному обществу социально-экономические и государственно-политические преобразования, а также постоянный рост объёма информации привели к необходимости модернизации систем, обеспечивающих средства обучения. Причем данные изменения основаны на последних достижениях науки и техники в области информационных, компьютерных и телекоммуникационных технологий.

В частности, процесс модернизации средств обучения находит отражение в привлечении электронных технологий как инструментария, используемого для организации работы со слушателями ФПК. Электронные средства обучения включают в себя систему средств создания, сбора, передачи, представления, контроля, хранения и обработки информации. Процесс обучения, нацеленный на формирование научно-исследовательской компетенции специалистов, который основан на применении информационных технологий, обеспечивает эффективное решение поставленных образовательных задач.

Функции дидактической системы комплексного применения средств обучения направлены на мотивацию и активизацию самостоятельной учебно-познавательной и учебно-производственной деятельности слушателей; индивидуализацию, интенсификацию и дифференциацию содержания и процесса обучения. В образовательном процессе средства и источники обучения образуют систему на основе следующих принципов: плановости, целостности, системности, стадийности, уровневости, профильности,

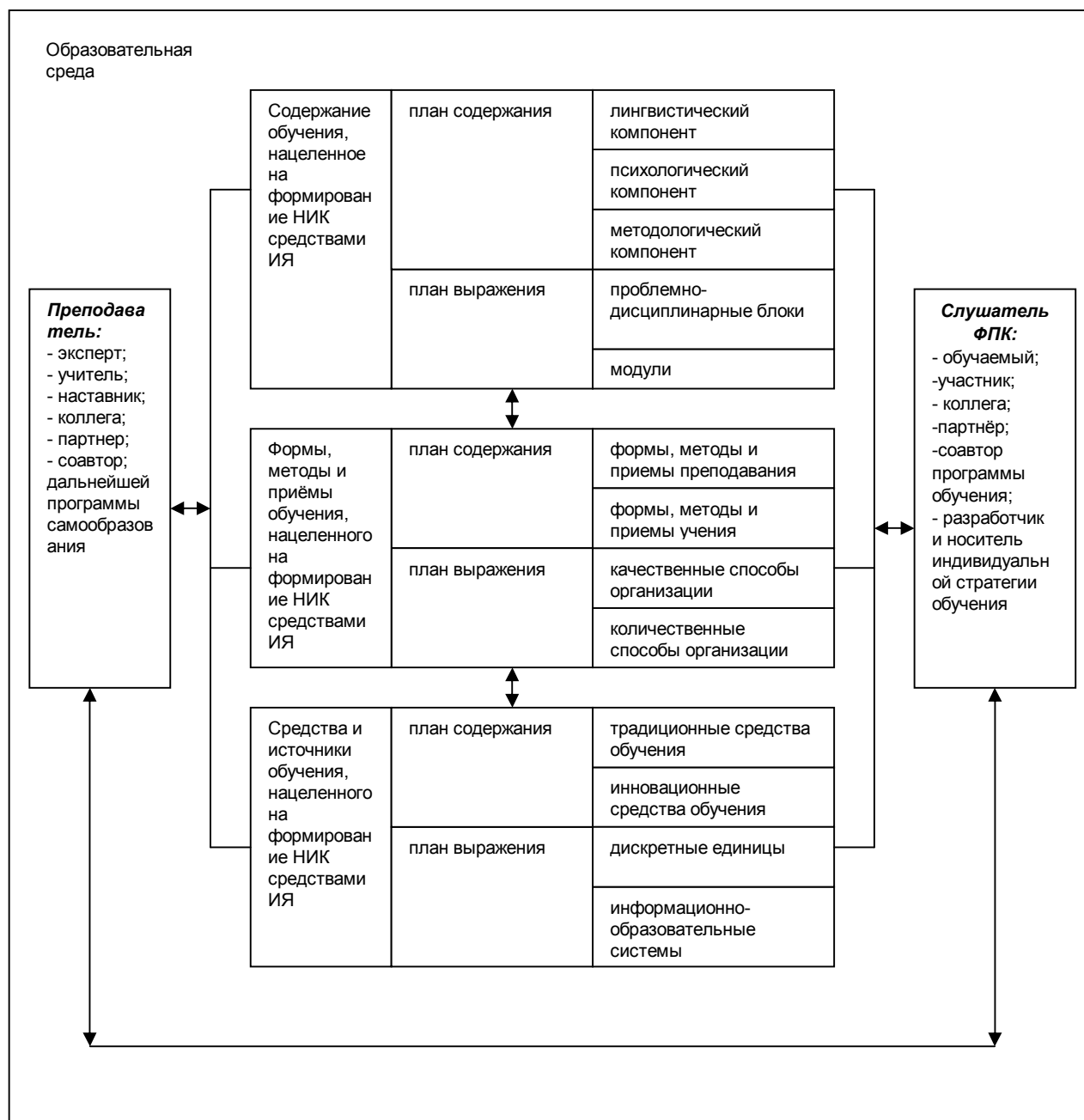
универсальности, технологичности.

Системообразующими компонентами и факторами, прямо влияющими на выбор средств обучения в тот или иной образовательный момент, являются: содержание обучения, нацеленное на формирование научно-исследовательской компетентности специалистов (характер учебной информации и формы его наглядного представления), формы обучения (формы организации учебной деятельности преподавателя и слушателей), методы обучения (упорядоченная совокупность видов совместной обучающей деятельности преподавателя и учебной деятельности слушателя) и т.д.

Представленные компоненты структурно выражают логику развертывания образовательного процесса, которая соответствует закономерностям теории управления им. Известно, что особенностью психолого-педагогической теории управления учебной деятельностью слушателей ФПК является то, что она совершается преемственными циклами, которые реализуются с использованием соответствующих средств их поддержки.

Как уже было отмечено, весь процесс обучения – это взаимодействие пяти основных описанных выше элементов. Этот процесс можно представить в виде схемы, отражающей структурно-содержательное наполнение и соотношение названных элементов. Каждый из этих элементов играет свою важную роль в процессе формирования научно-исследовательской компетентности специалистов.

Структурный аспект методической модели

Предложенная схема структурного аспекта методической модели представляет собой своеобразную программу, которая позволяет определить конкретные задачи, пути и средства развития процесса образовательной деятельности.

СООТНОСИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ модели процесса обучения, целью которого является формирование способности ведения научно-исследовательской деятельности на иностранном языке,

представлен вариативной системой связей. Известно, что эффективность образовательной модели зависит от сбалансированности внешних и внутренних связей модели, а также от качества информационного ее обеспечения. Данное обеспечение реализуется путем хранения, обработки, передачи, представления и использования информации и информационного инструментария, что позволяет установить причинно-следственные, хронологические, пространственные связи, и т.д.

Наличие *внешних связей* предполагает, что модель образовательной системы, нацеленной на формирование научно-исследовательской компетентности, представляет собой информационно упорядоченное воздействие моделирующей системы на моделируемую. Она раскрывает сущностные особенности исследуемого феномена, характеризующие его природу. Знание о них позволяет грамотно строить взаимодействие с объектом и предвидеть результаты его функционирования.

Реализация данной связи характеризуется такими частными формами связи, как:

- *отражение*, которое обеспечивает такое моделирование образовательного объекта, которое осуществляется с учетом его основных системных характеристик без нарушения внутреннего единства, целостности и структурных связей,
- *корреляция*, которая предполагает, что процесс методического моделирования образовательной системы должен представлять собой упорядоченную последовательность взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются более или менее однозначно и имеют целью достижение необходимой

эффективности;

– *соотношение*, которое ответственно за информационное обеспечение процесса методического моделирования образовательной системы и его корректирование в условиях изменения внешних обстоятельств и ситуаций.

Внутренние связи описываемой модели образовательного процесса, нацеленного на формирование научно-исследовательской компетентности специалистов, способствуют реализации методического моделирования путем обеспечения внутренней согласованности и сбалансированности образовательных потребностей обучаемых и их удовлетворения, личностных ценностных ориентации педагога и слушателей, материальных и интеллектуальных ресурсов и т.п. Внутренние соотношения представляют собой по сути своего рода причинно-следственные связи методического моделирования компонентов образовательного процесса с объективно существующими факторами, оказывающими на него непосредственное влияние и определяющими ее содержание и результат.

Внутренние связи можно подразделить на два принципиальных блока:

1. *межкомпонентные связи*, благодаря которым осуществляется гармоничное соотношение и соподчинение блоков модели, содержание которых определено с учетом перспективы развития как методической науки в целом, так и конкретного образовательного учреждения последипломного образования, в частности. По своему характеру данные связи можно определить как:

– координативные, обеспечивающие равнозначные и равностатусные отношения между выделенными

компонентами модели;

- субординативные, отвечающие за взаимодействие соподчиненных компонентов образовательной модели;
- комплексирующие, предполагающие сложное взаимодействие компонентов на координативно-субординативном уровне;

2. внутрикомпонентные связи, в результате функционирования которых структура и содержательное наполнение компонентов модели развиваются как динамические подсистемы. Данные связи представлены следующей вариативностью:

- последовательные связи, предполагающие поочередное структурирование содержания компонентов модели и цепные взаимоотношения на уровне микроструктуры данных компонентов;
- параллельные связи, согласно которым, отбор микрокомпонентов образовательных блоков осуществляется независимым друг от друга образом, в результате чего они являются самостоятельными и обособленными;
- циклические связи, которые обеспечивают регулярную повторяемость микрокомпонентов образовательных блоков, но на более высоком уровне.

Таким образом, можно сделать вывод, что сбалансированность внешних и внутренних связей образовательной модели, их гармонизация, технологичность, флексибельность и деятельностное опосредование определяют эффективность и продуктивность искомой модели, что в свою очередь способно влиять на оптимизацию процесса формирования научно-исследовательской

компетенции специалистов в условиях последипломного образования.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ разрабатываемой модели представлен совокупностью закономерностей образования в избранных условиях, причем данные закономерности являются производными как от доминантной образовательной концепции, типичной для современного этапа развития методической науки, так и частной концепции обучения, обоснованной в настоящем исследовании. Описываемые *закономерности* процесса формирования научно-исследовательской компетенции специалистов отражают объективно существующие связи и отношения, конкретизация которых в тех или иных аспектах приводит к выявлению концептуальных направлений, стратегий и тактик в целях реализации вычлененных образовательных целей и задач.

Основными закономерностями системы формирования научно-исследовательской компетентности специалистов в условиях последипломного образования являются следующие.

Опережающий подход к процессу формирования научно-исследовательской компетентности слушателей ФПК, который реализуется на основе предвидения профессиональных потребностей, и, как следствие, перестройки содержания обучения, оптимизации методов обучения, с учетом процессов преемственности, интеграции и дифференциации в профессиональном образовании с целью создания целостной, оптимально действующей и динамично развивающейся системы. Причём под целостной, оптимально действующей системой понимается организованная и упорядоченная структура с развитыми внутренними и внешними связями, а также новыми интегративными качествами, которые первоначально отсутствовали во взаимосвязанных компонентах данной системы. А под динамичным

развитием такой системы понимается педагогически организованное целенаправленное движение системы от суммативного уровня к органически целостному состоянию, характеризующемуся интегративными взаимосвязями их главных компонентов и основных параметров образовательного процесса.

Следующей закономерностью исследуемого процесса обучения является *приоритет специальности слушателей ФПК в организации образовательного процесса, нацеленного на формирование их научно-исследовательской компетентности*. Данная закономерность обеспечивается путём единой целевой профессиональной направленности образовательной системы на конечные профессионально значимые результаты через соответствующее планирование и управление профессионально-ориентированной подготовкой специалистов. Названная закономерность предопределяет деятельность, при которой в процессе моделирования и осуществления обучения цели и задачи поэтапного усложнения теоретических и практических основ обучения будут приближены к профилю специалиста и заложены в учебные программы разнообразных структур последипломного образования, осуществляющих вариативную подготовку кадров.

Закономерность *целостности профессиональной подготовки, направленной на формирование научно-исследовательской компетентности слушателей ФПК* является следующей важной деятельностной стратегией разрабатываемой модели обучения. Названная целостность достигается посредством постоянного укрепления взаимосвязей основных компонентов профессиональной подготовки на основе ведущих принципов интеграции и дифференциации, а также взаимодействия с другими принципами обучения: политехнизма, преемственности, мотивации учения и труда,

проблемности, открытости, инновационности и т.д. Органическая целостность профессиональной подготовки обеспечивается образовательной ситуацией, при которой все компоненты искомой модели будут ориентированы на конечную цель – повышение качества образовательной деятельности по формированию научно-исследовательской компетентности слушателей ФПК.

Следующей важной закономерностью образовательного процесса является *приоритет личности специалиста в выборе и построении своей образовательной траектории по овладению навыками и умениями научно-исследовательского характера*. Представленная закономерность характеризует образовательный процесс, реализуемый в структурах ФПК, который осуществляется в соответствии с индивидуальными возможностями, социальными и профессиональными перспективами, желаниями и способностями. Названная деятельность предполагает организацию компонентов системы на основе программно-целевого подхода с учетом обозначенных индивидуальных факторов конкретного специалиста. Центральной идеей индивидуализации профессиональной подготовки специалистов в условиях последиplomного образования является категория целостного развития человека как субъекта деятельности и общения на всем протяжении его профессиональной подготовки. Важной представляется также ориентация на целостное непрерывное развитие слушателей ФПК как активных субъектов образования и социального действия.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что методические закономерности последиplomной подготовки специалистов являются значимыми стратегическими направлениями как преподавательской, так и учебной деятельности, которые определяют ведущие категории образовательного процесса: цели,

содержание, средства, технологии профессионально-ориентированного обучения, а также динамическое поступательное развитие всего образовательного процесса и его результат.

В заключении подчеркнем, что важность методического моделирования учебного процесса по формированию научно-исследовательской компетентности специалистов состоит также в том, что названный процесс делает возможным поэтапную корректировку целей, содержания, организационной структуры системы профессиональной подготовки научных работников в системе ФПК на основе использования имеющихся достижений и прогноза желаемых результатов, что, в свою очередь, делает обучение более гибким, предполагающим демократичность, альтернативность подходов, создающим совокупность разнородных образовательных условий и предоставляющим максимум возможных индивидуально-творческих траекторий для формирования профессиональной компетентности специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковлева Н.О. Педагогическое моделирование инновационных систем: автореф. дис. ... д-ра. пед. Наук. (13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования). – Челябинск, 2003.

2. Ковалевская Е.В. Проблемное обучение: подход, метод, тип, система (на материале обучения иностранным языкам): Кн. 2. – М.: МНПИ, 2000.

3. Змеев С.И. Технология обучения взрослых. – М.: Академия, 2002.

4. Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях. – М.: Просвещение, 1991.

5. Колесникова И.А. Основы андрагогики. – М.: Academia, 2003.

6. Пассов Е.И., Кузовлев В.П., Царькова В.Б. Учитель иностранного языка: Мастерство и личность. – М.: Просвещение, 1993.

7. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Высшая школа, 2003.

УДК 81'34

И.Б. Смирнов*

**УЧЕТ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОНЕТИЧЕСКИХ
СИСТЕМ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ ПРИ
ФОРМИРОВАНИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ НА НАЧАЛЬНОМ
ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ**

Ключевые слова: аналитико-имитационный способ обучения, гласные звуки, дифтонги, долгота и краткость гласных, интерференция, интонация, перенос, произнесение, произношение, согласные звуки, твердый приступ, фонетическая зарядка, фонетическая система, фонетические навыки, словесное ударение, фразовое ударение

В статье рассматриваются вопросы формирования фонетических навыков на начальном этапе обучения немецкому языку, в методических целях анализируются особенности фонетической системы немецкого языка в сравнении с русской произносительной системой для более эффективной организации фонетической зарядки на учебных занятиях по немецкому языку.

The article is devoted to the problems of forming phonetic skills at the initial stage of training German and considers specific features of German phonetic system in comparison with the pronounciational system of Russian from methodical viewpoint to reach more effective organization of phonetic exercises at the German lessons.

* **Смирнов Игорь Борисович**, кандидат педагогических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

1. Роль и место фонетической зарядки на учебных занятиях по иностранному языку

Формирование произносительных навыков учащихся – одна из основополагающих задач начального этапа обучения. Отношение к фонетическим навыкам и способам их формирования всегда рассматривалось в отечественной методической науке и педагогической практике с большим пиететом, особенно в то время, когда средства для их формирования были существенно ограничены довольно стесненным материальным положением образовательных учреждений и техническими возможностями издательств, выпускавших большей частью лишь фономатериалы. Однако место грампластинок или магнитофонной записи всегда четко определялось учителем в планировании хода урока и находило достойную реализацию во время проведения фонетической зарядки. Учебно-методические комплекты по иностранному языку 60-80х годов прошлого века предлагали в учебной книге для учащихся и в грамзаписи стихи, зарифмовки, поговорки, детские песенки. В связи с тем, что современные УМК предоставляют учителю полную свободу в планировании и отборе учебного материала для урока, фонетическая зарядка иногда выпадает из поля зрения учителя. Учителя озабочены, в первую очередь, объемом лексико-грамматического материала урока и полагают, что приоритеты должны быть направлены на развитие устной речи учащихся, а не на развлекательные фонетические упражнения, материал которых в речи учащихся в дальнейшем используется довольно редко. Среди учителей иностранных языков бытует весьма распространенная точка зрения, согласно которой при коммуникативном методе обучения совершенно напрасно искусственно, вне речевой ситуации формировать фонетические навыки. Во время выполнения специальных фонетических упражнений учащиеся стараются правильно произносить

звуки и обращать внимание на интонацию, но как только переходят к речевым упражнениям или начинают свободно говорить на уроке в предложенных коммуникативных ситуациях, их внимание к фонетическому оформлению высказывания отходит на задний план. Разумеется, ядром коммуникативного метода обучения является обучение общению в общении. Как утверждает Н.И. Гез, «овладение фонетической стороной речи не является самоцелью, оно подчиняется нуждам и задачам речевого общения и развивается в тесной связи с обучением слушанию, говорению, чтению и письму при одновременном формировании лексических и грамматических навыков» [1: 274]. Коммуникативный метод обучения иностранному языку предполагает наличие на уроке речевого образца, который выступает в том числе и как произносительный образец для учащихся во время учебного речевого общения. Кроме того, произносительным образцом для учащихся должна выступать и речь учителя. Подражательность в произнесении играет действительно большую роль, однако, на начальном этапе обучения, в условиях отсутствия языковой среды для постоянного общения на иностранном языке, сознательное усвоение особенностей фонетического строя изучаемого иностранного языка должно постоянно находиться в поле зрения учителя. И если в своей деятельности учитель пойдет не только имитационным путем формирования у учащихся фонетических навыков, но и аналитико-имитационным, то в этом случае учащиеся будут знать особенности образования звуков иностранного языка, учитывать их при произнесении и, таким образом, формировать свой собственный механизм контроля грамотного произношения, соответствующего литературной норме изучаемого языка.

Формирование фонетического навыка связано с тренингом в восприятии фонетического образа, его опознания, внутреннего

проговаривания и воспроизведения. Поэтому формирование фонетических навыков невозможно без одновременного формирования аудитивных навыков. Перцепция и идентификация иноязычного материала, внутреннее проговаривание услышанного – важное звено в формировании произносительных навыков на начальном этапе обучения.

Большое значение для формирования фонетического навыка имеет употребление звука, звукосочетания, слова в разнообразных субституциях, так как фонематическое, лексическое окружение, фразовое ударение не только накладывают существенный отпечаток на фонетический образ языковой единицы, но иногда подвергают изменению ее семантическое значение. Фонема существует в разных вариантах, знать которые необходимо для ее идентификации при восприятии на слух и при адекватном воспроизведении в устной речи. Итак, чем чаще обучаемый встречается тренируемые звуки в различных окружениях, чем чаще воспринимает их в разных контекстах, тем острее становится его фонематический слух, богаче аудитивный опыт, совершеннее техническая сторона произнесения, что приближает изучающего иностранный язык к аутентичному оформлению собственного речевого высказывания.

Формированию фонетических навыков учащихся и должна служить планомерно и систематически выполняемая на каждом уроке фонетическая зарядка. Место фонетической зарядке отводилось в традиционной отечественной методике в самом начале урока, сразу же за организационным моментом и речевой зарядкой, либо перед ней. На самом деле, данное положение оправдано, поскольку фонетическая зарядка призвана настраивать речевой аппарат учащихся на произносительную систему чужого языка, его артикуляционный базис, и лучше это делать в самом начале учебного занятия. Следует все же

уточнить, что фонетическая зарядка должна находить свое место в структуре урока сообразно с логикой его проведения и не выпадать из его общей тематической, методической и дидактической канвы. Поэтому на начальном этапе обучения в структуре урока могут иметь место столько фонетических зарядок и упражнений, сколько это требуется для выполнения задач конкретного урока, а их расположение и последовательность согласуются с логикой развития сюжетной линии учебного занятия.

Виды фонетической зарядки определяются объектом формирования произносительного навыка: формируется ли на данном этапе произносительные навыки отдельного звука, отдельных лексических единиц, фразовых единств, различных типов предложений по цели коммуникативного высказывания или комплексного формирования фонетических навыков на основе цельного текста.

2. Формирование фонематического речевого слуха и произносительных навыков отдельных звуков

При формировании фонетических навыков произнесения отдельных звуков немецкого языка необходимо отталкиваться от сравнительной типологии звуковых систем немецкого и русского языков.

В системе **согласных звуков** кажущаяся идентичность в произнесении согласных способствует фонетическим ошибкам и неверной постановке произношения, что приводит к возникновению сильного акцента, затрудняющего общение с представителями немецкоязычных стран. Довольно распространено мнение, что произнесение немецких звуков мало чем отличается от произнесения звуков русского языка. Различия, на самом деле, настолько тонкие, что

как раз этот факт и является камнем преткновения на пути освоение фонетической системы немецкого языка.

Произнесению немецких согласных всегда сопутствует мускульное напряжение речевого аппарата, выражающееся в сильной аспирации глухих фрикативных и взрывных согласных [p], [t], [k], причем, как в начале слова перед ударными гласными, так и в его конце или даже в середине слова:

Pack	ab
Tag	Tat
Kalk	klug
gesund	Gesundheit

С другой стороны, для немецкой произносительной системы характерно оглушение звонких согласных, что отличает ее от русской произносительной системы. Поэтому немецкие согласные [b], [g], [d], [w], хотя и считаются звонкими, произносятся, однако, с известной степенью оглушения и называются полувзвонками:

***binden *Buch *Ausdruck *sein *ausgeben**

Специфичным для немецкой фонетической системы является и невозможность для немцев произнесения звука [x] в начале слова. Отсюда и всем известное [карашо] в немецком варианте. Поэтому особое внимание следует обращать на произнесение следующих слов со звуком [k] в начале слова: Chaos, chaotisch, Charakter, charakterisieren, charakteristisch, charakterlos, Chor, Christ, Christus, Christbaum, Christkind, christlich, Chrom, Chronik, chronisch.

Довольно часто преподаватели особое внимание учащихся, приступающих к изучению немецкого языка, обращают на произнесение звука [r], что по существу неоправданно, так как в немецком на равных сосуществуют три варианта произнесения этого звука: вибрانت [r], увулярный [R] и переднеязычный вариант, соответствующий русскому

звуку [r]. Важно, однако, научить учащихся правильному произнесению этого звука в конце слова после долгих гласных и в неударных слогах, когда [r] вокализуется и почти не произносится: *der, her, Meer, wir, hier, vergessen, Person, werden, länger* и т.д. Именно произнесение звука [r] в этой позиции и создает наиболее сильный акцент (ср. [2: 87]).

Большую трудность для учащихся представляет собой произнесение щелевого [хь] в позиции после закрытых гласных, дифтонгов, а также [r], [l]: *mich, dich, weich, Teich, Teilchen, heucheln, horchen, gehorchen*, а также перед закрытыми гласными: **Chemie, Chemikalie, chemisch**.

При освоении системы согласных звуков немецкого языка стоит обратить внимание и на активность участия увулы в произнесении таких согласных как [r] и [x]:

Rast	auch
Ritter	machen
Kreis	Krach
verkrustet	verachten

Система немецких **гласных звуков** существенно отличается от русской. И в первую очередь тем, что в немецком языке существуют как краткие, так и долгие гласные. Они есть и в русском языке, однако противопоставление по долготе – краткости не играет в русском смысловозначительной роли. В немецком же языке по этому признаку происходит смысловозначительное различие лексических единиц:

er legte [e:] (он положил)	– er leckte [e] (он облизал)
Saat [a:] (посев)	– satt [a] (сытый)
sag [a:] (скажи!)	– Sack [a] (мешок)
Weg [e:] (путь)	– weg [e] (прочь)
Staat [a:] (государство)	– Stadt [a] (город)

Усвоение системы долгих и кратких гласных – долгое и кропотливое дело, осложняющееся фонетической интерференцией. На наш взгляд, сознательное усвоение различий в системе немецких и русских гласных, постоянная тренировка и система в работе учителя смогут привести к формированию прочных фонетических навыков правильного произнесения немецких гласных.

Немецкие гласные различаются по степени открытости / закрытости: долгие гласные являются закрытыми, а краткие – открытыми:

ihn – in

Beet – Bett

fühlen – füllen

Большую трудность для русскоязычных учащихся представляют умляутированные гласные: [y] (fünf), [y:] (Übung), [œ] (könnte), [œ:] (schön), [ɛ] (Bär). Отработке произнесения данных гласных звуков следует уделить очень большое внимание, так как именно они создают сильный акцент говорящего.

Особое внимание стоит уделить формированию навыка произнесения трех звуков, которым в русском соответствует лишь один [e]: закрытого [e:] (See, Tee), среднего [ɛ] (treffen) и открытого (Mädchen). Кроме того, в немецком языке существует так называемый Murmel –е [ə], редуцированный звук в безударных слогах, который, как правило, произносится неясно или вообще не произносится. Причем, такой редукции могут подвергаться как все типы выше указанного звука [e], так и иные безударные гласные:

Matte [matə]

reisen [raizn]

Wohin gehst du? [wo:hin ge:stə?]

Явление, полностью отсутствующее в русском языке, – твердый приступ (Knacklaut) при произнесении немецкого гласного в начале слова или слога, начинающегося на гласный. О напряжении при произнесении согласных мы уже говорили. Такое же напряжение диафрагмы характерно и при произнесении гласных в начале слова, что создает специфическое звучание немецкой речи и не позволяет слогам и словам сливаться, что отличает немецкий язык и от английского, и от французского:

A nfang	be o b achten
E nde	The a t er
I lse	Nebenkosten a b rechnung
O tto	Welt a l l
U ntergang	Welt a n schauung
ü ber a l l	ge a n twortet

Другое сложное явление для русского уха – дифтонги, которых в русском языке нет как самостоятельных фонем. Хотя в произносительной практике русских дифтонгоидность гласных встречается довольно часто, немецкие сложные гласные представляют трудность потому, что произносятся не как два, последовательно звучащих отдельных звука, но как единое связанное целое двух гласных в одном слоге. Первая часть дифтонга плавно переходит во вторую:

[ao] **l**aufen, **a**uch, **B**auch

[ae] **E**i, **k**ein, **m**einen

[oe] **h**eute, **B**eutel, **t**räumen

Таким образом, материалом для фонетической зарядки становятся наиболее сложные звуки произносительной системы немецкого языка, выявленные в процессе сравнения с произносительной системой русского языка. Тренировка указанных звуков и фонетических явлений происходит как отдельно, в

специальных упражнениях, так и в словах и словосочетаниях, а также в связных текстах: зарифмовках, стихотворениях, скороговорках, пословицах, поговорках, песнях. Важно, чтобы все виды отработки звука – от знания особенностей его артикуляции до узнавания его вариантов в речи и умения его произносить в разных окружениях – нашли закономерное место в учебном процессе.

3. Освоение словесного ударения

Немецкое словесное ударение – нефиксированное в отличие от русского языка. Но, если в русском языке ударение характеризуется не только свободой, но и большей подвижностью, т.е. при изменении формы слова или при словообразовании оно может перемещаться (нога, ноги, ноги, ногами, подножный), то в немецком слове ударение, как правило, имеет так называемый этимологический характер, т.е. оно привязано к корню слова и при изменении слова или при образовании однокоренных слов сохраняет свою привязанность к корню слова, его семантике:

Freund, Freunde, freundlich, Freundschaft, freundschaftlich

Большей частью ударными являются первые корневые слоги немецких слов. Они остаются ударными и при словообразовании, когда к слову прибавляются безударные префиксы или суффиксы:

wohnen, Wohnung, bewohnen, Bewohner, wohnhaft

Однако в немецком языке существуют слова с ударными префиксами и суффиксами. Поэтому очень важно научить учащихся различать ударные и неударные префиксы и суффиксы.

При формировании фонетического образа немецких слов важно усвоить, что неударными являются большинство суффиксов имен существительных и прилагательных:

-chen, -e, -el, -er, -heit, -ig, -in, -ing, -keit, -lein,

-ler, -ling, -ner, -nis, sal, -schaft, -tum, -ung

-bar, -(e)n, -ern, -haft, -ig, -isch, -lich, -sam

Неударными приставками, встречающимися у глаголов и имен существительных, являются:

be-, ge-, emp-, ent-, er-, ver-, zer-

Приставка **miss-** может быть как ударной, так и безударной. Как глагольная приставка **miss-** не несет на себе ударения:

missbrauchen, missglücken, misslingen, misstrauen

Но если она у глагола является второй, она становится ударной:

missverstehen, missgestalten

Приставка **Miss-** имен существительных и прилагательных является ударной:

**Missbrauch, Misserfolg, Missernte, Missverständnis,
missgelaunt**

Ударными приставками, являющимися словообразовательными элементами большого количества глаголов и имен существительных, являются:

ab-, an-, auf-, aus-, bei-, ein-, her-, hin-, nach-, ur-, vor-

Как ударными, так и неударными могут быть префиксы

durch-, hinter-, über-, um-, unter-, wieder-, wider-

Приставка **un-**, как правило, несет на себе ударение:

unangenehm, unartig, Unrecht, Unsinn,

но ударение может и колебаться (возможны два варианта):

**unmenschlich, unmöglich, unsterblich,
untröstlich, unübersehbar, unübertroffen, ununterbrochen,
unwillkürlich, unverzeihlich, unwiderstehlich**

Особый случай представляет собой ударение в сложных словах – именах существительных и прилагательных, в которых два ударных

слога. При этом более сильное – главное – ударение несет на себе первая часть сложного слова (определяющее слово), а вторая часть (определяемое слово) несет побочное ударение:

ˈˈWohnungsˈtür

ˈˈFensterˈbrett

Существуют, однако, словообразовательные модели словосложения, в которых второй элемент несет главное ударение:

ˈJahrˈˈhundert, ˈJahrˈˈzehnt, ˈJahrˈˈtausend, ˈLebeˈˈwohl,

ˈMutterˈˈgottes

ˈDreiundˈˈzwanzig, ˈvierundˈˈdreißig

ˈhiˈˈnaus, ˈheˈˈrein, ˈwoˈˈhin

4. Овладение фразовым ударением

Фразовое (логическое) ударение связано со смысловой нагрузкой предложения: информация, являющаяся для говорящего наиболее релевантной, выделяется посредством фразового ударения, т.е. языковые единицы, которые выражают ее, несут на себе не только словесное, но и сильное – второе – фразовое ударение. Как правило, такие члены предложения занимают место либо в его начале, либо в конце или ближе к концу предложения.

ˈ**Ungenügend** hat er gekriegt.

ˈ**Gut** hat er das gemacht.

ˈ**Jetzt** will ich das nicht machen.

Er will einen ˈ**Brief** schreiben.

Er hat die Sache ˈ**vollkommen** abgeschlossen.

Особенностью немецкого предложения является безударное произнесение служебных слов: артиклей, предлогов, союзов, вспомогательных глаголов и отрицательной частицы *nicht*. Однако, они могут нести на себе фразовое (логическое) ударение в случае, если это выполняет интенциональную задачу говорящего:

«Nimm dich in acht!», fuhr sie mich an. «Du bist nun mal nicht wie andere Mädchen. Du bist eine Tänzerin. Ich habe es dir immer schon gesagt: Karriere **oder** Liebe. Ein **Und** gibt es nicht» [3: 35].

«Es führen eben viele Wege nach Rom!», erklärte sie mir.
«Die **eine** schafft es mit Fleiß, und die **andere** ...» [3: 38]

Слово, несущее логическое ударение, является логическим предикатом или коммуникативным центром предложения. В принципе, каждый член предложения может стать при определенных условиях коммуникативным центром предложения.

«Als meine Haare endlich den Farbton einer Marilyn Monroe angenommen hatten, grunzte meine Ballettmeisterin zufrieden:
«**Das** ist es!» [3: 22]

Фразовое ударение осуществляется посредством усиленного выделения ударного слога в слове, несущем смысловую нагрузку в предложении:

Er **hat** einen Mercedes.

Er hat einen **Mercedes**.

Er hat einen Mercedes.

Er hat **einen** Mercedes.

Ударный слог слова, несущего фразовое ударение, произносится громче, медленнее и с изменением тона [4: 37].

Если в предложении несколько слов имеют одинаковую в смысловом плане содержательную нагрузку – например, в случае перечисления, – то самое последнее слово берет на себя функцию коммуникативного центра предложения и несет фразовое ударение:

Auf dem Tisch lagen Zeitungen, Zeitschriften und **''Bücher.**

Таким образом, учащиеся должны научиться понимать интенциональную задачу, которую ставит перед собой говорящий в определенной коммуникативной ситуации, чтобы адекватно определять либо намерения говорящего при аудировании, либо способы выражения своих собственных коммуникативных намерений при говорении.

5. Формирование навыка интонационного оформления предложений разных типов по цели высказывания

При коммуникативно-когнитивном методе обучения происходит произвольное (спонтанное) овладение основными синтаксическими моделями предложений. На начальном этапе обучения учащиеся знакомятся с интонационным оформлением основных типов предложений по коммуникативной цели высказывания: повествовательного, вопросительного, восклицательного и побудительного предложений. Овладение интонационным рисунком предложения в иностранном языке предполагает многократное восприятие на слух разного типа предложений, их имитационное воспроизведение, а также коррекцию самостоятельного высказывания учащихся со стороны учителя.

Освоение интонационных моделей повествовательного, восклицательного и побудительного предложений происходит на основе переноса из родного языка и, как правило, не представляет большой трудности для обучаемых. Интонационные модели немецкого

предложения во многом сходны с русскими. Имеющиеся отличия очень тонки, что значительно затрудняет восприятие и усвоение правильной немецкой интонации [2: 83].

Особенностью немецкой интонации является нисходящая шкала, в которой падение тона происходит постепенно, распределяясь ступенчато по всем ударным слогам. Безударные слоги примыкают к предшествующим ударным на том же уровне. В русском языке нисходящая шкала не встречается, безударные слоги расположены обычно ниже ударных, что обуславливает более широкий диапазон русской речи и ее напевный характер [2: 83].

Основную трудность для русскоязычных учащихся представляет интонационная модель вопросительного предложения с вопросительным словом – интонация в общем вопросе:

Was ´machst du?

Wohin ´fährst du?

Woher ´kommen Sie?

Wo ´wohnen Sie dort?

При ее освоении действует интерферирующее влияние родного языка, заключающееся в повышении тона в конце предложения, что является характерным для интонирования подобного типа предложений в русском языке. В немецком вопросительном предложении без вопросительного слова тон голоса понижается, например:

ˊWer ist das?

ˊWas ist das?

Woh **ˊin** gehen wir?

Данная модель имеет все три элемента интонационной структуры: предтакт, ядро и затакт. Движение тона в ядре восходящее-нисходящее, падение тона крутое и быстрое и доходит до низкого уровня. Предтакт лежит в нейтральном уровне, он может быть как ровным, так и восходящим. Затакт может быть либо ровным, либо нисходящим, уровень его низкий. Степень распространённости предтактов зависит от лексического наполнения модели [2: 73-74].

Предложения данного вида, в которых тон резко повышается при произнесении вопросительного слова, а затем резко понижается к концу предложения, требуют многократной тренировки при формировании навыка аутентичного интонационного оформления вопросительного предложения, что, в том числе, и должно являться предметом фонетической зарядки на учебных занятиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Akademia, 2004.
2. Милюкова Н.А., Норк О.А. Фонетика немецкого языка. – М.: Академия, 2004.
3. Баранова М.В. Совершенствование устной и письменной речи с использованием оригинального текста романа Дианы Беаты Хельман «Две женщины»: уч.-метод. пособие. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2006.
4. Уроева Р.М., Кузнецова О.Ф. Справочник по фонетике и грамматике немецкого языка (для 1 и 2 курсов заочных отделений и факультетов). – М.: Высшая школа, 1972.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

УДК 801.73

В.А. Андреева*

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ НАРРАТИВЕ

Ключевые слова: литературный нарратив, пространственно-временная структура, художественный текст, хронотоп

В статье рассматривается пространственно-временная структура современного литературного нарратива, которая является не просто неотъемлемой характеристикой повествования и повествуемых событий, но и носителем определенных ценностных смыслов, поскольку подвергается образному переосмыслению сначала автором, а затем реципиентом текста.

The article studies the spatio-temporal structure of the modern literary narrative, which is considered to be not only the integral feature of the narration and the narrated events, but also the transmitter of certain value meanings, as it is subject to creative interpretation first by the author, then by the recipient of the text.

Неотъемлемым элементом нарратива является его пространственно-временная структура или хронотоп. Повествуемые события развиваются в неких пространственно-временных координатах, которые, однако, подвергаются образному переосмыслению сначала автором, а затем реципиентом текста. Еще М.М. Бахтин заметил, что хронотопические мотивы являются носителями ценностных смыслов: «Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и

* **Андреева Валерия Анатольевна**, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

всегда эмоционально-ценностно окрашены. <...> Искусство и литература пронизаны хромотопическими ценностями разных степеней и объемов» [1: 391-392]. Характерный для современной литературы неомифологизм наделяет их еще и акциональной функцией: хромотоп становится важнейшей составляющей события, «актантным фактором действия», в то время как персонаж (актер) выполняет функцию «пассиентного фактора покоя (или противодействия)» (терминология В.И.Тюпы [2: 25-26]).

Так, для главного героя повести П.Зюскинда «Die Taube» пятидесятитрехлетнего Йонатана Ноэля мир поделен на два подпространства. Первое подпространство – это враждебный и ненавистный ему внешний мир, второе – приватный мир его маленькой мансарды. Антитеза двух миров воплощается в метафоре «sichere Insel in der unsicheren Welt», используемой для обозначения приватного подпространства героя, в котором он прожил двадцать спокойных лет:

(1) Es (das Zimmer. – В.А.) war und blieb Jonathans sichere Insel in der unsicheren Welt, es blieb sein fester Halt, seine Zuflucht, seine Geliebte, ja, seine Geliebte, denn sie umfing ihn zärtlich, seine kleine Kammer, wenn er abends heimkehrte, sie wärmte und schützte ihn, sie näherte ihn an Leib und Seele, war immer da, wenn er sie brauchte, und sie verließ ihn nicht. Sie war in der Tat das einzige, was sich in seinem Leben verlässlich erwiesen hatte. Und deshalb hatte er nie einen Augenblick daran gedacht, sich von ihr zu trennen... [3: 12]

В приведенном отрывке приватное пространство героя – его комната в мансарде старого парижского дома – предстает как незыблемый и вечный оплот. Отсюда повторы глаголов бытийного значения (war und blieb, war immer da). Это не просто пустота, с годами заставленная мебелью, заполненная утварью и другими вещами, – это самое близкое и верное существо в его жизни, не способное ни

предать, ни оставить в беде. Все, кто предавал или оставлял Йонатана на произвол судьбы – родители, сестра, жена, – принадлежали внешнему миру и остались в прошлом. Настоящее Йонатана – эта комната, «связь» с которой должна стать в будущем и навсегда неразрывной, так он собирается ее приобрести (Er wollte ihr Verhältnis für alle Zeiten unverbrüchlich machen, indem er sie nämlich kaufte). Интересен переход к персонификации образа пространства: от вещного, бесполого среднего рода (das Zimmer, es) через фигуру климакса к женскому роду (die Zuflucht, die Kammer) и одушевленному существительному «die Geliebte». Персонификация опирается на соответствующие лексемы в окружающем контексте (sie umfing ihn zärtlich, sie wärmte und schützte ihn, sie näherte ihn an Leib und Seele, war immer da, sie verließ ihn nicht, sie war das einzige, was sich in seinem Leben verlässlich erwiesen hatte). В дальнейшем отношения между персонажем и его комнатой характеризуются как «связь»: существительное «Verhältnis» реализует в данном контексте значение «Liebesverhältnis», то есть любовная, сексуальная связь (über eine längere Zeit bestehende intime Beziehung zwischen zwei Menschen) [4: 1646]).

Приватное пространство героя предстает в контексте произведения как осуществление («двойник») упорядоченного и гармоничного космоса. Но мифологизация пространства оборачивается здесь же его демифологизацией. В приведенном фрагменте доминируют пространственно-временной, аксиологический (оценочный) и психологические планы точки зрения персонажа. Однако аукториальный повествователь обнаруживает свою ироническую позицию во фразе «Er wollte ihr Verhältnis für alle Zeiten unverbrüchlich machen, indem er sie nämlich kaufte», обозначив отношения комнаты и героя как «связь» (не «любовь»!), которая к тому же зиждется на

финансовой основе. Так, «оживляя» мифологическое представление о сакральном пространстве и его центре, писатель одновременно лишает его культовой сверхценности.

Аналогичную метаморфозу в повести П.Зюскинда претерпевает и второй член пространственной оппозиции – враждебный герою внешний мир, мир города, улицы как олицетворение хаоса. Страх персонажа перед этим миром мотивирует его стремление к обретению крыши над головой, собственного дома как «прочной опоры» (fester Halt), «прибежища» (Zuflucht), «острова безопасности» (sichere Insel). Весь ужас бездомного существования концентрируется для него в образе клошара, мирно спавшего в городском сквере на скамейке в окружении голубей (!) и воробьев, набросившихся на остатки его обеда (упоминание голубей здесь не случайно – ведь именно появление голубя в мансарде разрушает маленький космос Ноэля):

(2) ...er hatte Angst! Weiß Gott, er zitterte und hatte Angst, wenn er nur diesen schlafenden Clochard ansah: Er hatte mit einemmal fürchterliche Angst davor, so werden zu müssen wie der verlotterte Mensch dort auf der Bank. Wie schnell konnte es geschehen, dass man verarmte und herunterkam! Wie schnell zerbröckelte das scheinbar festgefügte Fundament der eigenen Existenz! [3: 60-61]

Здесь аукториальная повествовательная инстанция вновь прибегает к интроспекции в сознание героя, о чем свидетельствуют нарастающий повтор (климакс) существительного «Angst» (... er hatte Angst... er zitterte und hatte Angst... er hatte fürchterliche Angst), междометное восклицание «Weiß Gott!» и взволнованная интонация отрывка, передаваемая воспроизведенной дважды структурой эмоционального синтаксиса (Wie schnell...!).

Однако страх Йонатана Ноэля и, как следствие этого страха, ненависть к внешнему миру мотивированы в тексте не агрессивными

свойствами мира, а психикой героя, в которой, собственно, и коренится страх и агрессия – результат загнанных в подсознание детских и юношеских травм:

(3) Was immer in sein Blickfeld geriet, überzog Jonathan mit der scheußlichen Patina seines Hasses; ja man kann sagen, daß durch seine Augen ein wirkliches Abbild der Welt gar nicht mehr in ihn hineingelange, sondern, als hatte sich der Strahlengang umgekehrt, die Augen nur noch als Pforten nach außen dienten, um die Welt mit inneren Zerrbildern zu bespielen... [3: 76-77]

Образ внешнего мира оказывается искаженным «патиной ненависти» отражением хаоса, царящего в душе героя. Но хаос этот был спровоцирован появлением «посланца» внешнего мира – голубя, случайно (?) залетевшего в его мансарду и разрушившего маленький, приватный космос заточившего себя в нем Йонатана Ноэля. Таким образом, мифологема внешнего мира (города) как хаоса получает психологическую мотивировку и демифологизируется.

В романе молодого австрийского писателя Д.Кельмана «Mahlers Zeit» ведущим акциональным фактором развития сюжета становится время, что заявлено уже в названии, которое связывает имя существительное «Zeit» и имя главного героя отношением possessивности.

Начало романа является одновременно и экспозицией, и кульминацией повествования:

(4) In dieser Nacht machte David Maler die wichtigste Entdeckung seines Lebens [5: 7].

Приведенное предложение-зачин вводит имя героя (David Mahler) и время действия (in dieser Nacht), но также называет событие (die wichtigste Entdeckung seines Lebens), которое кардинально меняет жизнь Давида Малера.

Дальнейшее повествование (вся I глава и часть II главы) посвящено описанию сна героя. В этом сне к нему приходит окончательное решение проблемы, над которой он бился много лет:

(5) Und da sah er es wieder. Es nahm Gestalt an. Ein Gebilde reiner Mathematik, zum ersten mal in seinem Leben, nach so langer Arbeit, er mußte nichts dafür tun, es ging von sich selbst. Zahlen, die noch nicht ganz Zahlen waren, Begriffe, die ihre Bedeutung erst erhalten würden; Formen, noch nicht eingetreten in die Welt. <...> Und in diesem Moment explodierte in ihm, in einem versteckten, noch niemals aufgesuchten Ort seines Bewußteins, eine Gewißheit. Ensandte warme, funkelnde Wellen in sich weitenden Kreisen; voran, hinaus, voran, durch David.

Eine Weile lag er da wie ein Toter. Die Uhr tickte, sonst war es still. Er öffnete die Augen [5: 10].

Приведенное описание является интроспекцией ауториального повествователя в сознание (точнее – подсознание) героя в момент его пребывания на грани сна и пробуждения. Содержание сна – решение математической задачи, смысл которой еще никак не эксплицирован в тексте: объект описания обозначен рядом абстрактных существительных (Gebilde, Zahlen, Begriffe, Bedeutung, Formen). Вместе с тем в тексте передано волнение, охватившее героя, причем не через прямое словесное обозначение состояния, а через синтаксис: порядок слов (Und in diesem Moment explodierte in ihm <...> eine Gewißheit), парцелляцию (Und in diesem Moment explodierte... Ensandte warme, funkelnde Wellen...) и перечисление (voran, hinaus, voran, durch David).

Много позже читатель узнает, что Давид Малер, одаренный математик, в течение многих лет занимается проблемой времени. Еще в юности он пришел к выводу, что времени, понимаемого как линейная

последовательность, не существует, так как не существует ни прошлого, ни настоящего, ни будущего:

(6) Die Vergangenheit gibt es nicht, sie ist ja vorbei; die Zukunft gibt es nicht, weil sie noch nicht da ist; und die Gegenwart hat doch keine Ausdehnung, oder? Aber etwas, das keine Ausdehnung hat, das gibt es ja nicht! Ohne Vergangenheit also ohne Zukunft und ohne Gegenwart – wo ist die Zeit? Na? (Kehlmann, 52)

Итак, во сне Давиду Малеру приходит решение проблемы. С помощью ряда математических уравнений он доказывает ошибочность второго закона термодинамики, согласно которому время линейно и необратимо. Оказывается, что время не просто обратимо, оно аморфно (unscharf): будущее, настоящее и прошлое сосуществуют и могут менять ход событий. Малер полагает, что его открытие, опровергающее основной закон природы, может принести человечеству не только пользу, но и вред:

(7) «Vier längere Formeln», sagte er (David. – B.A.), «und ein paar Erläuterungen dazu. Ein paar Aufbauten in einem Labor. Man würde es in Gang setzen, und es würde sich ausbreiten wie Wellen im Wasser. Die Zeit würde unscharf werden. Weißt du, wir glauben immer, die physische Welt ist so sicher, so fest und durchgeplant. Und die Gesetze sind so verlässlich. Aber das stimmt nicht. Das ist alles sehr zerbrechlich. Sehr leicht zu beschädigen» [5: 108].

Чтобы спасти мир, герой пытается сделать свое открытие достоянием научной общественности, но его откровения вызывают недоумение и даже неприязнь. Малер начинает искать встречи с известным физиком, нобелевским лауреатом Борисом Валентиновым, идеи которого, изложенные в книге «Die Textur der physischen Welt», много лет тому назад послужили для Давида толчком к изучению времени. Однако странные (если не сказать подозрительные) события

каждый раз мешают этой встрече. Давид начинает осознавать, что какие-то неведомые, враждебные силы противятся раскрытию тайны времени. Малер называет их «небесным воинством» (eine Truppe von Engeln) или «мировой тенденцией» (eine Tendenz der Welt), что для него одно и то же, так как не меняет сути дела. Время становится для Малера опасным, оно преследует его («Die Zeit ist Verfolgung,» – говорит Давид своему другу Марселю), делает все, чтобы помешать ему раскрыть секрет о том, что мироздание зиждется на ошибке.

Давид Малер умирает от инфаркта в нескольких метрах от Валентинова. Время Малера становится убийцей Малера подобно пожирающему своих детей Крону, воплотившему страх архаического человека перед иррациональной и потому пугающей природой времени. Так персонификация времени оживляет мифологему «безобразного хаоса», который стоит за «стройным образом космоса» [6: 392]. Прочитанный таким образом роман Д.Кельмана приобретает черты фантастического триллера.

Но вместе с тем в повествовании, развивающемся по преимуществу по гетеродиегетическому акториальному типу, содержатся указания на психологическую (скорее, психиатрическую) интерпретацию истории. Это воспоминания героя о детстве и юности и описания преследовавших его всю жизнь ночных кошмаров, сюжеты которых повторяют одни и те же мотивы. Время в снах Давида Малера циклично и обратимо, так как в нем действуют законы психологического (перцептуального) времени.

Сон героя в самом начале романа маркируется как сюжетное событие (фрагмент 4). Повествователь регистрирует различные фазы сна, в том числе состояния, когда герою кажется, что он уже проснулся, но последующие описания искаженной действительности указывают на продолжение сна. Поскольку в условиях акториального повествования

именно точка зрения персонажа является центром ориентации для читателя, то и читателю приходится менять установку интерпретации (восприятия) текста:

(8) Sein Herz klopfte schneller. Das Bett vollführte eine plötzliche Drehung, ein hoher, eigenartig klarer Ton füllte für Sekunden die Luft. David hörte auf zu atmen. Das Licht floß schneller über die Decke. Ihm war schwindlig. Und dann konnte er nicht mehr anders: ¹Er setzte sich auf, schlug die Decke zurück und stieg aus dem Bett.

Er ging auf das Fenster zu. Es wich vor ihm zurück; er ging schneller und erreichte es. Direkt darunter, auf der Straße, stand eine Laterne. Aber irgend etwas damit stimmte nicht; von ihr ging kein Licht aus; etwas fehlte: Die Kugel aus Milchglas, die an ihrer Spitze gewesen war, lag zerbrochen auf dem Asphalt. Ein Mann ging vorbei, die Scherben knirschten unter seinen Schuhen. David lehnte sich an die Scheibe, sie fühlte sich kühl an. Er drehte sich um, im Bett lag jemand, gleichmäßig atmend, mit geschlossenen Augen, der ihm bekannt vorkam. Er kam ihm sehr bekannt vor. Er war es selbst.

David zuckte zurück. Und öffnete die Augen.

Er lag im Bett. Das Zimmer war dunkel und leer. ²Er streifte vorsichtig die Decke, stand auf und ging zum Fenster.

Das Glas beschlug von seinem Atem. Er wischte über die Scheibe und sah hinunter auf die zerbrochene Straßenlaterne. Ein Auto fuhr brummend vorbei. Er drehte sich um. Das Zimmer lag harmlos vor ihm. Aber die Laterne war zerbrochen. Gestern abend war sie noch ganz gewesen [5: 8-9].

Приведенный фрагмент распадается на две части, маркированные варьированным повтором: «Er setzte sich auf, schlug die Decke zurück und stieg aus dem Bett. Er ging auf das Fenster zu...» / «Er streifte vorsichtig die Decke, stand auf und ging zum Fenster». Действия,

которые называются в этих предложениях, указывают на пробуждение героя. Следующими за ними описания эквивалентны, но неидентичны, так как по-разному представляют схожее содержание: вид комнаты и улицы, разбитый уличный фонарь. Но если в первой части «реальность» соседствует с «фантастикой», что позволяет интерпретировать ее как сон, то вторая соотносится с «реальностью» героя. Однако эта реальность не менее фантастична, так как герой обнаруживает в ней то, что видел во сне. Интересно, что описание разбитого фонаря во сне более подробно, так как фиксирует процесс визуального (Aber irgend etwas damit stimmte nicht; von ihr ging kein Licht aus; etwas fehlte: Die Kugel aus Milchglas, die an ihrer Spitze gewesen war, lag zerbrochen auf dem Asphalt) и акустического (Ein Mann ging vorbei, die Scherben knirschten unter seinen Schuhen.) восприятия, в то время как описание фонаря наяву общо – «eine zerbrochene Straßenlaterne»; «Aber die Laterne war zerbrochen». Эквивалентность описания создает иллюзию цикличности времени. В дальнейшем упоминание разбитого фонаря, уже в начале повествования попавшего в стратегически важную позицию, возвращает читателя к началу повествования и таким образом замыкает круг времени повествования и повествуемого времени.

Как известно, художественное время являет собой сложную, многомерную конструкцию, одна из составляющих которой – перцептуальное время. Перцептуальное (или «внутреннее») время героя, доминирующее в тексте романа Д. Кельмана, отражает представление о том, что время имеет, как утверждал Д.У. Данн, для человека, по меньшей мере, два измерения: «В одном измерении человек живет, в другом он наблюдает. И это второе измерение является пространственноподобным, по нему можно передвигаться в прошлое и будущее. Проявляется это измерение в измененных

состояниях сознания, когда интеллект не давит на человека, то есть, прежде всего, во сне» [7: 87-88].

Эти рассуждения могут служить объяснением «пророческих» сновидений Давида Малера. Однако сам герой дает им иное объяснение. Отсюда – возможность еще одной интерпретации текста. История Давида Малера – это история тревожного сознания, не сумевшего преодолеть страх перед не подвластным контролем временем. Психологическая мотивировка означает демифологизацию созданного в романе образа времени. В этом случае история Давида Малера может быть интерпретирована как история человека, психика которого не выдержала бремени гениальности. В конце романа физик Борис Валентинов заключает:

(9) Aber nicht einmal seine Berechnungen waren richtig. Und der Rest – spekulativ! Reine Spekulationen, keine Wissenschaft. Nichts davon haltbar [5: 157].

Наконец, история Давида Малера может быть воспринята и как художественное осмысление процесса научного творчества, в котором интуиция играет важную роль. Дело в том, что в истории науки второй закон термодинамики не раз становился объектом научной дискуссии. Устами все того же Валентинова автор объясняет этот феномен следующим образом:

(10) «Wissen Sie, ich frage mich, warum es immer wieder der zweite Hauptsatz ist. Vielleicht wirklich, weil er uns und allen Dingen, allen nur möglichen Dingen den Tod vorschreibt. Ihn aufheben das wäre... keine kleine Leistung. Aber es geht nicht, es wird nie gehen. Es kann nicht gehen; wenn irgend etwas sicher ist, dann das». Er (Valentinov. – B.A.) sah Marcel an und lächelte schwach. «Leider» [5: 157].

Необратимость времени означает также необратимость нарастания энтропии, понимаемой как мера неопределенности

системы, а, значит, и необратимость нарастания хаоса и смерти. Однако уже Л. Больцман, а вслед за ним И. Пригожин подвергли сомнению традиционную точку зрения на термодинамическую необратимость. Первый доказал, что нарастание энтропии в замкнутой системе не является необходимой, а лишь в высшей степени вероятной [7: 85], второй – предположил, что в неравновесных (неустойчивых) системах действует принципиально иная закономерность: в них «направленность понимается не как непрерывный ряд жестких причинно-следственных изменений, а как результат пересечения различных событийных потоков, усиливающих либо нейтрализующих друг друга, изменяющих либо сохраняющих определенные тенденции». Современная наука исходит из «поливариантност[и] протекания процессов, предполагающ[ей] наличие не только различных форм самоорганизации системы, но и эволюционных альтернатив» [8: 19].

Как видим, история Давида Малера может быть прочитана не только как психиатрический казус, но и как история научного поиска, требующего от ученого определенного мужества перед необходимостью опровержения кажущихся незыблемыми основ человеческого знания (достаточно вспомнить пушкинское «...и гений, парадоксов друг»). Трагедия математика Малера заключается в том, что он перепутал действительность и знание о действительности. Сомнения в истинности последних трансформировались в его сознании в убеждение в ошибочности самих основ мироздания (см. фрагмент 7).

Сознательно используемые стратегии мифологизации и демифологизации времени в анализируемом тексте создают условия для интерпретационной игры, в которой важная роль отводится читателю: его культурная компетенция определяет способ прочтения

текста – как триллер, как психиатрический случай, как драматический эпизод (или печальный анекдот) из истории науки.

В.П. Руднев полагает, что постмодернизм, воспринявший неомифологическое сознание как тип культурной ментальности, одновременно «поставил его на место», лишив его той сверхценной культовой роли, которую он играл в середине XX века» [7: 272]. Действительно, время великих, утонченных и интеллектуальных романов-мифов в немецкой литературе таких, как «Zauberberg» или «Doktor Faustus», вероятно, прошло. Сегодняшний неомифологизм, как он предстает в проанализированных текстах П. Зюскинда и Д. Кельмана, сводится к постмодернистской игре с понятиями «хаос», «космос», «хаосмос».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234-405.
2. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П.Чехова). – Тверь, 2001.
3. Süsskind P. Die Taube. – Zürich, 1990.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch / 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1996.
5. Kehlmann D. Mahlers Zeit. – Frankfurt/Main, 2001.
6. Соловьев Вл.С. Общий смысл искусства // Сочинения: в 2 т. 2-е изд. – М., 1990. – Т.2. – С. 370-402.
7. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М., 2003.
8. Можейко М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистских парадигм. – Смоленск, 2004.

**К СООТНОШЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО И АЛЛЕГОРИЧЕСКОГО
ТОЛКОВАНИЯ ПРИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Ключевые слова: аллегорический метод, герменевтика, историко-грамматический метод, камень, лирика, миф, поэзия, поэтика, слово

В статье рассматривается соотношение исторического (грамматического) и аллегорического метода герменевтической интерпретации в их исторической и функциональной взаимосвязи. Данная проблема рассмотрена на примере лирики П. Целана, которая, с одной стороны, является открытой системой, а с другой – принадлежит традиции т.н. герметической поэзии. В статье рассматривается поэтический образ камня в контексте данных видов толкования.

The connection of the history and the allegory interpretation method in the tradition of hermeneutics is regarded in their historical and functional correlations. This problem is exemplified with the interpretation of the lyric of P. Celan. His poetry is, on the one side, an open poetical system connected with the historical data and, on the other side, belongs to the tradition of the hermetic poetry. The poetical image of the stone is analyzed in the context of both the methods of interpretation.

Проблема утраты текстом непосредственной исторической актуальности и понятности была осознана в герменевтике уже в древности. Мифическое предание теряло религиозный авторитет и нуждалось в особом объяснении. Поэтому уже стоики ввели практику усмотрения наряду с прямым (историческим) смыслом текста смысла непосредственно неданного и скрытого, который впоследствии получил название аллегорического. Особенную остроту эта проблема

* **Вольский Алексей Львович**, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

приобрела в эпоху эллинизма, когда библейская история стала толковаться с помощью языка греческой метафизики. К этому периоду относится и создание Септуагинты, и деятельность основателя школы аллегорического толкования – Филона Александрийского, который видел аллегории в каждом библейском образе. В отличие от эллинизированных иудеев традиционная иудейская экзегеза настаивала на примате исторического смысла Св. Писания и буквального понимания, сближаясь в данном вопросе с антиохийской школой толкования в христианстве.

В Новое время, в романтической герменевтике соотношению аллегорического и исторического смысла отчасти соответствует теория о двух видах толкования – психологическом и грамматическом, предложенная Фр. Шлейермахером [1: 172]. При грамматическом толковании текст толкуется на основании языковой системы и традиционного словоупотребления, а при психологическом как новое языковое явление, созданное авторским творчеством. Изучение соотношения двух (и более) смыслов текста – буквального и духовного (*sensus litteralis* и *sensus spiritualis*), а также двух типов толкования актуально при толковании текста поэтического, в котором наряду с общеязыковым имеется и глубинный художественный смысл, который составляет цель герменевтического анализа. Это соотношение приобретает характер антиномии в т.н. герметической поэзии, которой в узком смысле принято обозначать лирику Дж. Унгаретти и его школы, хотя

герметичность как стилистическая черта есть широкое понятие, характеризующее стиль модернизма в целом.

К их числу можно причислить и немецкоязычного поэта П. Целана [2]. Его лирика представляет собой замкнутую метафорическую систему, в основе которой лежит система индивидуальных поэтических образов-шифров: Stein, Schnee, Wort, Blume, Sprache, Sand, Eis, Herz, Nacht, Asche, Auge и др. [3: 103] Но эта герметичность составляет только одну сторону его лирики.

С другой стороны, лирика, пережившего Холокост П. Целана, глубоко исторична. Память жертв геноцида является, пожалуй, главным принципом его поэзии. В своей поэтике, которая программно представлена в речи «Меридиан», П. Целан говорит, что в основе поэтического произведения лежат определенные «даты». Это понятие имеет, прежде всего, исторический смысл. Для П. Целана такой датой являлось 20 января 1942 г., когда на конференции в пригороде Берлина Ванзее было принято решение о ликвидации евреев. Но понятие *дата* имеет и более широкий смысл – этимологический: «данность». Отрицая ценность абсолютной поэзии в духе Ст. Малларме, П. Целан полагал, что в основе поэтического текста должна лежать некая реальность, делающая его отчасти историческим документом. Поэтому он вплетает в свои произведения воспоминания, переживания, впечатления и факты реальной жизни, что дает право причислять его и к т.н. автобиографической поэзии [4]. Возможно, поэтому наряду с метафорами П. Целан широко использует не только реалии, но и специальную лексику, терминологию из разных областей знаний: геологии, биологии, метеорологии, химии и др. Сочетание терминологии и метафоры составляет одну из главных особенностей его стиля и ставит проблему значимости реалий при толковании его

поэтических текстов, которая интенсивно обсуждалась в специальной литературе (ср. [1: 390-398; 5: 112-142]).

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы в связи с обсуждаемой дихотомией историко-грамматического и аллегорического толкования: возможно ли понимание такого текста вне знания реалий с ним связанных? В качестве примера мы хотели бы рассмотреть стихотворение «Weggebeizt...», которое вошло в первую часть цикла «Atemwende», имеющую название «Atemkristall». Это стихотворение принадлежит к т.н. «геологической» лирике П. Целана [6], в которой лирические образы сочетаются с геологической терминологией.

Следует сказать, что геологические мотивы, образы и ассоциации встречаются в его лирике, начиная с цикла «От порога к порогу» и становятся доминирующим в цикле «Решетка языка», обозначая такие топоры поэтической рефлексии как страдание, смерть, боль, прах погибших (напр., стихотворение «Entwurf einer Landschaft»).

Считается, что особое влияние здесь оказала поэтика и поэзия русского акмеизма и особенно О. Мандельштама, которого П. Целан в этот период переводил. Как известно, у О. Мандельштама «камень» был образом «умной» природы, которая через искусство приобщается к духу. Важнейшим мотивом здесь была архитектура, которая противопоставляется монотонности бездуховного космоса. Строки: «Я ненавижу свет / Однообразных звезд. / Здравствуй мой давний бред, / Башни стрельчатой рост//» Л. Гинзбург считает концентрированным выражением поэтики камня [7: 336].

Интересно, что в целановской «Ничьей розе», вышедшей в 1963 г., впервые появляются стихотворения, посвященные архитектурным памятникам. К их числу следует отнести, прежде всего, стихотворения «Le Menhir» и «Kermervan». В первом стихотворении речь идет об одиннадцатиметровом кельтском обелиске Менгире,

который П. Целан видел в Требабю (Бретань) во время летнего отдыха в 1961 г. Во втором стихотворении говорится о замке мореплавателя (кельтское слово *Kermorvan* означает «дом моряка»), также в Бретани. Так, камень становится символом исторической памяти.

П. Целан обладал обширными знаниями по геологии, которые он черпал из специальной литературы: Р. Лангенбек «Физическая геология», Роланд Бринкман «Очерк геологии» или Франц Лотце «Геология». Его лирика наполнена геологической терминологией. Здесь мы встречаем не только такие образы, как камень, базальт, лаву, щебень, гальку и т.д., но и такие для лирического текста «экзотические» геологические понятия как: «*Meermühle*» (исполинов котел), «*Kluffrose*» (диаграмма трещин), «*Schill*» (прибрежный ракушечник) и т.д., которые, как правило, в своем терминологическом значении известны только специалистам, а простому читателю представляются скорее лирическими образами.

Обратимся к тексту:

Weggebeizt vom/ Strahlenwind deiner Sprache/ das bunte Gerede/ des An-
erlebten – das hundert-/ züngige Mein-/ gedicht, das Genicht.// Aus-
gewirbelt,/ frei/ der Weg durch den menschen-/ gestaltigen Schnee,/ den
Büßerschnee, zu/ den gastlichen/ Gletscherstuben und -tischen./ Tief/ in der
Zeitenschrunde,/ beim/ Wabeneis/ wartet, ein Atemkristall,/ dein
unumstößliches/ Zeugnis.// [8: 180]

Как говорилось выше, данный текст буквально переполнен геологической терминологией. Во-первых, «*Büßerschnee*» – «зубчатый фирн» – зернистый снег в верхних частях ледника, образующий т.н. фирновые поля. Фирн происходит от частого оттаивания и замерзания снега. При дальнейшем уплотнении он переходит в глетчерный лед [9: 222]. Другие источники добавляют, что высота фирнового льда может достигать шести метров, а фирновое поле выглядит как обширное

пространство ледовых пирамид [6: 199]. При таянии ледник может приобрести форму стола («Gletschertisch», также термин, по-русски «ледниковый стол»), а гипотетические скопления воды внутри ледника носят название «Gletscherstuben». Геологии принадлежит термин «Wabeneis» – в ледниковых пещерах внутри гор лед имеет особую дырчатую (альвеолярную) структуру, а также выражение «vom Winde weggebeizt», которое заимствовано П. Целаном из книги Зигмунда Гюнтера «Physische Geographie», изданную в Лейпциге в 1895, в которой говорится о т.н. «свидетелях» (Zeugen). Так называются группы отдельно стоящих усеченно пирамидальных горных холмов ливийской пустыни, вершины которых стерлись от ветра, буквально «выжжены ветром» («vom Wind weggebeizt») [8: 795].

Все эти знания, почерпнутые из специальной литературы и словарей, безусловно, способствуют пониманию этого текста, но не заменяют такового. Поэтому в качестве следующего шага мы намерены еще раз прочесть его, опираясь исключительно на имманентную семантическую структуру, условно допустив, что специальных «геологических» знаний у нас нет. Однако у нас есть общее знание тематики целановской поэзии, в основании которой лежит антитеза жизни и смерти, о которой шла речь выше. Эта антитеза отражена и в форме стиха: верлибр Целана характеризуется крайней асимметричностью, проникающей во все текстовые явления. Она проявляется в антитезах и переносах, осложненном синтаксисе, построении многочастных композитов и наоборот, расчленении отдельных слов на составляющие элементы, использовании смелой метафорики, в основании которой зачастую лежит катахреза и т.д. [3: 95]

В данном тексте антиномичность выражена многообразно. Во-первых, в антитезах «ich-du», «buntes Gerede-Atemkristall», в которой противопоставляются поверхностный и глубинный смысл бытия, к

которому поэт приходит. Этот путь «вглубь» бытия есть одновременно погружение в глубины языка, переход от поверхностного, неистинного к глубинному и истинному, или, сформулировав эту мысль в лингвистических терминах, – переход от речи, которая здесь представлена в несобственном (в терминологии М. Хайдеггера) модусе бытия к языку, коим поэзия в сущности своей и является. Суть же самой поэзии в «непоколебимом свидетельствовании» («*unumstößliches Zeugnis*»).

Путь «сгущения» речи в язык символически осмысляется в этом тексте через образ замерзания слова и превращение его в кристалл как символ слова поэтического. Данный образ хорошо объясняет не научная, а народная этимология немецкого слова «*Dichten*», означающая «сгущать, спрессовывать». Тем самым поэзия толкуется здесь как слово, спрессованное в кристалл, слово-вещь. Чтобы понять этот образ следует вспомнить о мифе, в котором слово и было вещью. Так, И.Г. Гаман, обсуждая эту проблему, приводит образный пример: в раю Адама окружали не вещи, а живые слова [10: 190]. Такова вкратце общая идея этого текста, целостный смысл.

Однако герменевтический анализ, который движется по кругу, побуждает нас обратиться теперь к отдельным частям этого текста. Рассмотрим его теперь построфно в связи с обсуждаемой проблемой соотношения имманентного и историко-грамматического толкования.

Стихотворение начинается причастным оборотом «*Weggebeizt vom Strahlenwind deiner Sprache*». Многозначный глагол «*beizen*» означает «травить, прижигать рану, жечь, выжигать, разъедать». В первой строфе мы имеем антитезу: поэт противопоставляет «лучевой ветер языка» «пестрой болтовне», под которой он понимает не только всякие поверхностные разговоры и речи, но и собственное языкотворчество, которое он обозначает как *Mein-gedicht, das Genicht*. Имя

существительное «Mein-gedicht» – это поэтический неологизм, который образован по одной словообразовательной модели со словом «Meineid» (клятвопреступление). Второй неологизм, приложение «das Genicht» образован по той же модели, что и существительное «das Gedicht», имеющий корень «nicht-» от «nichten» (ничтожить). Таким образом, появляется концепция поэзии, которая есть язык этого «ты», язык Истины, стирающая, выжигающая обыденную и ничтожную повседневную речь.

Во второй строфе, композиционно симметричной первой за счет синтаксического параллелизма (weggebeizt-ausgewirbelt), происходит «развитие» данной темы. Оно выражено в образе пути «der Weg durch den menschen-/gestaltigen Schnee,...». Композит «Büßerschnee» при таком имманентном толковании мы с полным правом можем понимать не терминологически, а метафорически как «снег кающихся», варьирующую через синонимический повтор предыдущий образ «durch den menschen-/gestaltigen Schnee». Варьируемый повтор разъясняет метафору и вполне заменяет нам фоновую геологическую информацию о том, что фирновый снег, будучи пирамидальным, может напоминать человеческую фигуру. Стало быть, путь к языку ведет через покаяние. Средой же для покаяния предстает снег, традиционный символ чистоты. Этот путь выводит далее к некоему пределу, где путника ждут как гостя (ср. стихотворение Г. Тракля «Зимний вечер»). Выражение «zu den gastlichen Gletscherstuben und – tischen» и есть метафора покоя, завершения странствия. В этом ледовом царстве кристаллизуется не только слово, но и все, что находится внутри него, в частности время. П. Целан использует метафору «временная трещина» Zeitenschrunde.

Вернемся к метафоре «Atemkristall», соединяющей в одном образе две противоположные стихии, каждая из которых в речи «Меридиан» переосмысливается поэтологически. (ср. [11: 7]). Этот образ вбирает в себя общую антитетику этого текста и завершает

выстроенный здесь метафорический ряд, указывая на одно любопытное явление. Будучи поэтическим неологизмом Целана, он встраивается в цепь «настоящих» геологических терминов, побуждая читателя воспринимать и их как метафоры.

Сказанное заострило также и другую важную герменевтическую оппозицию: между знанием и пониманием. Знание реалий текста и понимание его художественного смысла не являются тождественными понятиями. Об этом писал еще В. Дильтей, называвший познание методом естественных наук, а понимание – гуманитарных. Естественно, что для понимания текста нам необходимы определенные знания, прежде всего лингвистические, особенно, если текст написан на иностранном языке. Но знание как таковое есть только внешняя по отношению к тексту информация, которая, не будучи «возвращена» в текст, от понимания уводит. Поэтому знание может рассматриваться только как материал для понимания, которое и является высшей целью толкования текста.

Здесь следует вернуться к поэтологической концепции П. Целана, о которой говорилось выше. Используя в лирике специальную терминологию, П. Целан стремился подчеркнуть не фикциональный, а документальный характер своей поэзии. В этом состоит один из аспектов антитезы «поэзия-искусство», о которой он говорит в «Меридиане» [11: 3]. Кроме того, рассматриваемое явление проявляет и другую антитезу – между поэзией и языком. Превращая термины в метафорические образы, П. Целан восстанавливает в своей поэзии утраченную в повседневной речи выразительность языка, выявляя в термине его метафорическое происхождение. С другой стороны, восстановленное метафорическое значение в поэтическом мифе Целана вторично демегафоризируется: метафора воспринимается в прямом значении составляющих ее лексических элементов. Этот процесс известен в поэтике как реализация метафоры. Он

свидетельствует о глубинном реализме целановской поэзии, которая существует за счет напряжения, возникающего между историческим (грамматическим) и метафорическим (аллегорическим) смыслом текста, которые способны переходить друг в друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Szondi P. Celan-Studien // Schriften II. – Frankfurt am Main, 1991.
2. Sparr Th. Celans Poetik des hermetischen Gedichts. – Heidelberg, 1989.
3. Вольский А.Л. Языкотворчество в современной поэзии (на материале лирики П. Целана): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1998.
4. Emmerich W. Paul Celan. – Reinbek, 2002.
5. Gadamer H.-G. Wer bin Ich und wer bist Du? Ein Kommentar zu Celans Gedichtfolge Atemkristall, revidierte und ergänzte Ausgabe. – Frankfurt am Main, 1986.
6. Werner U. Textgräber. Paul Celans geologische Lyrik. – München, 1998.
7. Гинзбург Л.Я. О лирике. – М., 1997.
8. Celan P. Die Gedichte. Kommentierte Gesamtausgabe. – Frankfurt am Main, 2003.
9. Малая советская энциклопедия (МСЭ). Т. 11 – М., 1947.
10. Hamann I.G. Schriften. – Leipzig, 1921.
11. Celan P. Der Meridian. Endfassung Vorstufen Materialien. – Tübingen, 1999.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

- Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» принимаются научные статьи на русском языке.

- Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие рецензии доктора наук по соответствующей специальности, которая должна быть представлена в печатном виде, подписана рецензентом, подпись заверяется в отделе кадров соответствующей организации; отзыв научного руководителя (несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования); выписка из протокола заседания кафедры.

- Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий, редакция оставляет за собой право отправить рукопись на независимую экспертизу.

- Статья должна содержать УДК и на отдельном листе аннотацию на русском и английском языках, включая название на английском языке, ключевые слова.

- Статья присылается в двух экземплярах вместе с сопроводительными документами: сведения об авторе (авторах): Ф.И.О., должность, учёные степень и звание, домашний адрес, место работы, номера телефонов, адрес электронной почты. Статья должна быть подписана всеми авторами.

- Вместе с печатным вариантом текст предоставляется также в электронном виде на электронном носителе. Электронная версия статьи выполняется в формате Word в виде одного файла без разбивки на страницы, переносов, шрифтовых выделений. Объём статьи не должен превышать 16 страниц машинописного текста формата А4 (210 x 297 мм), напечатанного через полуторный интервал, включая текст статьи, таблицы, рисунки и библиографию (оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1–2003). Текст статьи должен быть распечатан на лазерном или струйном принтере (гарнитура «Arial», кегль 14).

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

E-mail: Vestnik_LGY@list.ru

Научный журнал

Вестник

Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина

№ 2 (13)

Редактор *Е. В. Дворецкая*
Технический редактор *Н. В. Чернышева*
Оригинал-макет *Е. В. Дворецкой*

Подписано в печать 18.02.2008. Формат 60x840 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 245

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а